

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани: 8 903 839 65 94

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

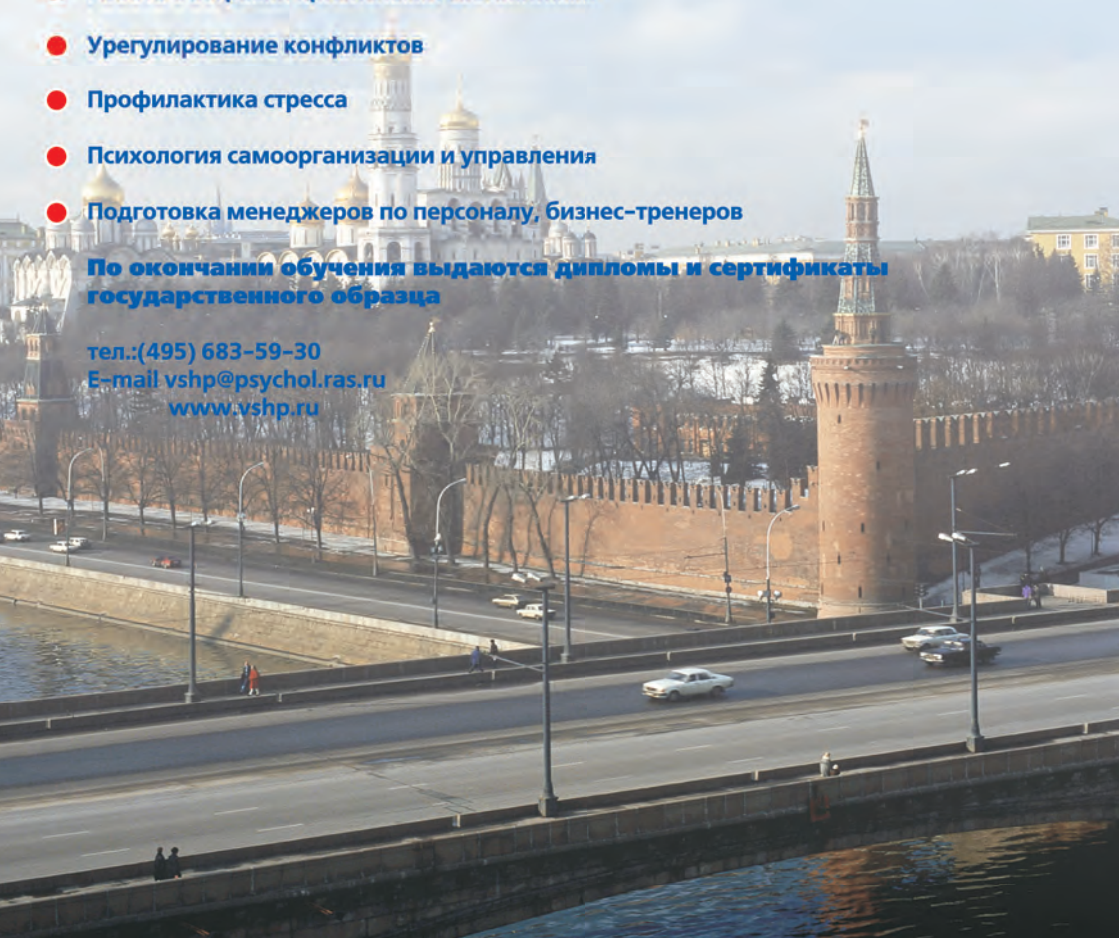
Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому
консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс-диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний (в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров**

По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты государственного образца

тел.:(495) 683-59-30
E-mail vsnp@psychol.ras.ru
www.vsnp.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент

Зам. главного редактора –

И. В. Блиникова,
кандидат психологических наук,
доцент

Зам. главного редактора –

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор

Ответственный секретарь –

Е. А. Щелкушкина,
кандидат психологических наук

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

С. К. Бондырева,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. Я. Гришко,
доктор юридических наук,
профессор

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент

А. А. Крымов,
кандидат юридических наук,
доцент

М. И. Марьин,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук

Н. Н. Нечаев,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор

ТЕМА НОМЕРА:

агрессивность, исправление и качество ЖИЗНИ

агрессия

исправление

качество
ЖИЗНИ

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этот выпуск журнала посвящен проблемам молодежной преступности, в том числе несовершеннолетних. Проблеме исправления этой категории лиц также уделено существенное внимание

в методологическом разделе. Существенное внимание уделяется и психологическим проблемам осужденных женщин.

Продолжают тему майского семинара с одноименным названием «Прикладная юридическая психология» проблемные статьи о формах агрессии и агрессивности, а также противоположных формах переживания удовлетворенности жизнью, качеством жизни и переживания счастья.

Тема открытой и скрытой агрессии как детерминанта криминального поведения и развития личности также сохраняет свою актуальность. Так, например, на семинаре был поставлен вопрос, решение которого многим кажется очевидным: является ли агрессивность прямой причиной криминального поведения или же ее вес в криминализации личности (в частности молодежи) не так уж велик и сравним с другими возможными причинами (корысть, криминальный авторитет, субкультуры и т. д.).

Как связана агрессивность с уровнем зрелости личности, с ее личностным ростом? Возможно, именно в такой постановке вопроса совместного изучения личностного роста, качества жизни, агрессивности, недовольства собой и переживания счастья указанные проблемы приобретут свое системное решение.

*Главный редактор,
доктор психологических наук,
профессор Д. В. Сочивко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**в помощь
руководителю**

**в помощь
исследователю-
практику**

**юридическая
психология и религия**

научная жизнь

dura lex sed lex

наши юбиляры

Преступление и наказание от

ДО **71** Словарь
по пенитенциарной
психологии

Уже в продаже

Готовится второе издание,
существенно исправленное
и дополненное

По вопросам покупки обращайтесь по телефону: 8 910 635-71-55

Методология и теория юридической психологии

- Теоретико-методологический анализ социально-правовых и социально-психологических функций воспитательного центра в предупреждении рецидивной преступности несовершеннолетних и лиц молодежного возраста.
Крымов А. А., Попов В. В. 8
- Рациональные пути исправления несовершеннолетних осужденных.
Купцов И. И., Пивоварова Т. В. 26
- Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста. **Сочивко Д. В.** 35
- Адаптация методик в исследовании субъективного качества жизни людей, работающих вахтовым методом. **Головина Г. М., Савченко Т. Н.** 41

Прикладные и экспериментальные исследования

- Специфика проявления агрессии в поведении сотрудников правоохранительных органов. **Гаврина Е. Е.** 51
- Психодинамика удовлетворенностью жизнью и переживания счастья.
Сочивко Д. В., Чубич В. Э. 59
- Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.). **Датий А. В.** 68
- Диагностика профессиональных деструкций личности: психосемантический подход. **Болдырев А. В.** 75
- Сравнительный анализ структуры межличностного общения осужденных женщин при наличии у них ситуативных и смертельно опасных заболеваний в контексте принятия ими медико-психологической помощи. **Калинова И. Л.** 82

Психопрактики

- Возможность применения эмоционально-образной психотерапии в работе с осужденными в местах лишения свободы. **Пестриков Д. В., Сеник И. В.** 89
- Профессиональная самореализация выпускников факультета психологии и их ретроспективные оценки полученного образования (по материалам Интернет-опроса, проведенного в КГУ им. К.Э. Циолковского).
Краснощеченко И. П., Тарамакин Р. Б. 96

В помощь руководителю

- Применение полиграфа, как мера противодействия экстремизму.
Иванов Р. С. 107

В помощь исследователю-практику

- Типология психологических стилей семейного воспитания подростков в Республике Иран. **Демьяненко А. В.** 114

Юридическая психология и религия

- Психолого-педагогические аспекты патриотического служения российского казачества. **Шафажинская Н. Е.** 121

Научная жизнь

Первый Российский международный пенитенциарный форум
«Преступление, наказание, исправление».

129

Первый национальный конгресс по трансакционному анализу.

131

Dura lex sed lex

Компетентностный подход в кадровой политике полицейских структур зарубежных стран.

Душкин А. С.

132

Наши юбиляры

Поздравляем с 65-летием доктора психологических наук, профессора
Евгения Николаевича Богданова!

144

Жизнь на стыке юриспруденции и психолого-педагогической науки
(к 60-летию Олега Викторовича Старкова). **Махиборода Н. И.**

145

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЛИЦ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА

А. А. Крымов, В. В. Попов

Аннотация: в статье осуществлена уголовно-правовая и криминологическая характеристика рецидивной преступности несовершеннолетних, сформулированы основные положения проекта концептуальной модели нового типа исправительного учреждения для несовершеннолетних — воспитательного центра, раскрыты его виды, структура и условия отбывания наказания, обосновывающие эффективность воспитательного центра в предупреждении рецидивной преступности указанной категории осужденных.

Ключевые слова: рецидивная преступность; воспитательный центр; рецидивная преступность несовершеннолетних; функции воспитательного центра; предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних.

Summary: in the article the criminal law and criminological characteristics of juvenile recidivism, formulated the basic provisions of the draft conceptual model of a new type of juvenile detention facility — Educational Centre opened its types, structure and terms of punishment, proving the effectiveness of an educational center in the prevention of recidivism of this category of prisoners.

Keywords: recidivism, educational center, recurrent juvenile delinquency and the functions of the educational

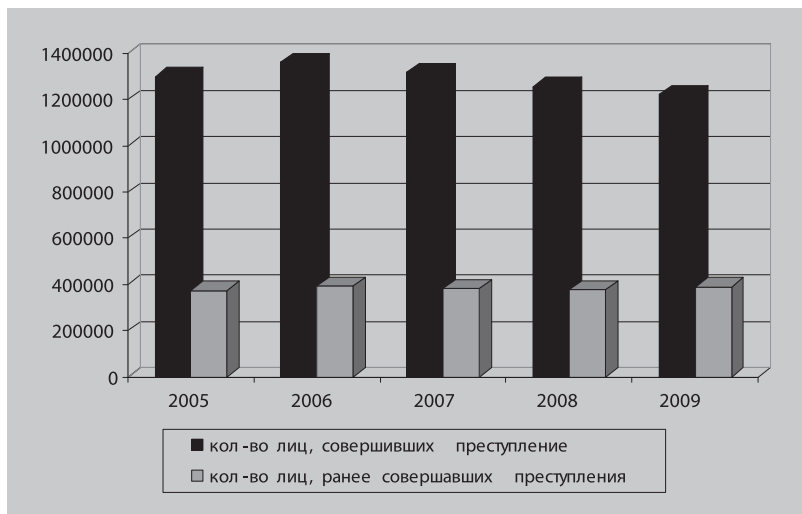
center, the prevention of juvenile recidivism.

Рецидивная преступность выражает такое качество преступности, как ее устойчивость, и прямо связана с упорным нежеланием определенной категории лиц вести себя в соответствии с принятыми в обществе нормами поведения, а также с предпочтением ими криминальных вариантов решения своих проблем, несмотря на ранее принятые к этим лицам меры. Повторное совершение преступником уголовно наказуемого деяния свидетельствует как о недостаточности мер правового характера, которые применялись к лицу в связи с совершением им предыдущего преступления, так и о неэффективности исправительного воздействия со стороны учреждения исполнения наказания.

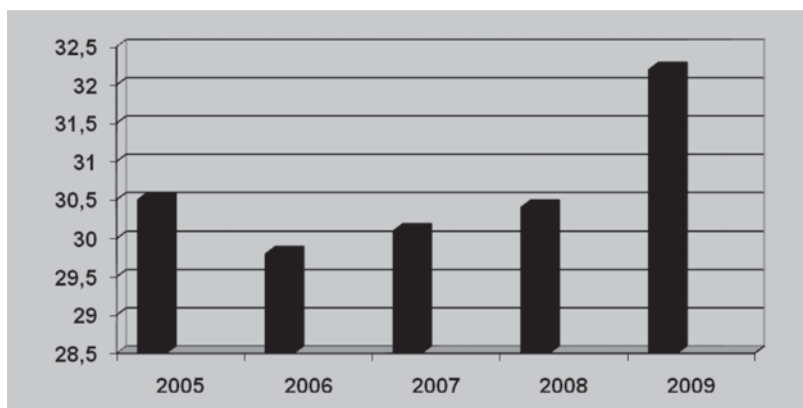
В последнее время на фоне снижения регистрации преступлений отмечается устойчивый рост доли лиц, совершающих преступления повторно. По данным ГИАЦ МВД России, каждое третье (34%) зарегистрированное преступление в первом полугодии 2010 г. было совершено лицом повторно [1].

Рецидивная преступность во многом обусловлена преступностью несовершеннолетних, которая и составляет основу для воспроизводства реци-

Соотношение количества лиц, совершивших преступления, с количеством лиц, ранее совершавших уголовно наказуемые деяния (2005–2009 гг.)

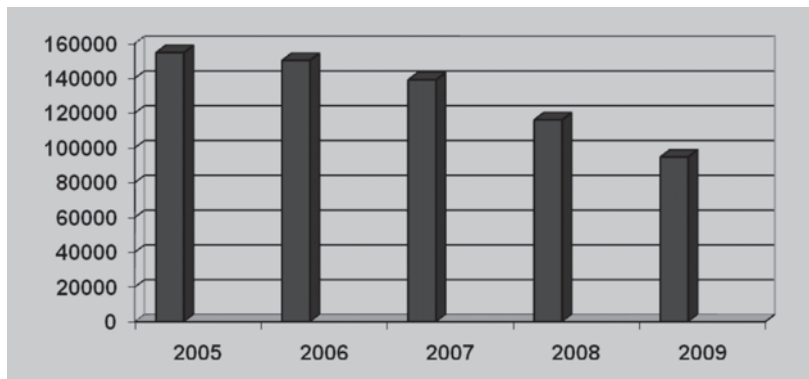
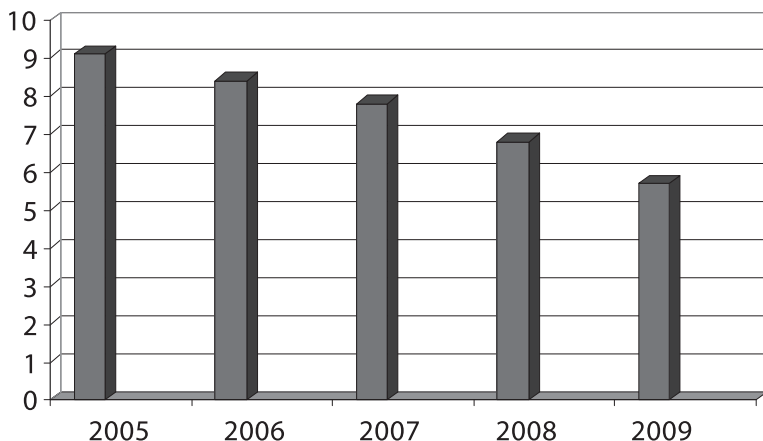

Количество преступлений, совершенных лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, за период с 2005 по 2009 год (%)

дива. Криминологическими исследованиями доказано, что чем раньше человек попадает в места лишения свободы, тем выше риск повторного совершения им преступления, а рецидив ведет к формированию у лица признаков криминального профессионализма. Установ-

лено, что около 60% рецидивистов начинают преступную «карьеру» в несовершеннолетнем возрасте [2, с. 5]. Это нашло подтверждение и в исследованиях, проходивших в период с 2004 по 2009 год на базе исправительных учреждений Мордовии, Северной Осетии, Хака-

Динамика преступности несовершеннолетних в России (2005–2009 гг.)**Изменение удельного веса преступности несовершеннолетних в общей структуре преступности в 2005–2009 гг. (%)**

сии, Вологодской и Ярославской областей. Удельный вес осужденных, повторно совершивших преступление и ранее отбывавших наказание в воспитательной колонии в возрасте до 24 лет, составил 30% [3].

Вместе с тем стоит отметить, что, говоря о рецидиве несовершеннолетних, мы понимаем его как весьма условное понятие. В соответствии со ст. 18 УК РФ рецидивом признается умышленное со-

вершение преступления лицом, которое имеет судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Тем не менее согласно п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ при установлении факта рецидива не учитываются судимости за те преступления, которые совершены лицом до достижения восемнадцатилетнего возраста, то есть действующим уголовным законодательством рецидив преступлений, совершенных в несовершеннолет-

нем возрасте, не предусматривается. На этом основании официальные статистические данные о совершении преступлений несовершеннолетними, имеющими судимость за ранее умышленно совершенные преступления, отсутствуют, а учет указанных лиц в настоящее время не ведется. Таким образом, при анализе преступности несовершеннолетних в части умышленного совершения двух и более уголовно наказуемых деяний целесообразно вести речь не о рецидиве, а о повторном совершении преступления.

Обратимся теперь к социально-правовому и социально-психологическому анализу тенденций преступности несовершеннолетних. Динамика преступности за последние пять лет свидетельствует о тенденции к уменьшению количества деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. *За последние пять лет зарегистрированная преступность несовершеннолетних уменьшилась более чем на 60% — с 154,7 тыс. деяний в 2005 г. до 94,7 тыс. преступлений в 2009 г.*

В 2005 г. каждое одиннадцатое преступление совершалось несовершеннолетними или при их соучастии, в 2009 г. таковым являлось каждое семнадцатое, а в первом полугодии текущего года — уже каждое двадцатое уголовно наказуемое деяние. *В 2005 г. удельный вес преступлений несовершеннолетних в структуре преступности составлял 9,1%, в 2009 г. он снизился до рекордных 5,7%, а в первом полугодии 2010 г. составил 5,1% [1].*

Отмеченное снижение регистрации преступности несовершеннолетних во многом обусловлено демографической ситуацией в стране: при общем снижении численности населения страны

(в 2008 г. убыль составила 363,5 тыс. человек) [4, с. 28] в возрастной структуре преобладает снижение доли несовершеннолетних. По итогам переписи, организованной Росстатом и ЮНИСЕФ, к 1 января 2009 г. в России проживало более 26 млн детей в возрасте до 17 лет (в 1995 г. этот показатель превышал 38 млн) [5].

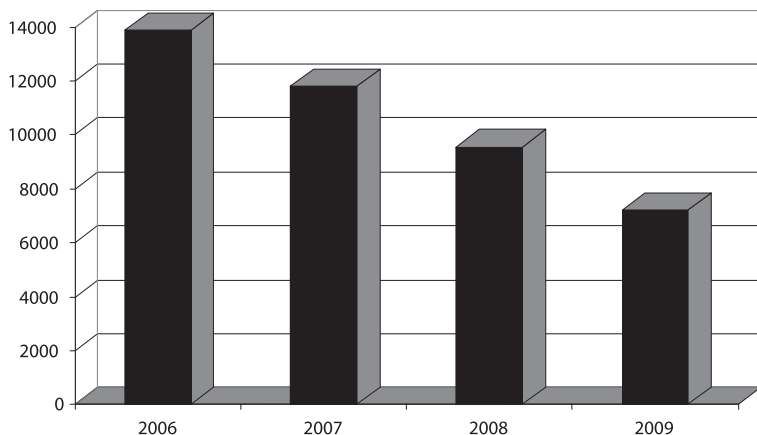
Анализ преступности несовершеннолетних за последние пять лет свидетельствует о следующих закономерностях:

- около 30% всех преступлений, совершаемых несовершеннолетними, относится к тяжким или особо тяжким *(в 2008 г. показатель тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних составил 31%, в 2009 г. — 29,9%);*

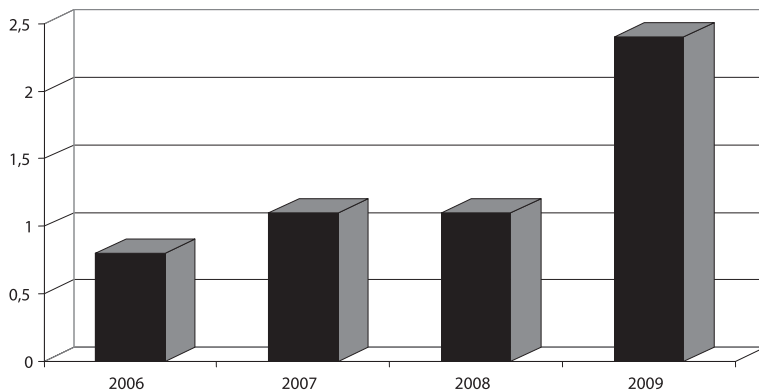
- с 2005 по 2009 год отмечен рост удельного веса несовершеннолетних преступников, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности;

- среди несовершеннолетних велика доля лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения. Отмечается незначительный рост количества несовершеннолетних, которые в момент преступления находились под воздействием наркотических или психотропных препаратов *(по данным ГИАЦ МВД России, в среднем несовершеннолетние совершают преступления в состоянии алкогольного опьянения в 20% случаев, а в состоянии наркотического — в 0,3% случаев [6, с. 132]. Согласно отчету Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2009 год преступления в состоянии наркотического или психотропного отравления совершили 235 несовершеннолетних, что составило 0,4% от всех осужденных данной возрастной группы);*

Среднесписочная численность осужденных за период с 2006 по 2009 год

Изменение количества несовершеннолетних осужденных, склонных к групповым эксцессам, в 2006–2009 гг. (%)

– около 50% преступлений совершается несовершеннолетними в группе;
 – среди несовершеннолетних преступников увеличилась доля лиц, не имеющих профессиональных навыков, без определенных источников дохода, лиц безнадзорных, обладающих низким уровнем социальной адаптации, что во многом связано с отсутствием опеки и контроля. По данным ЮНИСЕФ, в Рос-

сии в 2008 г. около 714 тыс. детей находились без родительского попечения, еще более чем у 74 тыс. детей родители были лишены родительских прав [с 1995 г. последний показатель увеличился в 2,3 раза] [5].

Указанные закономерности нашли отражение и в характеристике несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных ко-

лониях. Остановимся подробнее на их социально-психологических и личностных характеристиках.

Лишение свободы воспринимается обществом как крайняя и эффективная мера уголовно-правовой превенции, способная сдержать совершение осужденным повторного преступления. Вместе с тем современная уголовная политика государства направлена на сокращение применения наказания в виде лишения свободы и развитие системы наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Результатом этого, наряду с демографической ситуацией в стране, явилась тенденция к снижению количества несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы.

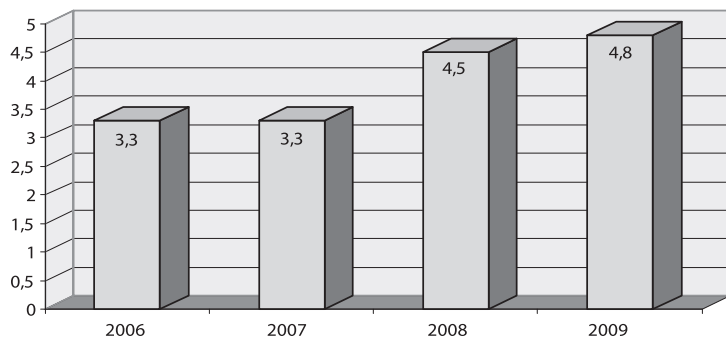
На протяжении последних пяти лет количество несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях, неуклонно снижалось (с 13 864 чел. в — 2006 г. до 5406 чел. — на 1 июля 2010 г.) [7]. При этом в местах лишения свободы сосредотачивается наиболее криминогенная и социально запущенная часть правонарушителей.

Доля несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления, превысила 80% [8]. По данным специальной переписи осужденных в 2009 г. в воспитательных колониях отбывали наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления 87,9% осужденных, при этом тяжкие преступления составили 61,9%, особо тяжкие — 26%. Каждый пятый отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый третий — за разбой или грабеж [7]. При этом почти 40% осужденных ранее были осуждены условно или имели отсрочку исполнения приговора.

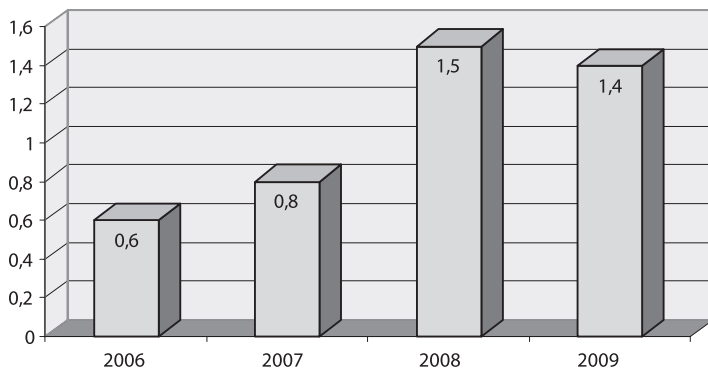
Отмечен рост числа осужденных, состоящих на профилактическом учете как склонных к групповым эксцессам (если в 2006 г. таких осужденных было 0,8%, то в 2009 г. уже 2,4%), так и входящих в группы отрицательной направленности (2008 г. — 0,55%; 2009 г. — 0,6%).

В воспитательных колониях зафиксировано увеличение удельного веса лиц, имеющих социально значимые заболевания. Так, удельный вес несовер-

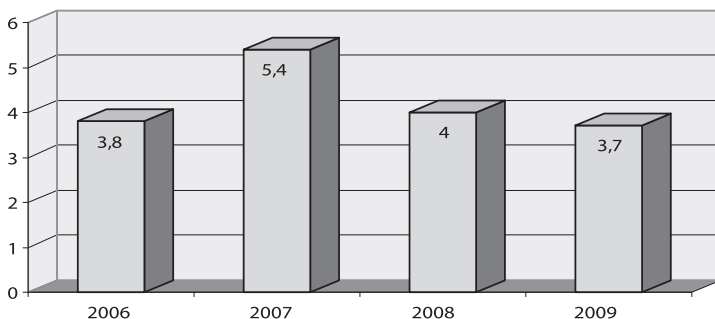
Изменение количества несовершеннолетних осужденных, склонных к употреблению спиртных напитков, наркотических веществ и токсикомании в 2006–2009 гг. (%)

Изменение количества несовершеннолетних осужденных, поступивших в ВК с ВИЧ-инфекцией, в 2006–2009 гг. (%)

Изменение количества несовершеннолетних осужденных, ранее отбывавших наказание в ВК, в 2006–2009 гг. (%)

шеннолетних с ВИЧ-инфекцией с учетом среднесписочной численности несовершеннолетних, отбывающих наказание в ВК, вырос с 2006 по 2009 год почти в 2 раза (2006 г. — 82 случая, 2009 г. — 147 случаев), более четверти осужденных страдают психическими отклонениями (2009 г. — 26,4%), отмечен рост числа лиц, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью (2007 г. — 8,3%, 2009 г. — 12,3%).

На протяжении ряда лет доминируют такие правонарушения воспитанников,

как угроза, неповиновение представителям администрации ИУ или их оскорбление при отсутствии признаков преступления (25 %) и изготовление, хранение или передача запрещенных предметов (16 %).

Анализ уголовно-правовых и уголовно-исполнительных признаков осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, демонстрирует наличие среди несовершеннолетних социально запущенных лиц, обладающих признаками криминальной за-

раженности. По состоянию на 1 июля 2010 г. в воспитательных колониях содержалось 208 несовершеннолетних (3,8% спецконтингента ВК), повторно отбывающих наказание в воспитательных колониях.

Исходя из изложенного, можно сделать некоторые предварительные оценки деятельности воспитательных колоний как вида исправительного учреждения.

Наличие высокого уровня рецидива (30%) среди лиц, отбывших наказание в ВК, тенденция к ухудшению уголовно-правовых, криминологических и социально-педагогических характеристик воспитанников требует принципиальной оценки деятельности воспитательной колонии как вида исправительного учреждения.

Отрядная система, реализуемая в воспитательных колониях, а также виды условий отбывания наказаний не обеспечивают в полной мере соблюдение принципа дифференциации и индивидуализации наказания. При существующей практике исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних не достигается непрерывность исправительного процесса, сохранение и закрепление достигнутых результатов воспитания и ресоциализации при переводе осужденного в исправительную колонию для отбывания оставшейся части срока наказания по достижении им совершеннолетия. Несовершеннолетние в большинстве случаев поступают в воспитательные колонии из общих следственных изоляторов, и после достижения совершеннолетия переводятся для отбытия оставшегося срока наказания в исправительные колонии общего режима, что приводит к усвоению ими норм

криминальной субкультуры, повышению уровня криминализации.

В современных воспитательных колониях совместно содержатся лица, впервые осужденные к лишению свободы, и ранее отбывавшие данный вид наказания несовершеннолетние, осужденные за совершение преступлений различной степени тяжести, что негативно сказывается на результатах исправительного процесса. Это усугубляется также и тем, что воспитательные колонии не отделены от общей системы пенитенциарных учреждений. К несовершеннолетним осужденным к лишению свободы применяются те же методы и формы работы, что и к остальным осужденным. Во многом это связано и с тем, что установленные законом различия между условиями содержания, существующими в воспитательной колонии, и условиями содержания в других исправительных учреждениях не являются существенными. В результате воспитательные колонии не в полной мере учитывают психолого-педагогические особенности подростков, что снижает эффективность социально-реабилитационной работы.

Таким образом, создание на базе воспитательных колоний исправительных учреждений нового типа, а именно воспитательных центров, в настоящее время является весьма актуальной проблемой.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года на базе существующих 62 воспитательных колоний предполагается создание 33 воспитательных центров двух видов: с обычным и усиленным наблюдением. Преобразование воспитатель-

ных колоний в воспитательные центры обусловлено изменениями уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, новыми взглядами на ее цели и средства, последовательным развитием уголовно-исполнительной системы по пути гуманизации процесса исполнения наказаний, достижения международных стандартов содержания осужденных в исправительных учреждениях. При этом на передний план выдвигаются задачи, связанные с реализацией целей исправления и ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Учитывая указанные обстоятельства, руководство ФСИН России приняло решение о разработке модели воспитательного центра. К работе по ее подготовке были подключены ВИПЭ ФСИН России, УСПВРО ФСИН России, НИИ ФСИН России, НИИиПТ ФСИН России, Академия ФСИН России. Под руководством заместителя директора ФСИН России А.М. Величко была осуществлена научно-практическая разработка по теме «Концептуальная модель воспитательного центра для несовершеннолетних осужденных». Модель включает в себя описание целей и задач воспитательного центра, его функциональной и организационной структуры, даны предложения по организации отдельных направлений его деятельности и т. д.

Главным принципом формирования системы воспитательных центров для несовершеннолетних осужденных станет обеспечение отдельного их содержания в зависимости от общественной опасности совершенных преступлений и уровня криминальной зараженности личности. Предполагается изменение подходов к осуществлению со-

циальной, психологической и воспитательной работы с несовершеннолетними в воспитательных центрах на основе применения индивидуальных форм воздействия, более широкого взаимодействия с общественностью. Каждый воспитательный центр будет включать в себя четыре основных структурных элемента: участок для содержания несовершеннолетних осужденных; участок тюрьмы общего режима; помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора (ПФРСИ), для несовершеннолетних правонарушителей; социально-реабилитационный центр для подготовки осужденных к освобождению.

Сформулируем основные положения проекта концептуальной модели воспитательного центра, определяющие условия для повышения эффективности деятельности исправительного учреждения для несовершеннолетних по предупреждению рецидива:

1. Создание структуры воспитательного центра, позволяющей обеспечить непрерывность и преемственность социальной, психологической и воспитательной работы с несовершеннолетними с момента заключения их под стражу и до момента освобождения, оградить несовершеннолетних от влияния со стороны взрослых преступников, воспрепятствовать распространению криминальной субкультуры (за счет включения в структуру воспитательного центра ПФРСИ; участка для содержания несовершеннолетних осужденных, а также положительно характеризующихся осужденных в возрасте до 19 лет; изолированного участка, функционирующего в режиме ИК (тюрьмы) общего режима; социально-реабилитационного центра).

Реализация данных особенностей отражается в предлагаемой структуре воспитательного центра. В частности, для обеспечения полного цикла исправительного воздействия, организации непрерывности воспитательного процесса, возможности быстрой адаптации к условиям изоляции предусматривается включение в структуру воспитательного центра ПФРСИ.

В первом полугодии 2010 г. в ПФРСИ воспитательных колоний находилось более 1 тыс. чел. [9]. Из них более 100 человек были переведены в воспитательные колонии, 20 лицам было назначено наказание, не связанное с лишением свободы, 32 человека были освобождены [9].

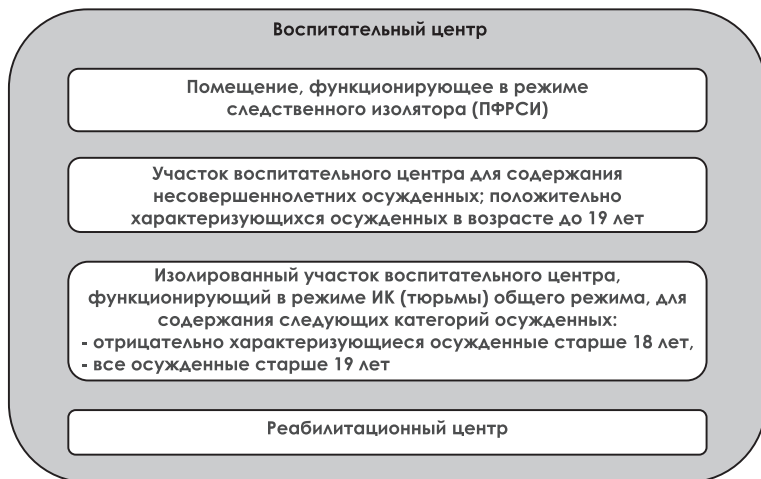
Научные исследования подтверждают эффективность деятельности ПФРСИ и свидетельствуют о значительной степени нивелирования криминализации личности несовершеннолетнего. Это достигается за счет исключения отрицательного влияния взрослых подопечных и обвиняемых в совершении преступлений в следственных изоляторах и транзитных пунктах. Проведенные выборочные исследования в 12 воспитательных колониях с участками ПФРСИ указывают на то, что доля несовершеннолетних, являющихся нарушителями установленного порядка отбывания наказания и поступивших в воспитательные колонии из следственных изоляторов, превышает удельный вес лиц, переведенных из ПФРСИ, на 33%.

Для эффективного решения проблемы предупреждения совершения повторных преступлений, реализации полного цикла исправительного воздействия структура воспитательного центра предполагает создание участ-

ка, функционирующего как тюрьма общего режима. Опыт функционирования указанных участков в первом полугодии 2010 г. свидетельствует, что из воспитательных колоний в ИК общего режима было переведено более 2 тыс. чел., из них только 25% являлись нарушителями установленного порядка отбывания наказания. В отношении остальной части осужденных (75%), сложившаяся ситуация не позволила реализовать весь комплекс средств исправительного воздействия и способствовала созданию условий их дальнейшей криминализации и совершения повторных преступлений.

Эффективность предупреждения повторных преступлений со стороны несовершеннолетних осужденных зависит от создания соответствующих условий по их подготовке к освобождению. Для решения указанного вопроса уголовно-исполнительным законодательством устанавливаются льготные условия отбывания наказания в воспитательных колониях, предусматривающие предоставление дополнительных возможностей по организации подготовки несовершеннолетних к освобождению. На 1 июля 2010 г. в льготных условиях воспитательных колоний отбывало наказание 6,7% осужденных, что указывает на недостаточное количество мероприятий по подготовке к освобождению для большей части несовершеннолетних. В то же время для повышения эффективности подготовки осужденных к освобождению, мотивации к правопослушному поведению, предупреждения совершения с их стороны повторных преступлений в Архангельской и Рязанской воспитательных колониях была организована деятельность реабилитационных центров. Ука-

Структура воспитательного центра

занный опыт и результаты его исследования ВИПЭ ФСИН России в период с 2009 по 2010 год подтвердили их эффективность. По данным сотрудников ВК, осужденные, прибывшие из СИЗО, в первые шесть месяцев нахождения в исправительном учреждении совершают на 1/3 правонарушений больше, чем несовершеннолетние, находившиеся до этого в ПФРСИ.

2. *Обеспечение раздельного содержания несовершеннолетних осужденных, имеющих наибольшую степень криминальной зараженности, и остальной части воспитанников (за счет создания воспитательных центров с обычным и усиленным наблюдением).*

В целях дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных центрах создаются два типа наблюдения — обычный и усиленный, на каждом из которых предусматриваются строгие, обычные, облегченные и льготные условия отбывания наказания.

Воспитательный центр с обычным наблюдением — исправительное учреждение, предназначенное для содержания под стражей и отбывания наказания в виде лишения свободы лиц мужского пола, впервые осужденных к лишению свободы, а также несовершеннолетних женского пола с обеспечением их раздельного содержания.

Воспитательный центр с усиленным наблюдением — исправительное учреждение, предназначенное для содержания под стражей и отбывания наказания в виде лишения свободы лиц мужского пола, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы и осужденных в несовершеннолетнем возрасте, несовершеннолетних осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, а также лиц, совершивших умышленные преступления в период отбывания наказания.

Результаты исследований свидетельствуют, что 84,6% сотрудников воспитательных колоний считают целесоо-

Виды учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных

бразным создание воспитательных центров с обычным и усиленным наблюдением (исследование проведено ВИПЭ ФСИН России в марте 2010 г. путем анкетирования 300 сотрудников ВК, представлявших пять исправительных учреждений).

3. Обеспечение условий отбывания наказания, позволяющих стимулировать правопослушное поведение осужденных путем последовательного снижения уровня правоограничений (система социальных лифтов).

Процесс исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы дифференцируется условиями его отбывания. Действующее уголовно-исполнительное законодательство в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, предусматривает следующие условия: обычные, облегченные, строгие, льготные (п. 1 ст. 132 УИК РФ). Такие условия отбывания наказания представляются оптимальными для воспитательного центра, поскольку позволяют стимулировать правопослушное поведение осужденных путем изменения их правового положения, дифференцировать и индивидуализировать исполнение наказания, подготовить осужденных к жизни на свободе путем последовательного снижения уровня правоограничений. При этом в социально-реабилитационном центре

должны содержаться осужденные, переведенные на льготные условия.

Введение в воспитательном центре дифференцированных условий отбывания наказания позволит обеспечить действие так называемого социального лифта для осужденных, то есть их перемещение «вниз» и «вверх», путем помещения в различные условия отбывания наказания в зависимости от поведения, отношения к основным средствам исправления. Чем лучше поведение осужденного, тем мягче условия отбывания наказания, и наоборот — это основной принцип действия социального лифта. Перемещение осужденного из одних условий в другие происходит по решению комиссии, состоящей из сотрудников воспитательного центра, представляющих различные службы.

Таким образом, система социальных лифтов, реализованная в воспитательном центре, позволит увеличить эффективность существующих условий отбывания наказания, создаст предпосылки непрерывного исправительно-реабилитационного процесса в отношении несовершеннолетних осужденных в целях их подготовки к освобождению и предупреждению совершения с их стороны повторных преступлений.

4. Оптимизация численности несовершеннолетних осужденных в коллективах, создание мультидисциплинарных

Условия отбывания наказания в воспитательном центре (система социальных лифтов)

групп осужденных (вместо отрядов), что позволяет обеспечить индивидуализацию процесса исправительного воздействия, приоритет в работе психолого-педагогических и социальных методов и форм воздействия на осужденных.

Для обеспечения эффективности исправительного воздействия необходим переход к индивидуальным и групповым формам работы на основе мультидисциплинарного подхода, что позволит обеспечить дифференциацию и индивидуализацию процесса исправительного воздействия, приоритет в работе психолого-педагогических и социальных методов и форм воздействия на осужденных.

Возможность применения такого подхода обоснована в современной отечественной и зарубежной социальной педагогике и теории социальной работы, международных стандартах пенитенци-

арной деятельности, зарубежной (Германия, Швейцария и др.) и отечественной пенитенциарной практике (Архангельская, Брянская, Колпинская, Львовская, Вологодская ВК). Активно используются эти подходы в практике психологической службы УИС. Так, за 2009 г. доля осужденных, охваченных индивидуальными психокоррекционными мероприятиями, увеличилась на 10% и составила 63,7%, что указывает на высокий уровень индивидуализации исполнения наказания [10].

5. *Приоритет в работе психолого-педагогических и социальных методов и форм воздействия на осужденных.*

Необходимым условием успешной социализации несовершеннолетних осужденных является формирование во вновь создаваемом воспитательном центре **особой социально-педагогической среды**, обеспечивающей

социальную реабилитацию лиц, содержащихся в воспитательном центре, и восстановление их социального статуса в ситуациях ограничения свободы и исполнения в отношении них уголовного наказания.

Для этого следует изменить вектор работы с воспитательной на социально-педагогическую, направленную не только на выработку у несовершеннолетних осужденных элементарных навыков социально одобряемого поведения, но и прежде всего на формирование самостоятельно действующей личности, отвечающей за выбор жизненного пути и реализацию своих устремлений в общественных отношениях.

Необходимо создать систему непрерывного психологического и социально-педагогического сопровождения осужденных на всех этапах отбывания ими наказания, что предполагает решение организационных, кадровых и научно-методических задач.

В целях формирования единого информационного пространства социального и психолого-педагогического сопровождения процесса исполнения наказания предлагается объединение подразделений социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в рамках единого отдела.

Это обстоятельство предполагает потребность в осуществлении работы по созданию **единого информационного окна**, отражающего весь комплекс работы с подростками в особой форме документации — электронной карте ресоциализации (дневнике сопровождения).

В настоящее время эта работа реализуется в нескольких субъектах Российской Федерации — в Волгоградской, Кемеровской, Костромской, Пермской,

Ростовской, Самарской и Саратовской областях, Красноярском крае, Москве, Санкт-Петербурге и др.

Эффективность осуществления социально-педагогической деятельности напрямую зависит от готовности специалистов к проведению такой работы, наличия у них не только педагогических знаний, но и социальных компетенций, что обуславливает необходимость введения в воспитательном центре должности социального педагога вместо должности воспитателя.

Сегодня уровень профессиональной педагогической подготовки персонала, осуществляющего воспитательную работу с осужденными, недостаточен, лишь четвертая часть сотрудников ОБРО имеют высшее педагогическое образование (например, в Брянской ВК — 2 из 8,5; Алексинской ВК — 2 из 10).

Для сравнения — в психологической службе ФСИН России доля лиц, имеющих базовое психологическое образование, составляет 70%, а в некоторых территориальных органах достигает 90% (по данным обзора УСПВРО ФСИН России «Результаты психологической работы с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в учреждениях УИС по итогам 2009 года»).

В связи с этим предлагаем организовать повышение квалификации сотрудников, осуществляющих воспитательную работу с несовершеннолетними, по специализированным программам ДПО, в том числе на базе ВИПЭ ФСИН России.

Целесообразно рассмотреть вопрос о научно-методическом обеспечении социальной, психологической и социально-педагогической работы с несовершеннолетними.

Положительный опыт такого обеспечения психологической работы уже имеется. За 15 лет существования психологической службы был разработано достаточное количество диагностических и коррекционных программ. Многие из них доказали на практике свою эффективность. *Так, в 2009 г. использование психодиагностических программ дало возможность увеличить объем диагностической работы в СИЗО и позволило снизить число самоубийств среди подозреваемых и обвиняемых на 2%* [10]. *Психокоррекционная программа «Снижение агрессивности у лиц, осужденных за насильственные преступления к наказаниям, не связанным с лишением свободы» позволяет снизить уровень агрессивности у 40% осужденных, участвующих в ней.*

Необходимо решить вопрос о разработке базовых (обязательных) программ для сопровождения работы с несовершеннолетними, а также о создании социально-педагогических программ.

Положительный опыт реализации таких программ имеется. Например, воспитательным отделом ФГУ ИЗ-35/2 УФСИН России по Вологодской области совместно с ГУ ВО ТЦСПСид г. Вологды с 2003 г. реализуется специализированная целевая социально-педагогическая программа «Надежда», целью которой является содействие социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к сложившимся условиям (отбывание наказания, помещение в закрытое учреждение) и интенсивная реадaptация несовершеннолетних, совершивших правонарушения, при освобождении. Уровень рецидива среди участников снизился на 20%.

ВИПЭ ФСИН России готов предложить и сопроводить реализацию в ВК педагогических программ правового («Человек в правовом поле»), нравственно-эстетического («В мире гармонии») и экологического («Формирование экологического сознания несовершеннолетних осужденных») воспитания.

6. Создание целостной эффективной системы подготовки осужденных к освобождению посредством включения в структуру воспитательного центра соответствующего подразделения — реабилитационного центра.

Концептуальная модель воспитательного центра предусматривает включение в его структуру реабилитационного центра, функционирующего в рамках льготных условий отбывания наказания и расположенного за пределами исправительного учреждения. Создание реабилитационного центра позволит повысить эффективность оказания помощи несовершеннолетним в социальной адаптации, их трудовом и бытовом устройстве, подготовке к освобождению, восстановлению социально значимых навыков и умений.

7. Специализированная подготовка основных категорий сотрудников по работе с несовершеннолетними осужденными, в том числе на базе высших образовательных учреждений ФСИН России.

Важным направлением работы по созданию модели воспитательного центра является организация работы по подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов в области работы с несовершеннолетними осужденными. Это обусловлено прежде всего тем, что современные международные стандарты (Пекинские правила, Европейские пенитенциарные правила)

предъявляют к персоналу исправительных учреждений для несовершеннолетних высокие требования в части знания основ юриспруденции, возрастной педагогики, психологии, социологии, социальной работы, медицины и др.

Очевидно, что только сформировавшаяся многоуровневая система профессиональной подготовки кадров УИС способна обеспечить быстрое и эффективное решение задач оптимизации структуры и повышения качества подготовки специалистов для УИС. Именно ведомственная направленность подготовки специалистов в образовательных учреждениях УИС, предоставляющая возможность привития обучающимся профессиональных компетенций в процессе обучения, является определяющим фактором в решении вопроса о сохранении системы профессиональной подготовки кадров УИС.

С 2011 г. при переходе на ФГОС ВПО нового поколения ВИПЭ ФСИН России планируется начать подготовку специалистов юридического профиля для воспитательных центров для несовершеннолетних по новой образовательной программе ОЗО505.65 «Правоохранительная деятельность» (специализация: воспитательно-правовая), которая позволит значительно в сравнении с действующей программой увеличить вариативный блок специальных дисциплин воспитательно-правовой направленности. В соответствии с имеющимися образовательными программами «Психология» и «Социальная работа» ВИПЭ ФСИН России планируется продолжить осуществление подготовки специалистов для замещения должностей психологов и специалистов по социальной работе в пени-

тенциарных учреждениях для несовершеннолетних.

Реализация указанных основных образовательных программ позволит осуществлять на базе института повышение квалификации и переподготовку соответствующих категорий сотрудников по программам дополнительного профессионального образования.

Введение воспитательного центра как вида исправительного учреждения, в основе организации которого находятся заявленные положения, позволит повысить эффективность пенитенциарного воздействия на личность несовершеннолетнего преступника, что, несомненно, в последующем проявится в снижении уровня рецидивной и профессиональной преступности. Для комплексного решения этой задачи необходима также и организация взаимодействия учреждений уголовно-исполнительной системы с органами государственной власти, органами внутренних дел, общественными организациями. В этом аспекте следует особо подчеркнуть следующее.

1. Ежегодно из учреждений уголовно-исполнительной системы освобождается до 300 тыс. осужденных, из которых около 70 тыс. составляют опасные и особо опасные преступники [11, с. 73]. Отбытие установленного судом срока лишения свободы, равно как и любого другого, менее строгого наказания, еще не является гарантией правопослушного поведения лица на свободе. Существует достаточно значительное количество факторов, провоцирующих на совершение новых преступлений: отсутствие жилья, места работы, постоянного источника дохода и др. Из-за нерешенности многих социально-бытовых проблем ранее осуждавшиеся лица вновь соверша-

ют преступления с целью возвращения в места лишения свободы.

Отсутствие взаимодействия органов и учреждений различных ведомств в вопросах социально-бытового обеспечения освободившихся из мест лишения свободы граждан и предупреждения совершения ими повторных преступлений влечет увеличение количественных показателей рецидивной преступности. На основании этого немаловажной для предупреждения совершения новых преступлений является деятельность государственных органов и общественных организаций по сопровождению лица после отбытия им наказания, связанно-го с изоляцией от общества.

Эффективность превентивной деятельности будет напрямую зависеть от уровня организации взаимодействия органов внутренних дел, общественных организаций и религиозных конфессий с органами и учреждениями ФСИН России. Современное предупреждение повторного совершения преступлений лицами, осужденными в несовершеннолетнем возрасте, требует создания единой системы постпенитенциарной реабилитации вчерашнего осужденного, предусматривающей разграничение задач и функций участников этого процесса.

2. Рассматривая проблему предупреждения повторного совершения несовершеннолетними, ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы, уголовно наказуемых деяний, стоит отметить, что в настоящее время не определено место учреждений уголовно-исполнительной системы в системе субъектов профилактической деятельности. Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 13.10.2009) «Об

основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в данную систему профилактики входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, образуемые в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации, органы управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел. Органы и учреждения ФСИН России в соответствии с действующим законодательством не рассматриваются в качестве субъекта постпенитенциарного предупреждения. Однако с учетом полномочий и информации об освобожденном из мест лишения свободы лице, органы уголовно-исполнительной системы (прежде всего уголовно-исполнительные инспекции) были бы весьма полезны в осуществляемой предупредительной деятельности. В связи с этим включение учреждений и органов исполнения наказаний в качестве субъекта профилактики правонарушений будет способствовать обеспечению взаимодействия с иными органами исполнительной власти и общественными организациями, на которые возложена превентивная функция, и положительно скажется на эффективности предупредительной деятельности в целом.

3. Отсутствие взаимодействия учреждений УИС и ОВД приводит к недостаткам в организации профилактической работы с лицом, освободившимся из исправительного учреждения.

В настоящее время администрация учреждения только осведомляет ОВД по месту жительства бывшего осужденного о его освобождении из исправительного учреждения и предоставляет на него характеристику. Отсутствие взаимодействия не позволяет органам внутренних дел — своевременно предпринимать меры профилактического характера в отношении бывшего осужденного с учетом полученных из исправительного учреждения сведений (возникает необходимость в оценке возможности совершения рецидива, заключении психолога, рекомендациях социального работника и т. д.); исправительному учреждению — получать информацию об эффективности своей работы по исправлению лица и корректировать пенитенциарное воздействие на других осужденных с учетом анализа полученных сведений.

Координирующую роль в процессе предлагаемого взаимодействия предлагается предоставить комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые организуются на региональном уровне при правительствах республик, областей. В связи с этим заслуживает внимания опыт Кировской области, где действует механизм под названием «Карта социального сопровождения несовершеннолетнего, возвращающегося из мест отбывания наказания», утвержденный постановлением Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Кировской области. Положением о Карте социального сопровождения разработан порядок взаимодействия участников процесса социального сопровождения. Важное звено механизма — это заблаговременное обследование социальной ситуации несовершеннолетнего,

реабилитация ближайшего окружения подростка, а также организация встреч социального работника, представителя органа внутренних дел с сотрудниками воспитательной колонии для выработки механизма постпенитенциарного воздействия на освобождаемого.

Реализация мероприятий по совершенствованию механизма пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия на лицо, ранее отбывавшее наказание в исправительном учреждении для несовершеннолетних, в перспективе позволит снизить удельный вес рецидива в структуре преступности.

Литература

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mvd.ru>.
2. Лунеев В.В. Криминологические, виктимологические и пенитенциарные проблемы несовершеннолетних // Преступление. Наказание. Исправление: вестн. ВИПЭ ФСИН России. — 2009. — № 8. — С. 5.
3. Мионов А.В. Предупреждение рецидива лиц мужского пола, отбывших наказание в воспитательных колониях: монография. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009.
4. Россия в цифрах: статистич. справ. — М., 2009.
5. Официальный сайт Регионального отделения Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) для стран Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.unicef.ru>.
6. Прогноз преступности в Российской Федерации на 2009 г. — М.: ВНИИ МВД России, 2009.
7. Отчет о работе воспитательных колоний за первое полугодие 2010 г.: Форма ВК 1: утв. приказом ФСИН России от 27 февраля 2006 г. № 26.
8. Материалы специальной переписи осужденных к лишению свободы. — М., 2010.
9. О работе воспитательных колоний за первое полугодие 2010 г.: отчет УСПВРО ФСИН России.
10. Обзор УСПВРО ФСИН России за 2009 г.
11. О состоянии уголовно-исполнительной системы РФ: доклад Президиума Государственного совета Российской Федерации. — Вологда, 2009.

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ПУТИ ИСПРАВЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

И. И. Купцов, Т. В. Пивоварова

Аннотация: понимание потребности как противоречия между освоенным в обществе и индивидуальным показывает, что, вооружив ребенка, школьника, взрослого путями преодоления противоречия, мы будем способствовать формированию духовно-нравственных, нравственно-волевых и других качеств личности.

Ключевые слова: психологическое отношение, потребность, нравственные и волевые качества, несовершеннолетние осужденные, психолого-педагогическая программа, уроки литературы.

Summary: understanding the needs of both the contradictions between the development in the society and individual shows that giving a child, pupil, adult ways of overcoming the contradiction we will promote the moral, spiritual, moral and strong-willed and other personal qualities.

Keywords: psychological attitude, the need, moral and strong-willed qualities, juvenile offenders, psychological and pedagogical programme, the lessons of literature.

Закономерно, что в критические моменты жизни каждый человек ищет защиту у Бога, а общество в целом прибегает к духовности.

Не исключением является последнее десятилетие двадцатого века и первое десятилетие двадцать первого. Причем не только столичные, но и периферийные ученые посвятили свои исследова-

ния именно проблеме духовности. Приведем два примера в хронологической последовательности.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина:

1. Духовность. Нравственность. Образование. История и современность: сб. науч. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф., 3–5 июня 2002 г. / отв. ред. В.А. Беляева. — Рязань: РГПУ, 2002. — 128 с.

2. Человек как субъект жизнедеятельности: материалы IX Российской науч. конф., сентябрь 2002 г. — Рязань: Узорожье. — 2002. — 144 с.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина:

1. Каверин С.Б. Психолого-акмеологические основы развития духовных потребностей: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2002.

2. Психология славянской нравственности: материалы науч.-практ. конф., 14 мая 2009 г. / отв. ред. Н.А. Коваль. — Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2009. — 205 с.

3. Старов М.И., Зайцев О.С. Развитие духовно-нравственных отношений у подростков группы риска в учреждениях дополнительного образования: монография. — Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. — 124 с.

4. Каверин С.Б. Психотехнология духовно-нравственного развития личности. — Тамбов, 2013. — 168 с.

Нельзя не назвать и следующие источники ведущих столичных психологов

по интересующей нас проблеме:

1. *Братусь Б.С.* Начало Христианской психологии: учеб. пособие для вузов. — М., 1995.

2. *Шадриков В.Д.* Духовные способности. — СПб.: Питер, 1997.

3. *Бондарева С.К., Колесов Д.В.* Духовность (психология, социология, семантика). — М.; Воронеж: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; МОДЭК, 2007. — 144 с.

На наш взгляд, именно профессор С.Б. Каверин, определяя потребность как «психологическое отношение, переживаемое как противоречие, рассогласование (между общественным эталоном потребления какой-то ценности или блага и уровнем потребления данного индивида), выступающее движущей силой активности личности» [1, с. 26], одновременно указал психологический механизм формирования любых, в том числе духовно-нравственных потребностей.

В связи с важностью нового понимания потребностей (или уточненного понимания для критиков) и очень маленьким тиражом научного труда профессора С.Б. Каверина (всего 100 экземпляров) считаем целесообразным дать разъяснения, приведя целую страницу авторского текста.

«Понимание потребности как отношения личности выгодно тем, что выводит проблему формирования потребностей на уже освоенный уровень общих закономерностей воспитания. В частности, в исследованиях Ж. Пиаже, Л.С. Выготского и тамбовского профессора В.А. Яковлева было показано, что именно процесс интериоризации (перевода, превращения) объективных нравственных отношений воспитательного коллектива в субъективное отношение

личности является механизмом образования нравственных качеств. Точно так же психологический механизм формирования любой другой духовной потребности есть процесс интериоризации социальных эталонов потребления или, другими словами, превращение субъективно существующего отношения к ценности (положим, к труду) в субъективное отношение личности (потребность в труде). Именно в этом научная заслуга тамбовского профессора: культурно-историческая концепция адаптирована как психологическая основа воспитательной работы и в школе, и в вузе.

Далее, понимание потребности как противоречия между освоенным в социальной среде качеством потребления духовных и материальных благ, с одной стороны, и индивидуальными размерами освоения благ — с другой, показывает, что вооружив человека средствами преодоления этого противоречия, мы создадим возможность для возвышения (иначе — формирования) потребности.

Определение потребности через категорию психологического отношения позволяет считать, что потребности представляют собой ядро, центральное образование в структуре личности. Структура личности — это и есть система доминирующих потребностей» [2, с. 69].

Мы убеждены, что и в Федеральной службе исполнения наказания (или пенитенциарных заведениях) понимание потребностей как противоречия между освоенным в обществе и индивидуальным любого осужденного надо рассматривать как методологический подход, вернее, методологию, что на наш взгляд, может дать большой эффект.

По нашему мнению, положительно-го эффекта можно достигнуть: 1) вклю-

чив несовершеннолетних осужденных в учебную деятельность; 2) осуществив психологическую подготовку учителей и других сотрудников колонии; 3) разработав программу формирования духовности, а главным образом нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных в учебной деятельности. В связи с этим приводим данную программу почти полностью, чтобы показать и доказать, что с ее помощью можно достичь высоких результатов, а главное — изменить внутренний мир оступившихся юных граждан Отечества.

Большинство исследований по психологии духовности, нравственности и воли касаются прежде всего изучения теоретических понятий и в меньшей степени — разработки психолого-педагогических программ духовно-нравственного развития личности. Еще С.Л. Рубинштейн указывал на необходимость педагогизации психологического эксперимента, отмечая при этом, что психолог-исследователь должен не только изучать, но и, изучая, обучать и воспитывать.

Воздействие, направленное на нравственную и волевою сферу несовершеннолетних осужденных женского пола, осуществлялось нами в рамках реализации специально разработанной психолого-педагогической программы в условиях лишения свободы на базе ФКОУ «Вечерняя (сменная) общеобразовательная школа» УФСИН России по Рязанской области на уроках литературы. Включение психолога осуществлялось выборочно, совместная деятельность психолога с педагогом не вносила изменений в школьную программу, усилена была лишь психологическая на-

правленность изучения произведений и авторов.

Общая продолжительность формирующего эксперимента составила один учебный год. В нем приняли участие 48 несовершеннолетних осужденных женского пола.

При разработке данного курса приходилось учитывать такой важный факт, как отсутствие в ряде случаев достаточной школьной подготовки до поступления в воспитательную колонию, ставший следствием отрицательной мотивации к учебе, прогулов, ведения беспорядочного образа жизни и т. д. Лица, попавшие в места лишения свободы, в силу негативных тенденций оказались обделены в сфере нравственной, духовной, волевой, эстетической, мировоззренческой и интеллектуальной нагрузки, которую могли бы получить, но не получили.

Основной целью программы являлось формирование нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных в учебной деятельности, а также формирование духовно богатой, активной и творческой личности, интеллектуальное и эмоциональное присвоение гуманистического потенциала литературы. Это определило отбор наиболее значимого материала, выбор авторов и произведений и ориентацию содержания курса на нравственно-волевою проблематику.

При создании программы мы учитывали особую роль литературы в формировании миропонимания подростка, его национального самосознания, идеалов, системы ценностей. Литература как дисциплина обладает огромными возможностями для решения этой общественно важной проблемы благодаря тому, что в ней заложены концептуальные взгляды

на мир авторов произведений, она обладает незаменимым воспитательным потенциалом. Этот предмет в силу специфики содержания формирует его внутренний мир, а не транслирует объективные знания.

Подобный подход предусматривает не раскрытие отдельных качеств и способностей, а становление целостной личности, для которой характерны: сформированность способностей к нравственно-волевому поведению и деятельности, духовному развитию личности и пониманию прекрасного, интересов и потребностей подростков.

Таким образом, на занятиях по литературе происходит постепенное формирование ценностей, которые становятся для учащихся мерой прекрасного и с позиций которых они смогут оценивать все жизненные явления и окружающих людей, контролировать себя, свои действия и поступки.

Это определило отбор наиболее значимого материала, выбор авторов и произведений и ориентацию содержания курса на нравственно-волевую проблематику.

В процессе формирующего эксперимента решались следующие задачи:

1) ознакомление несовершеннолетних осужденных с основными понятиями и феноменами процесса духовно-нравственного и волевого воспитания;

2) формирование нравственной культуры личности подростка;

3) превращение гуманистических ценностей образования в объект духовных потребностей подростков;

4) повышение эффективности нравственно-волевого воспитания и перевоспитания несовершеннолетних осужденных;

5) перестройка отрицательного стереотипа поведения, переоценка ранее сформированных ценностей, восстановление положительных качеств.

Целенаправленный подход к построению процесса изучения отечественной литературы, ориентированного на воспитание духовных, нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных определил выделение нами следующих основных принципов учебно-воспитательного процесса в условиях ВК:

– *принцип целостности*, обеспечивающий гармоничное единство и взаимодействие всех компонентов процесса воспитания нравственных и волевых качеств подростков в условиях учебно-воспитательного процесса;

– *принцип деятельностного подхода*, предусматривающий проектирование педагогом-психологом внутренне противоречивые жизненные ситуации, в которых несовершеннолетний осужденный выступает субъектом деятельности в реальных жизненных обстоятельствах, описанных в литературе;

– *принцип индивидуального подхода*, выражающийся в таком конструировании литературного материала, который воспитывал бы нравственные и волевые качества и ориентировал на то, чтобы понять и более глубоко осознать причины его противоправного поведения, инициировал у подростка стремление к самовоспитанию;

– *принцип непрерывности и системности воспитательного процесса*, заключающийся в оптимальном сочетании в процессе изучения отечественной литературы современных методов и средств обучения, в том числе методов активного, проблемного и личностно-

ориентированного обучения с целью ориентированности на развитие устойчиво сформированных нравственных и волевых качеств личности подростка для подготовки к выходу на свободу;

– принцип доступности обучения определяется возрастными особенностями и зависит от индивидуальных особенностей и криминальной зараженности подростка; заключается в постепенном нарастании трудностей обучения и приучении воспитанниц к их преодолению.

Реализация психолого-педагогической программы формирования духовности, нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных в процессе преподавания литературы была осуществлена в ходе опытно-экспериментальной работы, которая осуществлялась в несколько этапов:

1. Подготовительный этап. Для определения исходного уровня развития нравственных и волевых качеств подростков был проведен констатирующий эксперимент. Его целью была проверка реального состояния уровня развития нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных контрольной и экспериментальной групп с помощью следующих методов исследования: наблюдение, беседа, тестирование, контент-анализ. На этом этапе проводилась диагностика состояния сформированности духовности, нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных женского пола. Кроме того, изучалось мнение психологов, преподавателей, начальников отряда и самих подростков о состоянии этой проблемы и необходимости создания условий для успешного ее решения; рассма-

тривались основополагающие документы, регулирующие деятельность воспитательной колонии и школы (в том числе учебные программы).

Изучение склонностей, предпочтений, психологических и личностных особенностей несовершеннолетних осужденных мы считали необходимым для структурирования уроков литературы. В связи с этим при отборе материала для изучения был сделан акцент на оптимальном сочетании познавательного, волевого и ценностного компонентов, что обеспечило базу для воспитания нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных. Это помогло внести требуемые изменения в организацию учебного процесса, смоделировать взаимоотношения с классом, учесть особенности социализации и ценностных ориентаций воспитанников, избрать направление обучения, наиболее адекватно отвечающее поставленным задачам изучения литературы с целью воспитания духовности, нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных.

2. Основной этап включал в себя работу по реализации психолого-педагогической программы по формированию нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных в процессе преподавания литературы (9 «А» и 10 класс — 28 человек). Программа состояла из трех блоков.

Первый блок (введение) был направлен на решение следующих задач:

- формирование мотивации к изучению литературы;
- формирование мотивации нравственного поведения и развития воли;
- развитие духовности личности несовершеннолетнего осужденного;

– формирование нравственных позиций, эстетического вкуса и др.

Для реализации поставленных задач довольно продуктивными являются: чтение проблемных лекций о сущности духовности, нравственно-волевой сферы; формирование словаря нравственных и волевых качеств у учащихся; проведение дискуссий на темы «Дает ли литература человеку возможность понять себя?», «Существует мнение, что многие нравственные идеалы прошлого сегодня не актуальны, несовременны», «Может ли нравственность быть современной или несовременна?»; анализ публицистических статей; сопоставление различных точек зрения.

Целью этого блока являлось формирование активной жизненной позиции, чувства собственного достоинства, стремления к самосовершенствованию, а также таких качеств, как самосознание, равнодушие, целеустремленность, настойчивость и т. д.

Второй блок (основная часть) был направлен на рассмотрение различных этических, социальных, психологических, правовых проблем, вызывающих интерес у осужденных девушек. Акцент на понятиях «свобода», «справедливость», «законность», «гражданские права и обязанности» позволил корректировать их значение для осужденных, которое нередко в прошлом (а у некоторых и в настоящем) носило произвольный и извращенный характер.

В процессе реализации предложенной нами программы учащиеся не просто приобретали систему знаний по каждой теме, у них формировались убеждения, сделанные на основе их собственного выбора и анализа с точки зрения духовно-нравственных ценностей, раз-

вивалась способность к самореализации на основе этого выбора.

Данная работа также имела большое значение для процесса ресоциализации воспитанниц, поскольку осужденные усваивали не только некий материальный субстрат знаний, но и их волевую и духовно-нравственную основу.

Для реализации этих задач использовались такие формы активного обучения воспитанниц, как лекции с элементами беседы, дискуссии, игровые формы проведения урока (ток-шоу, театрализация – «литературный суд»; создание и представление публичной речи, стилизованной под язык XVIII в. на актуальную тему), работа с пословицами, создание модели поведения в критической ситуации на основе литературного материала и др.

При изучении литературы нравственные, волевые, эстетические, патриотические понятия и категории выступали перед читателями не в своем чистом, абстрагированном виде, а воплощались в художественных образах.

Целью этого блока стало формирование целого ряда нравственных и волевых качеств: патриотизм, гражданственность, человеческое достоинство, духовное мужество, благородство, честь, выдержка, совестливость, верность долгу, умение брать на себя ответственность, уважение к старшим, сострадание (эмпатия), гуманизм, целеустремленность, справедливость, искренность и др.

Третий блок (заключительная часть) был направлен на подведение итогов учебного года и обобщение изученного за год.

Цели данного блока – сформированность максимально возможного количества нравственных и волевых качеств,

снижение девиаций у подростков, позитивные изменения в межличностных отношениях (взаимодействие учащихся между собой и со средой) и др.

Всего проводилось 144 урока (по 72 урока в каждом классе, длительность одного урока 40 минут) по 2 урока в неделю в каждом классе.

Все используемые формы и средства (урок, урок-беседа, урок-диспут, пересказ, лекция, дискуссия) были рассчитаны на то, чтобы постоянно и планомерно влиять на воспитанниц, формируя и развивая у них положительные качества и убеждая в необходимости социального поведения и на свободе, потихоньку и незаметно побуждая их к самовоспитанию.

Подобная целенаправленная деятельность в процессе учебы дала положительные результаты, о чем свидетельствуют сочинения и записи в дневниках воспитанниц.

Так, ученица 9 «А» класса Ландыш И. пишет в своем сочинении: «...Знакомясь с произведениями, никогда не задумывалась о героях. Здесь в колонии я по-другому читаю произведения. Читаю и думаю, как бы я поступила на месте того или иного героя, пытаюсь понять героев и задумываюсь над смыслом жизни. Сравниваю свою жизнь с жизнью черкешенки Белы из «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Она так страстно любила Печорина, что даже в бреду, раненая, боялась, что на том свете душа ее не сроднится с душой любимого из-за разного вероисповедания. Хочется так любить, чтобы никто не смог разлучить с любимым. Хочу остаться верной и любящей женой и, конечно же, любимой».

Из дневника Зарины Р., ученицы 9 «А» класса: «6 апреля. Проф. училище: Я хочу поменять свой характер, больно

у меня он вспыльчивый, хочу быть спокойной. С детства не приучена врать, и ни как не могу смириться с ложью. 22 апреля. Школа: В школе я была всего один урок, потом ушла помогать в храме, потому что храм для меня — это святое место, потому что я сейчас далеко от дома и вот храм это мой второй дом и поэтому я для храма делаю все. 11 мая. Школа: В колонии я многому научилась, например, плету на коклюшках, вышиваю, стала выполнять контрольные работы по русскому языку и литературе грамотнее. Работаю над своей речью, но многое предстоит мне еще сделать. 19 мая. Отряд: Ходила в храм, и мы сидели с учителем, разговаривали на разные темы, в том числе и на моральные темы».

Наконец, записи из дневника ученицы 9 «А» класса Кристины К. — целая исповедь и наши успехи:

«Сейчас множество вопросов, стоящих перед нами — девушками воспитательной колонии — на пороге взрослой жизни: Какая она будет, моя взрослая жизнь? Какие трудности и препятствия встретятся на пути? Смогу ли я выстоять, победить, остаться человеком? Хватит ли мне терпения? Думаю, что эти вопросы стоят перед каждой из моих подруг по несчастью. Мне кажется, что ничего не случается зря, если я попала в ситуацию, именуемую преступлением, значит что-то во мне не так, значит, пора начать анализировать свои поступки и серьезно задуматься о будущем! Мне хочется начать новую жизнь, осмысленную, иную. Однажды я уже оступилась, попала в тюрьму, а все потому, что связалась не с теми людьми, взяла с других дурной пример... Я нахожусь в колонии, отбываю наказание за тяжкое преступление. Приговором суда мне назначе-

но восемь лет на переосмысление своих поступков, своего поведения и взглядов на жизнь.

Почему так часто приходится слышать, что заключенные — это морально падшие люди? Ведь это совсем не так! Каждый человек может сохранить в себе такие качества, а именно: благородство, честь, патриотизм, в какой бы жизненной ситуации он не оказался! Нравственная сила человека есть совершенство, к которому надо всегда стремиться. Об этом писал Лев Николаевич Толстой. Он сравнивал человека с алмазом, «который может очистить и не очистить себя в той мере, в которой он очищен, через него светит вечный свет. Стало быть, дело человека не стараться светить, но стараться очищать себя». Толстого увлекала идея нравственного возрождения человечества, которое он начал с себя: вел дневник, где анализировал отрицательные стороны своего характера с предельной искренностью и прямоотой. Писатель не щадил себя, он преследовал не только постыдные свои поступки, но и недостойные высоконравственного человека помыслы. Дневники Толстого нужно уметь читать и понимать правильно...

Взгляды Толстого побудили меня задуматься над проблемами нравственности и работой над собой. По его примеру я тоже веду дневник, потому что считаю верным высказывание, что «главный стимул изменения жизни — самоанализ, преобразование каждым своей собственной личности». В дневнике осуществляется мучительная душевная работа по самоочищению, осмысление своих слабостей является одновременно и освобождением от них, постоянным над ним возвышением. Ду-

шевную борьбу можно (и нужно!) вести даже в условиях колонии! Вести ежедневно! У Льва Николаевича Толстого в дневниках были определенные правила исправления:

1. Что назначено непременно исполнить, то исполняй несмотря ни на что.
2. Что исполняешь, исполняй хорошо.
3. Никогда не справляйся в книге, если что-нибудь забыл, а старайся сам припомнить.
4. Заставь постоянно ум твой действовать со всею ему возможною силой.
5. Читай и думай всегда громко.
6. Не стыдись говорить людям, которые тебе мешают, что они мешают.
7. Бойся праздности и беспорядка.
8. Бойся лжи и тщеславия.
9. Запомнить и записывать все полезные сведения и мысли.
10. Не верить мыслям, родившимся в споре.
11. Не повторять чужих мыслей... и т. д.

Я стараюсь придерживаться этих правил. Бывает, что одолевает жуткая лень, даже просто думать не хочется. Я сразу же собираюсь с мыслями и ищу себе занятие, которое и полезно, и интересно.

Кроме Л.Н. Толстого на переосмысление себя и собственного поведения на меня повлияли воспитатели и учителя. Слово воспитателя приобретает воспитательную силу лишь тогда, когда действует сила личного примера старших, когда все другие воспитательные средства проникнуты нравственной чистотой и благородством. Особенно важно, чтобы слова преподавателя, пусть даже искренние и важные, не расходились с делами, поступками.

Уроки литературы — уроки нравственности, добра, красоты, уроки «нравственного прозрения» — оказали на меня неизгладимое впечатление. Уроки литературы включают материал, помогающий нам понять себя, мотивы своего поведения, отношение к окружающим, к совершенному преступлению, проектировать свою жизнь на свободе. Именно эти уроки подарили нам образы героев-борцов, не останавливающихся перед трудностями, способных противостоять им. Произведения, входящие в школьную программу, содержат материал, способствующий духовному развитию личности.

Произведения русской классической и советской литературы обладают огромным потенциалом для осуществления нравственного воспитания личности воспитанниц в условиях лишения свободы.

После проделанной работы над собой, переосмысления многих истин на уроках литературы, интерес к познанию (учеба, литература, искусство) увеличился, выработалась привычка к самовоспитанию и самодисциплине. Теперь я не могу быть равнодушна к плохим поступкам девушек в отряде, в ВК в целом. Пытаюсь помочь ровесницам, приучить их любить делать только хорошее, попытаться научить их не столько отвечать

уроки, а сколько претворять их в жизнь. Отрадно, что некоторые из них обращаются ко мне за советом, когда надо сделать нравственный выбор. Мы собираемся вместе и обсуждаем некоторые вопросы, касающиеся прошлого, — какие ошибки совершили. Я поняла значимость нравственности, нравственных качеств в моей жизни и стараюсь донести в массы то, что полностью перевернуло мой внутренний мир».

Такая кропотливая, длительная (целый год) работа учителя, психолога, других сотрудников воспитательной колонии доказала, что мы перестали просто говорить, а научили делать, говоря словами С.Б. Каверина, «строить отношения в коллективе, создавать такую социокультурную среду (Л.С. Выготский), такие объективные отношения в ходе взаимодействия, из которых личность, посредством механизма интериоризации, «вычеркивает» субъективные отношения, становясь при закреплении свойством личности, духовной потребностью» [2, с. 71].

Литература

1. Каверин С.Б. Акмеологическая теория потребностей. — Тамбов, 2004.
2. Каверин С.Б. Психотехнология духовно-нравственного развития личности. — Тамбов, 2013. — 168 с.

ПСИХОДИНАМИКА ГЕШТАЛЬТА ОТКРЫТОЙ И СКРЫТОЙ АГРЕССИИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА

Д. В. Сочивко

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы различных форм проявления агрессии с точки зрения ее ориентации в структуре субъективного времени. Показана зависимость проявлений агрессии от уровня развития личности и личностного роста.

Ключевые слова: психодинамика, катектическая агрессия, катартическая агрессия, базовая тревожность, уровень развития личности, личностный рост.

Summary: the article deals with the various forms of aggression in terms of its orientation in the structure of subjective time. The dependence of the aggression on the level of personal development and personal growth.

Keywords: psychodynamics, katectic aggression, katartic aggression, basic anxiety, level of personal development, personal growth.

В настоящей статье мы предполагаем рассмотреть зарождение и проявление агрессии в психологической структуре субъективного времени на разных витках его внутренней психодинамики. Ранее нами была показана содержательная связь того или иного перехода компонентов субъективного времени (прошлого, настоящего и будущего) друг в друга с основными психотерапевтическими изменениями состояния человека, а именно катексиса, катарсиса и базовой тревоги [4]. Воспроизведем логику взаимосвязи внутренней психодинамики базовых психических состояний

(эмоции, воля, познание), порождаемых взаимодействием внутренних и внешних планов поведения, со взаимопереходящими компонентами субъективного времени. С психотерапевтической точки зрения мы получим специфический цикл контакта гештальт-терапии. Ранее мы уже писали о том [4], что существует большое количество различающихся описаний цикла контакта [1]. Более того, как принято считать, каждый практикующий психотерапевт ориентируется на какой-то свой, несколько уточненный. Исходя из целей нашего изложения, нам необходимо сопоставить цикл контакта с циклом субъективного времени. Как мы неоднократно показывали в других публикациях структура внутренней психодинамики психических свойств и состояний не является прямой производной линейного физического времени, а выстраивается по спирали субъективного времени, образуя циклы смены состояний [1]. При этом спираль психологического времени выглядит следующим образом (рис. 1).

Большие буквы на рисунке 1 означают прошлое (П), настоящее (Н) и будущее (Б), нижние буквенные индексы соответственно эмоции (э), познание (п) и воля (в). Верхний цифровой индекс означает следующий, второй цикл контакта. Дельта t означает разность психической активности (температуры, душевного тепла [1]) внешнего и внутреннего плана поведения (психоида [1]): $dt = T_{\text{внеш.}} - T_{\text{внутр.}}$. На этапе преконтакта

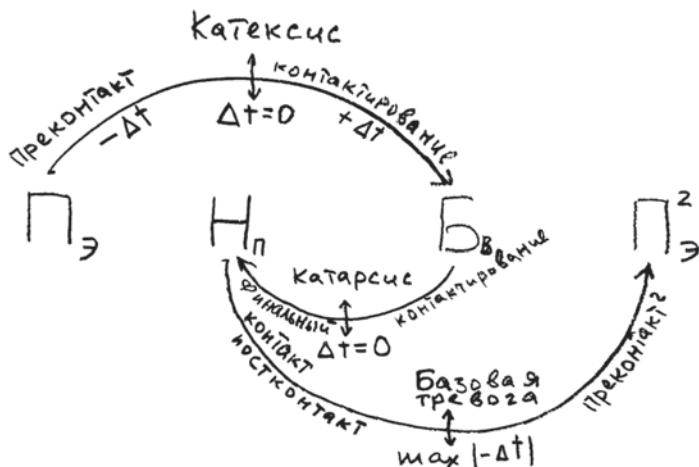

Рис. 1. Цикл контакта в субъективном психологическом времени

$T_{\text{внеш}}$ мало, так как объект еще не опознан, еще только едва теплится в сознании (его душевное тепло, когнитивно-эмоциональная очевидность для нас малы). Нахождение объекта потребности (катексис) происходит в точке равенства душевного тепла внутреннего и внешнего плана психоида. На этапе контактирования идет активный разогрев внешнего плана, потребного объекта, его осознание, изучение, гештальтирование наконец, поэтому dt больше нуля. Контактное завершается в психологическом будущем и перетекает в психологическое настоящее в точке катарсиса, где dt также становится равным нулю, но уже при высоких значениях душевной температуры как внешнего, так и внутреннего плана психоида. На этапе финального контакта происходит остывание внешнего плана психоида. Если использовать опять же пример еды, то есть уже не хочется, но еще приятно смотреть на еду (есть глазами).

На этапе постконтакта начинается остывание и внутреннего плана психоида. Гештальт завершается и уходит в подсознание. Остывание внутреннего плана происходит достаточно медленно, но от его скорости зависит, с какой интенсивностью будет развиваться базовая тревога. Если остывание внутреннего плана запаздывает, что и бывает чаще всего, так как это и есть механизм дальнейшего развития жизнедеятельности, то между душевной температурой внутреннего и внешнего (уже остывшего) плана образуется большая отрицательная dt , что и является началом преко́нтакта. Собственно базовая тревога не есть преко́нтакт. В неопсихологии этот термин используется для обозначения того, что заменяет беспокойное либидо с его агрессивностью и сексуальностью. При этом не тревожность является необходимым следствием базовых инстинктов — агрессивности и сексуальности, а напротив агрес-

сивность и сексуальность выступают следствиями наличия базовой тревоги [1].

Предложенная нами схема цикла контакта, привязанного к спиралевидной структуре субъективного психологического времени, вводит три узловых точки, согласованные с общей теорией психодинамики и принципами работы волевого двигателя [5]. Это первое равенство dt равно нулю (катексис) при невысокой активности (количестве душевного тепла [5]) внешнего и внутреннего плана поведения (психоида), второе равенство dt равно нулю (катарсис) при гораздо более высоких соответствующих значениях, и, наконец, точка максимума отрицательной разницы температуры внешнего и внутреннего плана психоида — точка возникновения базовой тревоги, запускающей следующий психодинамический цикл.

При развитии контакта внешнего и внутреннего плана поведения, очевидно, могут возникать какие-то сбои, сопротивления или препятствия, способствующие застреванию на той или иной стадии, что собственно и является объектом гештальт-терапии. Эти препятствия, вынужденное торможение совершения витка спирали субъективного времени и порождают агрессивное состояние, направленное на силовое решение проблемы. В соответствии с изложенным подходом можно предложить типологию открытой и скрытой агрессии по ступеням развития контакта в субъективном психологическом времени. Получаем три основных психодинамических типа агрессии:

- катектическая агрессия;
- катартическая агрессия;
- базовая (тревожная) агрессия.

Катектическая агрессия развивается при нарушениях нахождения объекта, соответствующего потребности (катексиса). Этот тип агрессии характерен для менее зрелых личностей и часто встречается в период подросткового кризиса. Юноша еще не умеет выбирать. Например, естественное отсутствие социальных навыков поведения не позволяет адекватно выстроить общение с представителями другого пола, а природа уже требует таких отношений хотя бы и в поверхностной форме. Это может порождать агрессию против всех более удачливых друзей и подруг, против взрослых с их неуклюжими советами и вопросами. А при определенных недостатках воспитания в семье развивается инфантилизм личности, который становится все более агрессивным вплоть до развития маниакальных криминальных форм проявления агрессии. Это *катектическая агрессия преконтакта*, хорошо соответствующая первому «русскому» вопросу «что делать?». Понятно, что эта форма агрессии распространяется на любые выборы: жизненного пути, продолжения учебы, профессионализации, идеологической ориентации и т. д. Однако чаще, конечно, носит гораздо более простые формы (например, при наличии некоторой суммы в кармане и оказавшись перед выбором, что себе купить красивую куртку или теплое пальто, некоторые молодые люди могут доходить до бешенства, возвращаясь домой так ничего и не купив). Вторая форма катектической агрессии — *агрессия начала контактирования*, которое может не понравиться по типу «опять не то». Поведение в целом превращается в агрессивное метание от одного к другому. Любой совершенный выбор вызывает озлобле-

ние. Юноша/девушка (или взрослый инфантил) начинают агрессивировать против более уверенных в себе и успешных товарищей, против советчиков взрослых, в крайних формах может приводить, например, к развитию мании бродяжничества или вступлению в какие-то тоталитарные сектантские организации, где агрессию можно с кем-то разделить. Подобное поведение хорошо соответствует второму «русскому» вопросу — «кто виноват?».

Эти два подтипа катектической агрессии различаются по соотношению открытой и скрытой агрессии и могут иметь различные формы, которых (с позиций психодинамического подхода) как минимум четыре.

1. Агрессия может скрываться от самого себя, то есть подавляться и не осознаваться, при этом она хорошо заметна (открыта) окружающим.

2. Агрессия может осознаваться и тщательно скрываться от окружающих (иногда превращаясь в косвенную агрессию, когда вред наносится объекту агрессии через манипулирование другими людьми).

3. Агрессия может быть осознаваемой и открытой. В предельной форме это можно наблюдать на психотерапевтических гештальт-сессиях.

4. Неосознаваемая и скрытая агрессия — этот случай более всего соответствует тяжким насильственным преступлениям, совершенным под прикрытием массовых акций и по неосторожности [6], о чем мы отдельно будем говорить ниже. Этот тип агрессии основан на переходе субъективного времени на новый виток, то есть базовой тревожности.

Катектическая агрессия прекоkontakта чаще всего соответствует первому типу

соотношения открытой и скрытой агрессии, а катектическая агрессия контактирования — второму типу. В этом случае человек осознает свое неприятие других, но позиционирует себя как «я не такой, как все», и устраняется от взаимодействия с окружением с достаточно хорошо осознаваемой обидой на весь мир, или как минимум на всех соотечественников, которые, по его мнению, и не дают ему самореализоваться.

Третий тип соотношения открытой и скрытой агрессии соответствует как раз личностному росту при определенном уровне личностного развития и самоконтроля. При недостатке этого уровня становится особо необходимым присутствие психотерапевта и его внешнего контроля.

Наконец, четвертый тип агрессии, основанный на базовой тревожности. Это состояние соответствует третьему временному переходу на новый виток, который является достаточно сложным, так как с психодинамической точки зрения является самым «холодным» по активности (количеству душевного тепла) внешнего и внутреннего плана психида. Катарсис уже достигнут, внутренне нет потребности к активным действиям, и внешне ничего не толкает. Именно здесь и зарождается прекоcontact, иногда в форме еще одного извечного, но при этом уже зрелого государственного «русского» вопроса: «чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжены с хреном...». Таким образом, базовая тревога, субъективно-временной переход на новый виток, может найти свои агрессивные проявления как в совместной социально-общественной деятельности (протесты на Болотной площади, хулиганство на Манежной), так

как на этом «холодном» витке обычно ищут энергетической подпитки у других участников протеста, так и в индивидуальном проявлении различных насилий по неосторожности, которые в состоянии полного катарсиса даже не замечаются (забыть принести жизненно важное лекарство, перепутать лекарства, уронить что-то тяжелое из окна на голову, может быть и незнакомого человека, но все равно, как потом выяснится, не «нашего», жизненно мешающего, или скорее способного помешать, и т. п.). Ранее нами были получены эмпирические результаты, подтверждающие этот факт с общепсихологических позиций. Психологические профили личности осужденных за убийство по неосторожности по релевантным методикам были подобны профилям агрессивных убийц и существенно отличались от профилей личности осужденных за ненасильственные преступления [6].

Отсутствие психологической и педагогической помощи личности (независимо от возраста) может приводить к фиксации форм агрессивного поведения, которые в этом случае становятся привычными, превращаясь в некоторый динамический стереотип. Так, катектическая агрессия может формировать поведение, акцентуированное по типу абулии, и делать привычной депрессию и аутоагрессию выбора в соответствующих ситуациях, которая может превращаться и во внешнюю агрессию (особенно, если кто-то спросит, почему у тебя плохое настроение). Катартическая агрессия, когда человек вдруг не может получить того, что он выбрал и хочет, может акцентуировать психопатические импульсивные агрессивные реакции, направленные в основном вовне.

Что касается базовой тревожной агрессии здесь ситуация менее очевидна и более сложна. Мы уже говорили, что для этого типа агрессии характерна энергетическая подпитка от социума, что часто приводит к вовлечению человека в различные протестные сообщества на основе базовой тревоги по типу «что же будет с Родиной и нами». В свое время мы провели специальное исследование осужденных, примкнувших и пособничавших террористическим организациям, что позволило установить некоторые обобщенные черты личности, акцентуированной на основе базовой тревожной агрессии [3]. Характерно, что на тревожность и страх как психологическую базу формирования личности террориста и экстремиста указывали и другие авторы с общепсихологических позиций. Так, А. Мелихов писал в Литературной газете: *«Страх ничтожности — вот сокрытый двигатель современного терроризма ... Современный террорист борется не за почетное место в том или ином социуме, но за почетное место в мироздании. Точнее, за воображаемую картину мира, в которой он не ощущал бы своей мизерности и мимолетности»* [2]. В этом интуитивном наблюдении автора ясно видно не только проявление базовой тревожности, но торможение перехода на новый виток субъективного времени в психическом устройстве жизнедеятельности. Обратимся теперь к краткому описанию тех личностных черт, которые, как мы полагаем представить в этой статье, характеризуют базовую тревожную агрессию в целом, а не только тот контингент (примкнувших к террористическим организациям), который мы исследовали эмпирически.

Первое, на что, как следует из наших результатов [3], необходимо указать, это *крайняя внутренняя противоречивость* личности с акцентуированной базовой тревожной агрессией, которая проявляется буквально во всем. Это человек, который внутренне никогда не находится в мире с самим собой и окружением. Если он гордится своей национальностью, то одновременно находится в войне с собственным народом. Пытаясь объяснить свое поведение религиозной догматикой, он самым грубым и греховным образом нарушает ее основы. Если он считает себя борцом за социальную справедливость, то одновременно позиционирует себя против общества. Все это могло бы показаться достаточно банальным, но в контексте этой статьи смысл данных утверждений в том, что нам удалось эмпирически продемонстрировать, как эта противоречивость определяет весь социально-психологический облик личности террориста. Уже не таким тривиальным является факт, что террорист в среднем лучше образован, чем обычный преступник, но при этом категорически не хочет повышать уровень образования. Имея специальность и возможность трудиться, он также категорически отказывается это делать. Переход на новый виток субъективного времени в организации жизнедеятельности категорически блокирован. Это приводит к увеличению дистанции в межличностном общении. Человек с акцентуированной базовой тревожной агрессией все более замыкается в себе.

Отсюда и *вторая* обобщенная черта личности с акцентуированной базовой тревожной агрессией — это внутренний запрет на социально ожидаемые фор-

мы общения и деятельности, который представляет собой оборотную сторону внутренней противоречивости личности и может быть назван *психосоциальной изолированностью*.

Так, по нашим данным [3], поведение террориста в местах лишения свободы наталкивает на мысль о существовании сложного неосознаваемого психодинамического механизма сохранения этих двух составляющих.

Третья обобщенная черта личности террориста — это его так сказать *принципиальная десоциализированность*. Например, если обычный преступник десоциализирован в обществе, то тюрьма ему — «дом родной» или даже что-то вроде «университета преступной жизни». Террорист десоциализирован везде, что говорит о существенной акцентуации базовой тревожной агрессивности.

Таким образом, предложенная психодинамическая типология агрессивности, в каждом своем типе предполагающая некоторое специфическое сочетание открытой и скрытой агрессии, на наш взгляд, охватывает и позволяет психотерапевтически проанализировать с гештальт-позиций большинство видов агрессивного поведения. Кроме того, непосредственная связь типологии с разработанным нами ранее для гештальт-терапии циклом контакта, базирующимся на специфике субъективного психологического времени, существенно облегчает организацию и проведение психотерапии в случае возникновения необходимости.

Литература

1. Гингер С. Гештальт: искусство контакта. — М., 2002.

2. Мелихов А. Чего хочет террорист // Лит. газ. — 2007. — № 30.

3. Подсознание личности террориста / Д.В. Сочивко [и др.]. — М.: ПерСэ, 2006. — 250 с.

4. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: МПСИ, 2007.

5. Сочивко Д.В. Психодинамическая модель «эмоционально-волевого двигателя» в человеческом поведении // Математическая психология: школа В.Ю. Крылова. — М.: ИПРАН, 2010.

6. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Психодинамика личности осужденных за убийства // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1.

АДАПТАЦИЯ МЕТОДИК В ИССЛЕДОВАНИИ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ, РАБОТАЮЩИХ ВАХТОВЫМ МЕТОДОМ

Г. М. Головина, Т. Н. Савченко

Аннотация: работа направлена на изучение субъективного качества жизни лиц, работающих вахтовым методом на Крайнем Севере. Описана адаптация методик определения типов принятия себя и социальной устроенности с помощью данных, полученных в исследовании.

Ключевые слова: субъективное качество жизни, удовлетворенность жизнью, динамическая психодиагностика, принятие себя личностью, социальная устроенность.

Summary: the work is focused on the study of subjective quality of life of people working in shifts in the Far North. Describes the adaptation of methods for determining types of self-acceptance and social arranged with the help of the data obtained in the study.

Keywords: subjective quality of life, life satisfaction, dynamic psycho-diagnostics, acceptance of ourselves as individuals, social dispensation.

Качество жизни россиян является важным направлением исследований. Авторы продолжают исследования

в области субъективного качества жизни (Г.М. Головина, Т.Н. Савченко, 2004; Т.Н. Савченко, Г.М. Головина, 2006; Т.Н. Савченко, Г.М. Головина, Д.В. Сочивко, 2012). Наше исследование направлено на изучение субъективного качества жизни лиц, работающих вахтовым методом на Крайнем Севере (местных жителей и мигрирующих на удаленное место жительства).

Вахтовый метод — это выполнение работ силами мобильных подразделений (вахтовиков) с регулярным выездом трудовых коллективов на объекты, удаленные от места постоянного жительства работников, когда ежедневные поездки экономически нецелесообразны. Например, когда работники приезжают из базовых городов, обеспечивая непрерывность процесса добычи газа.

Выявлены неблагоприятные факторы, воздействующие на вахтовиков и членов их семей (А.Н. Силин, 2010). Во время длительного пребывания в экстремальных условиях, при многократных монотонных стрессогенных воздействиях и эмоциональном перенапряжении у работника начинает снижаться значи-

мость ценностных ориентаций. Ранее значимые для него моральные и материальные ценности кажутся ненужными. В результате ослабляется внимание, снижается бдительность, становится инертным процесс принятия решения.

Изменение ценностных ориентаций вахтового персонала, на наш взгляд, детерминируется не только стрессогенными факторами. В процессе труда и проживания в вахтовых поселках происходит тесное общение между собой сотрудников, работающих по методу внутрирегиональной и межрегиональной вахты. Так, вахтовый персонал в ООО «Газпром добыча Ямбург» прилетает на работу из Москвы, Московской и Тюменской областей, Башкортостана, Краснодарского края. Естественно, межрегиональные вахтовики «везут» на север ценности своих субкультур (базовые города «вахтования» — Москва, Краснодар, Уфа, Тюмень).

Присущее человеку стремление к освоению новых земель обуславливает актуальность этого направления развития промышленности и ставит отечественных психологов перед необходимостью поиска все новых путей и способов решения возникающих психологических проблем и трудностей. Методологически усложняют эту задачу динамично меняющиеся актуальные жизненные ценности современного общества, как декларируемые, так и фактически культивируемые.

Первостепенными для успешного теоретического изучения, а затем и практического разрешения психологических проблем являются: степень стрессоустойчивости личности, социальная адаптация, удовлетворенность жизнью и жизненными ценностями.

Описанные условия работы и жизни данной категории людей создают необходимость в эмпирическом исследовании применять компактные и надежные опросники.

Это составляет **актуальность нашего исследования** ценностной и личностной структуры вахтовиков с помощью обычно используемых, а также новых методик, адаптируемых на указанной выборке.

Цель исследования — изучение субъективного качества жизни и психологических характеристик работников вахтового метода на Крайнем Севере.

Гипотеза: субъективное качество жизни, социальная адаптация, стрессоустойчивость, акцентуированность и гармоничность людей, работающих вахтовым методом в условиях Крайнего Севера, взаимосвязаны.

В исследовании использовались следующие **методики:**

- Опросник «Субъективное качество жизни» (СКЖ) Савченко, Головиной.
- Методика определения типа принятия себя Головиной, Савченко.
- Методика определения типа социальной устроенности Савченко, Головиной.
- Опросник Мини-мульти, сокращенный вариант Миннесотского Многомерного Личностного опросника MMPI.
- Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге.
- Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Джеймса Крамбо (Crumbaugh J., 1968) и Леонарда Махолика, адаптированный Д.А. Леонтьевым.

Для обработки результатов исследования использовались методы математической статистики:

- корреляционный анализ;
- непараметрические критерии Манна-Уитни и Краскалла-Уоллиса;
- факторный анализ с вращением Варимакс и нормализацией Кайзера.

Выборку составили мужчины в возрасте от 23 до 62 лет со стажем работы вахтовым методом от полугода до 15 лет. Основную группу составили работающие по межрегиональной вахте мужчины из Москвы и Московской области, Тюмени, Краснодара, Уфы, Белгорода, Санкт-Петербурга и Казани. Контрольную группу составили работающие по региональной вахте мужчины из городов Надым и Новый Уренгой.

Контрольная группа была выбрана для сравнения показателей, связанных с миграцией, а не со спецификой и условиями работы.

Анализ результатов

1. *Корреляционный анализ общей выборки.* Исследования адаптации работников к условиям работы на Крайнем Севере выявили ряд необходимых качеств личности, способствующих лучшей адаптации: потребность в новых ситуациях и впечатлениях, неконформность, нечеткие представления, узкий круг интересов. Таким образом, требования к вахтовому работнику и условия его проживания в вахтовом поселке и работы значительно отличаются от требований к человеку, работающему в городе. Лучшей адаптации к условиям Крайнего Севера способствуют качества, затрудняющие или как минимум не облегчающие адаптацию к жизни «на Большой земле».

2. *Анализ различий между группами.* Выявлены различия между

вахтовиками-мигрантами и вахтовиками — местными жителями.

Степень акцентуированности личности значимо выше у вахтовиков-мигрантов, для которых более характерны избегающие паттерны поведения, чем у местных вахтовиков, которые обнаружили большую характерологическую гибкость, акцентуированы лишь те из последних, кто переживает высокий уровень стресса.

Гармоничность личности, свобода от характерологической обусловленности расширяет возможности внутреннего ценностного творчества в виде большей смысложизненной ориентированности и степени удовлетворенности жизнью, что более выражено у местных жителей.

Высокий уровень эмоционального стресса ведет к обострению и декомпенсации таких характерологических радикалов, как гипоманиакальность, шизоидность, психопатические черты и паранойяльность (в порядке убывания выраженности), что более выражено у вахтовиков — местных жителей.

Напомним, что в случае динамической психодиагностики (Сочивко, Савченко, Головина, 2010) СКЖ оценивается как общая удовлетворенность жизнью, а в качестве второго параметра рассматривается один из параметров СКЖ (например, социальная устроенность или принятие себя).

Каждый вопрос методики представляет собой описание одной из четырех ситуаций и предложение выбрать один вариант выхода из этой ситуации. Вариантов всего три. Таким образом, существует шесть возможных сочетаний из четырех представленных состояний. Переходя мысленно из одного состояния в другое, человек, наконец, возвращается

в исходное состояние; цикл завершается. Последний переход называется предельным циклом. Психологический анализ неустойчивого равновесия между первым и последним состояниями позволяет дать предварительное название данному динамическому типу личности (Сочивко, 2003).

Методики, построенные с помощью указанного метода, позволили выделить шесть типов принятия себя: капризный, самокритичный, депрессивный, мазохист, критикан, зависимый; и шесть типов социальной устроенности личности: реалист, оптимист, игрок, бродяга, жадный, аскет (Савченко, Сочивко, Головина, 2007; Савченко, Головина, Сочивко, 2010).

Типы были названы экспертами при разработке методик на основании описания гипотетических состояний (ситуаций), из которых респондент может перейти в одно из трех других.

Для наполнения и раскрытия психологического содержания, отраженного в конкретном типе, а также для того, чтобы дать соответствующее содержанию название, анализировались психологические различия между типами.

Анализ различий между типами социальной устроенности

Тип «реалист» характеризуется тем, что он всегда социально устроен, но состояние удовлетворенности жизнью неустойчиво; а у «оптимиста» социальная устроенность неустойчива, но, несмотря на это, он всегда удовлетворен жизнью. «Игрок» удовлетворен жизнью, если социально устроен и неудовлетворен, если неустроен. «Бродяга» не бывает удовлетворенным жизнью, если социально устроен, он меняет устроен-

ность на удовлетворенность своей жизнью. Два из шести типов — «жадный» и «аскет» — отличаются от остальных тем, что в одном из двух состояний устойчивого цикла они и не устроены и не удовлетворены жизнью. Причем «жадный» никогда не бывает удовлетворенным, а «аскет» удовлетворен, когда его жизнь не устроена. Данная выборка состоит в основном из первых четырех типов.

С помощью критериев Манна-Уитни и Краскалла-Уоллиса были выявлены:

1) значимые различия между типами социальной устроенности в психологических показателях (уровень значимости различий $p < 0,05$):

– у «реалиста» (тип 1) выше цели, чем у «оптимиста» (тип 2), выше балл, ниже коррекция, чем у «игрока» (тип 3), ниже гипомания, чем у «бродяги» (тип 4);

– у «оптимиста» (тип 2) ниже цели, чем у «реалиста» (тип 1), выше балл, ниже коррекция и шизоидность, чем у «игрока» (тип 3);

– у «игрока» (тип 3) ниже балл, выше коррекция, чем у «реалиста» (тип 1) и «бродяги» (тип 4), и шизоидность, чем у «оптимиста» (тип 2).

«Игрок» удовлетворен жизнью лишь, когда социально устроен, коррекция поведения в социуме соответственно высокая. Высокая шизоидность этого типа отличает его от других типов, она мешает ему сохранять состояние устроенности.

У «бродяги» (тип 4) выше гипомания, чем у «реалиста», «оптимиста» и «игрока», и ниже коррекция, чем у «игрока» (тип 3). Таким образом, отличительной чертой «бродяги» является низкая коррекция и высокая гипомания. Это логично, так как он «асоциален и склонен к перемене мест».

2) различия между типами социальной устроенности в оценках реальных ценностей СКЖ: «оптимист» выше оценивает свое жилье, чем «реалист» и еду, которую он потребляет, чем «игрок».

Анализ различий между типами принятия себя

Первый тип принятия себя личностью, который был нами назван «капризный», всегда принимает себя таким, как он есть, но не всегда удовлетворен жизнью. Второй тип всегда удовлетворен жизнью, но не всегда принимает себя («самокритичный»). «Депрессивный» (тип 3) или удовлетворен и принимает себя или не удовлетворен и не принимает. «Мазохист» (тип 4) принимает себя лишь в состоянии неудовлетворенности жизнью. Два типа редко встречаются в выборках, независимо от генеральной совокупности, из которой они взяты. «Критикан» (тип 5) не бывает удовлетворен жизнью, а «зависимый» (тип 6) никогда не принимает себя. Данная выборка состоит в основном из первых трех типов.

С помощью критериев Манна-Уитни и Краскала-Уоллиса были выявлены значимые различия между типами принятия себя в психологических показателях (уровень значимости различий $p < 0,05$).

Первый тип, который был нами назван «капризный», оказался менее параноичным и шизоидным, чем второй тип — «самокритичный». Умеет лучше ставить цели, чем «самокритичный», а также имеет более высокий локус контроля жизни, умеет лучше ставить цели, менее гипоманиакален и психопатичен, чем третий тип — «депрессивный».

Таким образом, первый тип — «капризный» — является по своим психологическим характеристикам скорее «уверенным в себе», его предельный цикл — переход от удовлетворенности жизнью к неудовлетворенности, что дает возможность развитию личности при уверенности в себе, принятии себя.

Второй тип — «самокритичный» — более параноичен и шизоиден, а также имеет менее выраженные цели, чем первый тип — «уверенный в себе», но более высокие оценки по шкалам цели, процесс и результат, чем «депрессивный».

Приведем рисунки, показывающие максимально значимые различия между типами 1–3 по гипомании (рис. 1), шизоидности (рис. 2), локусу контроля жизни (рис. 3), результату (рис. 4) и процессу (рис. 5).

Процентный состав типов *социальной устроенности и принятия себя* в группах.

Из Москвы едут «реалисты» и «оптимисты» — по 25%, а также «игроки», «бродяги» — по 17% и «аскеты» — 8%; из других городов: «реалисты» — 33%, «оптимисты» — 11%, «бродяги» — 11%, а больше всех «игроки» — 44%. Таким образом, «игроки» из Москвы и других городов едут в Новый Уренгой; среди местного населения работают на шахте в основном «оптимисты» — 67% и «реалисты» — 33% (местные «игроки» не работают вахтовиками).

Из Москвы (по типам принятия себя) едут примерно в одинаковых процентных отношениях «самокритичные», «уверенные в себе» и «депрессивные».

Делать обобщающие выводы по типам УЖ пока мы не можем, так как для этого необходимо собрать достаточное количество данных. Однако полученные

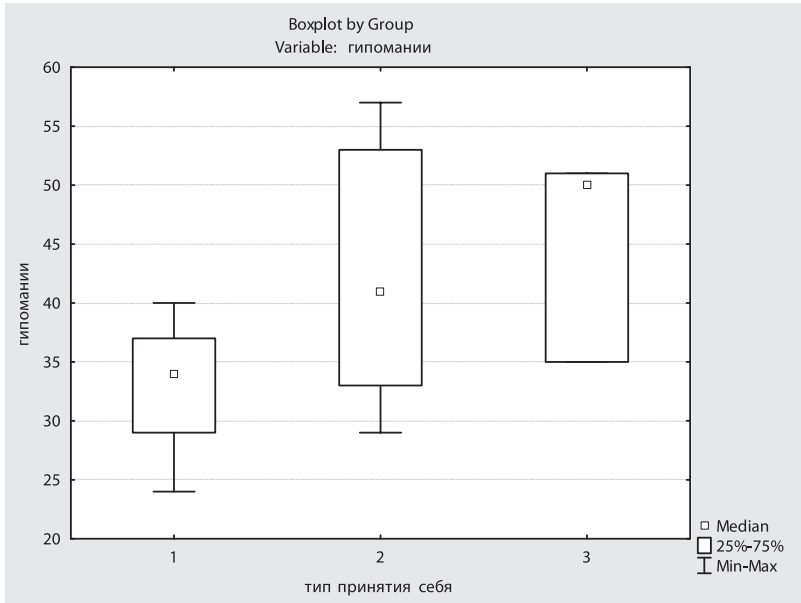

Рис. 1

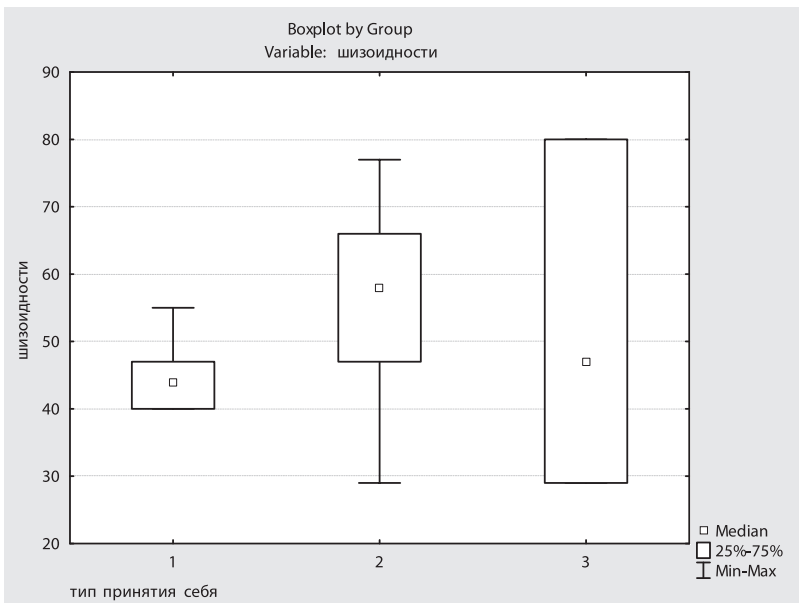

Рис. 2

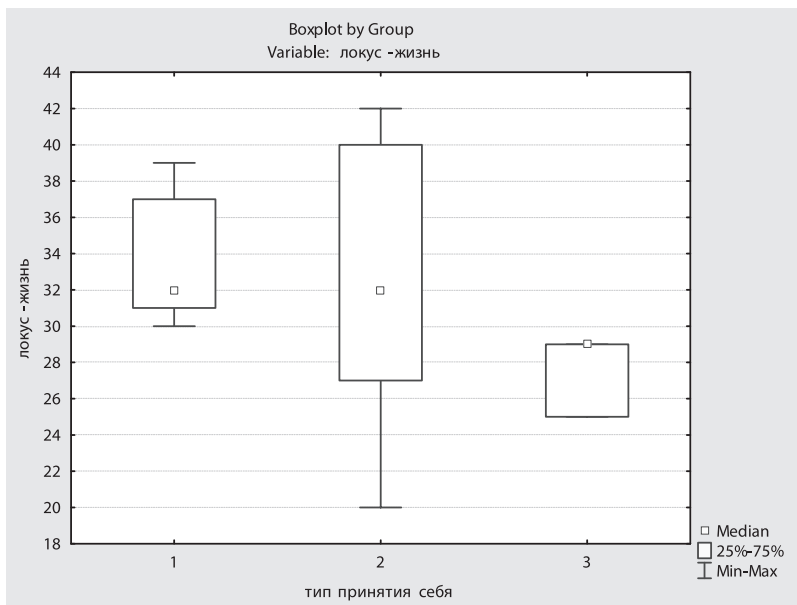

Рис. 3

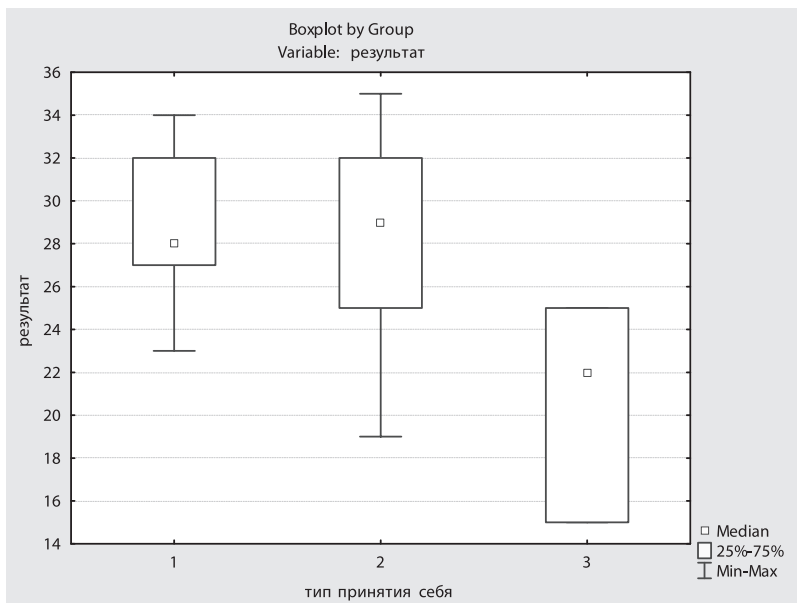

Рис. 4

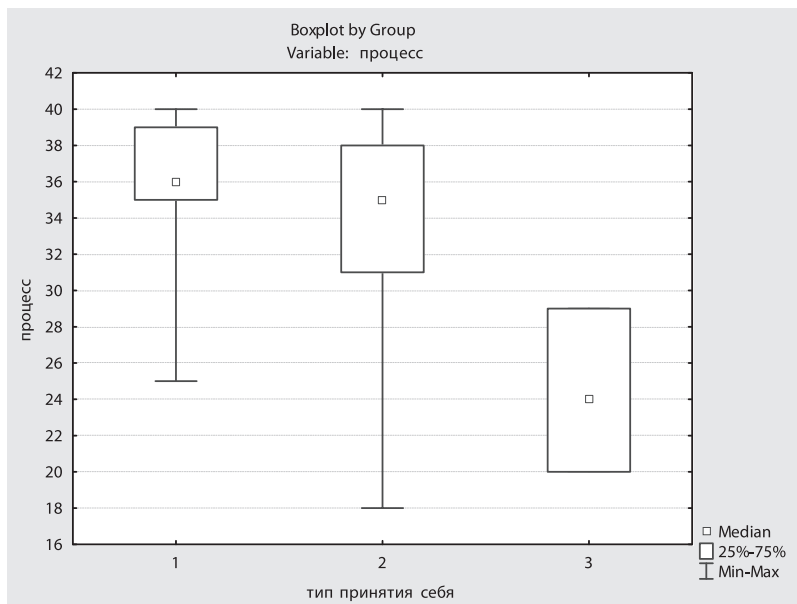

Рис. 5

предварительные результаты позволяют правильно спланировать дальнейшие эмпирические исследования.

Результаты, полученные на этой выборке, позволили выявить различия и сходства в структуре СКЖ.

Выявлены различия в СКЖ между вахтовиками-москвичами и вахтовиками из других городов:

- в оценках реальных ценностей: значительно выше оценки вахтовиков-немосквичей: «свобода», «еда», «общение» и «здоровье»;

- в оценках идеальных ценностей: «стремление к духовным ценностям» выше у местных жителей.

Реконструированы факторные структуры СКЖ вахтовиков из Москвы и других городов.

Переменными для факторного анализа выбраны расхождения между оцен-

кой реальных и идеальных ценностей и суммарный показатель СКЖ.

Реконструированы факторы структуры СКЖ вахтовиков из Москвы:

- первый фактор — «удовлетворенность личности жизнью» определяется ценностями: свобода, духовность, уверенность в своем завтрашнем дне, удовлетворенность жизнью, СКЖ;

- второй фактор — «семья в стабильной стране»: стабильность в стране, экология, еда, семья;

- третий фактор — «общение»: развлечение, жилье, отдых, уважение окружающих.

Реконструированы факторы структуры СКЖ вахтовиков-немосквичей:

- первый фактор — «семейные ценности»: семья, любовь, общение, экономический фактор, спорт, удовлетворенность жизнью;

– второй фактор — «комфортность жизни»: здоровье, развлечения, еда, отдых, домашние животные;

– третий фактор — «Я» в обществе»: СКЖ, стабильность.

Реконструированные факторы позволяют говорить о некотором различии структур СКЖ. Для москвичей семья отступает на второй план, в отличие от немосквичей, для которых первым фактором как раз выступают семейные ценности, в традиционном понимании — семья, любовь, общение, экономический фактор.

Таким образом, ценностные ориентации, занимая место на пересечении двух больших предметных областей мотивации и мировоззренческих структур сознания, выполняют функции регуляторов поведения и человеческой деятельности. Для вахтовиков характерны специфические ценностные ориентации, а культура и благосостояние ограничиваются суженным желанием благосостояния и ограниченными моральными и духовными стремлениями. Подобная тенденция соответствует широко разделяемым представлениям о большей адаптивности гармоничных и гибких внутренних личностей.

Исследователи отмечают, что для большинства вахтовиков культура и благосостояние ограничиваются суженным желанием известного благополучия — квартира со стандартным набором вещей и не выходящими за рамки этого личного счастья поведением и ограниченными моральными и духовными стремлениями.

Эти результаты можно объяснить тем, что на миграцию решаются чаще лица, которым не удалось адаптироваться в условиях оседлой жизни, и они,

следуя стратегии избегания (*withdrawal behavior, reactions*) в поисках лучшей жизни, следуя убеждению «хорошо там, где нас нет», «трава всегда зеленее у соседа», отправились в вахтовую рабочую миграцию. Однако некоторая личностная дисгармоничность, по-видимому, сохраняется — «от себя не убежишь».

«Аборигены» же, следуя выражению Т. Рузвельта «делайте то, что можете, тем, что имеете, там, где находитесь», не склонны к избеганию трудностей, больше ориентированы на внутреннюю работу, и приобрели в суровых условиях Крайнего Севера необходимую для выживания гибкость на разных уровнях функционирования.

В заключение можно констатировать, что решены две задачи. Проведена валидизация методик динамической психодиагностики, разработанных авторами: в результате обобщения данных по всем методикам, используемым в исследовании, были скорректированы названия динамических типов личности в соответствии с их психологическими типами, полученными с помощью стандартных психодиагностических методик. Использование в дальнейшем методик определения динамических типов удовлетворенности жизнью позволит значительно сократить время и упростить процедуру опроса респондентов.

Описаны также структуры СКЖ, определены психологические характеристики, позволяющие жить в достаточно трудных условиях.

Литература

1. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Влияние экономического фактора на субъективное качество жизни // Проблемы экономической психологии. Т. 1 / под ред. А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко. — М.: Изд-во ИП РАН, 2004.

2. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. — М.: Изд-во ИП РАН, 2006.

3. Савченко Т.Н., Головина Г.М., Сочивко Д.В. Моделирование субъективного качества жизни различных «замкнутых» социосистем // Психологические проблемы современного российского об-

щества / под ред. А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко. — М.: Изд-во ИП РАН, 2012.

4. Савченко Т.Н., Головина Г.М., Сочивко Д.В. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4.

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИИ В ПОВЕДЕНИИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Е. Е. Гаврина

Аннотация: в статье подчеркивается актуальность исследования психологических особенностей проявления различных видов агрессии в поведении сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: агрессия, виды агрессии, деструктивное поведение.

Summary: the article stresses the relevance of the study of psychological peculiarities of manifestations of different types of aggression in the behaviors of law enforcement officials.

Keywords: aggression, types of aggression, destructive behavior.

В течение нескольких лет сотрудниками Академии ФСИН России проводилось исследование специфики формирования деструктивного поведения сотрудников правоохранительных органов (ПОО), в частности особенностей проявления их агрессивного поведения.

Вызванный интерес во многом связан с демонстрацией на телевидении видеофильмов о сотрудниках ПОО, регулярно прибегающих при решении служебных задач к силовым методам, что, несомненно, влияет на формирование представлений населения о жестокости и склонности к насилию как качествах, характерных для сотрудников всех правоохранительных структур. Все это, безусловно, снижает престиж деятельности правоохранительных органов, а значит, государственной власти.

Исследование специфики проявления деструктивного поведения сотруд-

ников ПОО в виде агрессии осуществлялось путем сравнительного анализа трех категорий сотрудников:

- 1) не склонных к деструктивному поведению;
- 2) отнесенных к группе риска;
- 3) работавших в ПОО и в настоящее время, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

В качестве методологического инструментария исследования были использованы: опросник «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» (В.В. Бойко); базовый опросник, разработанный А.И. Папкиным и Е.Е. Гавриной; «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х.Р. Конта (адаптирован межрегиональной психологической лабораторией г. Ярославля); опросник межличностных отношений В. Шутца (адаптация А.А. Руквишишникова), опросник «Определение деструктивных установок в межличностных отношениях» В.В. Бойко.

Сразу оговоримся, что в процессе исследования были получены результаты, которые развенчивают образ экранного агрессивного сотрудника полиции, и выделилась лишь небольшая группа сотрудников (7% от общего числа), которые имеют личностную предрасположенность к использованию силового воздействия при решении проблемных вопросов.

Следует отметить, что агрессивное поведение сотрудников в основном выражается в неумении переключать

агрессию на деятельность или неодушевленные предметы, склонности к отражательной агрессии, аутоагрессии и в ожидании расплаты за причиненную агрессию. Другими словами, сотрудники чаще всего прибегают к агрессивным формам поведения только в ответ на агрессию в их адрес. Примечателен тот факт, что они не склонны к анонимной агрессии, то есть для них не характерно затаить обиду и потихоньку мстить своим оппонентам по спорным или проблемным ситуациям.

С целью получения достоверных и объективных результатов нами был проведен корреляционный анализ полученных результатов по итогам обследования, который позволил выделить следующие закономерности в рассматриваемых нами группах сотрудников.

Если провести сравнительный анализ наличия количества корреляционных связей, то в группе сотрудников, *не склонных к проявлению деструктивного поведения*, наблюдается наименьшее количество корреляционных связей, по сравнению с данными, полученными на основе анализа корреляционных матриц других двух групп сотрудников. Небольшое количество связей между исследуемыми признаками говорит о более стойкой к формированию деструктивного поведения личностной структуре сотрудников ПОО.

Остановимся на рассмотрении корреляционных плеяд только с наибольшим количеством связей.

1. Если рассматривать группу сотрудников ПОО, не склонных к деструктивному поведению, то по итогам корреляционного анализа наибольшее количество корреляционных связей наблюдается по таким видам агрессии, как «рас-

плата за агрессию», «склонность к отражательной агрессии».

Предлагаю остановиться на индивидуальных особенностях сотрудников этой группы, *осознающих, что за проявленную ими агрессию по отношению к другим людям обязательно наступит расплата в виде*, как минимум, административного или дисциплинарного наказания и, как максимум, уголовное наказание. Для них характерно проявлять неуверенность при исполнении обязанностей по должности, проецировать свою ситуацию на примеры коллег, которые получили взыскания или были наказаны из-за слишком активной (с их точки зрения) работы, связанной с исполнением обязанностей по должности, объясняя тем самым свою низкую профессиональную исполнительность. Самый распространенный пример подобных рассуждений: «Оперуполномоченный П., раскрывая убийство, вынужден был припугнуть задержанного И., что, в свою очередь, оказало существенную помощь в раскрытии тяжкого преступления. В итоге, думаете, его поблагодарили? Нет, наказали за превышение должностных обязанностей. Хотя таких отморожков, как И., необходимо не только пугать, но и делать все возможное, чтобы они исчезли с лица земли». Многие из сотрудников ПОО, разделяющих такое мнение, приписывают окружающим агрессивные устремления по отношению к ним и тем самым как бы оправдывают свои агрессивные проявления, а если все-таки агрессия была проявлена, то переносят ее в разряд средств защит.

Сотрудники другой группы, *не беспокоящиеся за наступление расплаты вследствие применения ими агрессии*, более самостоятельны при выпол-

нении служебных заданий, оценивают свою профессиональную подготовленность и знание своих прав и полномочий как достаточно высокие, положительно воспринимают взаимоотношения с коллегами, работа вызывает у них чувство удовлетворения, они не склонны к заражению агрессией, исходящей от окружающих, и аутоагрессии. Такой тип психологической защиты, как «проекция», для них не характерен. Следовательно, можно отметить, что сотрудники, не переживающие за наступление расплаты за свое агрессивное поведение, более успешно выполняют свои профессиональные обязанности по должности. Надо помнить, что применение физической агрессии при решении служебных задач, к примеру избивание задержанных, ни в коем случае не оправдывает сотрудников ПОО и не добавляет этой системе престижа. В последнее время многие сотрудники неоднократно в процессе беседы заявляли о том, что они предпочитают не прибегать к силовым воздействиям по отношению к задерживаемым, даже если они оказывают им сопротивление, угрожающее их здоровью и жизни. По их словам, если на подозреваемом окажется хотя бы одна гематома, его адвокат потом «затаскает их по судам», будет масса различных служебных проверок по факту незаконного задержания, избивания и пыток по отношению к их подзащитному, в результате которых сотрудники незаконно добыли «чистосердечные признания», к примеру, в десяти убийствах. Как видим, с одной стороны более успешные сотрудники не боятся расплаты за агрессию, а с другой — предпочитают смягчать различные силовые приемы или совсем их не использовать при задержании опас-

ных преступников. Не случайно участились случаи гибели сотрудников ПОО и получения ими ранений. Многие говорят, что это происходит из-за низкого уровня профессионализма сотрудников, но, с нашей точки зрения, — из-за их нежелания или опасения нанести какие-либо травмы преступникам, чтобы в будущем «не иметь проблем с уголовным кодексом».

Создание нормативной базы, защищающей права сотрудников в аналогичных случаях, и вынесение более строгих наказаний обвиняемым за сопротивление сотрудникам при исполнении ими служебных задач, выдвижение угроз в их адрес, причинение им вреда позволит максимально развить их уверенность, самостоятельность и активность при исполнении обязанностей по должности. Проведение мероприятий, направленных на формирование навыка рационального применения силовых воздействий в процессе исполнения служебных задач и контроля над проявлением агрессии обеспечит психологическую подготовленность сотрудников к возможным экстремальным ситуациям, связанным с их профессиональной деятельностью.

Предлагаем остановиться на рассмотрении индивидуальных особенностей сотрудников, не склонных к деструктивному поведению, но отличающихся наличием *отражательной агрессии*. Для них характерно в основном прибегать к агрессии лишь в ответ на ущемление их прав и проявление к ним агрессии со стороны окружающих. Их легко «завести» и втянуть в агрессивные действия, у них не хватает опыта не отвечать агрессией на агрессию. В некотором роде они напоминают людей, склон-

ных к брюзжанию и недовольству, и по причине, известной только им, считают, что в их должностных инструкциях очень четко прописана такая сторона, как ответственность по должности, и совсем не упоминается о том выполнять ли поручения, которые выходят за пределы их обязанностей.

При возникновении проблемной ситуации они заменяют решение субъективно более сложных задач решением относительно более простых и доступных в сложившийся момент, что существенно снижает *эффективность разрешения конфликтов*. Кроме того, эти сотрудники могут прибегать к защитному механизму, который выражается в рядке подавленных эмоций (как правило, враждебности и гнева) и направлен на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызвали отрицательные эмоции и чувства. Несмотря на все изложенное, они все-таки ориентированы на дружеские отношения с людьми.

Не склонные к отражательной агрессии сотрудники ПОО, напротив, имеют достаточный опыт для решения спорных и проблемных ситуаций без использования агрессии, они не вспыльчивы, умеют контролировать свое поведение, воспринимают дополнительные поручения от руководства как само собой разумеющееся явление, однако не столь открыты для общения, особенно на эмоциональном фоне с окружающими их людьми.

II. По итогам корреляционного анализа результатов обследования сотрудников ПОО, отнесенных к группе риска, наибольшее количество корреляционных связей наблюдается по таким видам агрессии, как «спонтанная агрессия» и «расплата за агрессию».

При изучении индивидуально-психологических особенностей сотрудников ПОО группы, склонных к проявлению спонтанной агрессии, были получены следующие результаты. Так, они в основном представляют собой людей, недовольных всем и вся, и в качестве основного способа разрешения своих проблемных ситуаций используют силовое воздействие и угрозы. Очень часто их не устраивают те нормативные документы, которые регулируют их служебную деятельность. Учитывая деструктивные особенности их поведения, можно предположить, что эти документы, вероятнее всего, сужают способы достижения желаемых результатов, а может быть, даже антисоциальных интересов. Отметим, что недовольство регламентирующей их служебную деятельность документацией повлияло на занижение ими оценки своих профессиональных качеств, умений и знаний. Данная категория людей отличается замкнутостью, осторожностью при выборе друзей, реагирует на агрессию в основном агрессией, склонна к *анонимной агрессии*, что может служить показателем злопамятности. С нашей точки зрения, данная категория сотрудников должна быть под особым контролем как психологов, так и непосредственного руководства. Полученные данные ни в коем случае не доказывают, что эти сотрудники ПОО совершают должностные преступления, но все же далеки от идеала.

После проведенной нами математико-статистической обработки данных было выявлено небольшое количество таких сотрудников (7%).

Анализ изложенного позволяет предположить возможность совершения сотрудниками этой группы антисо-

циальных действий под влиянием возникшей спонтанной агрессии. В качестве примера приведем характерный случай. Оперуполномоченный С. при задержании Г., подозреваемого в убийстве двух граждан (с целью грабежа и дальнейшего приобретения наркотических средств), нанес ему телесные повреждения в ответ на оскорбления в свой адрес и в результате был переведен в разряд правонарушителей. Этот случай показывает, насколько несдержанность сотрудников и неумение решать конфликтные ситуации рациональным способом снижают престиж ПОО. Необходимо помнить, что сотрудник, наделенный властью, должен быть особенно корректен и сдержан в подобных обстоятельствах, обладать навыками разрешения подобных ситуаций правовым способом, а не физическим.

Сотрудники ПОО, отнесенные к группе риска, обладающие достаточными умениями и навыками по сдерживанию спонтанной агрессии, в отличие от рассмотренной категории сотрудников, напротив, позитивно относятся к разработанным для них функциональным обязанностям, высоко оценивают свои профессиональные знания, умения и навыки, умеют эффективно разрешать проблемные ситуации, способны контролировать проявление агрессии. Они более открыты и дружелюбны по отношению к окружающим.

Сотрудники ПОО, отнесенные к группе риска, осознающие возможность наступления расплаты за причиненную агрессию окружающим, значительно отличаются от остальных обследуемых нами трех категорий сотрудников наличием большего количества деструктивных установок в служебной деятельно-

сти. Из-за ожидания, что в обязательном порядке наступит время, когда им придется ответить за проявление агрессии по отношению к окружающим, они считают себя менее защищенными вследствие некорректно и юридически неграмотно (с их точки зрения) разработанных должностных инструкций, которые не улучшают их положение, а напротив, ухудшают. От регламентирующих их должностных документов они ожидают большей правовой защиты и предоставления большей свободы для осуществления своих функциональных обязанностей. Очень часто считают, что их привлекают к дисциплинарной ответственности как за служебные, так и исполнительские промахи несправедливо, в некоторых случаях можно было бы даже похвалить. Примером может послужить фраза одного из обследованных нами сотрудников: «Если для пользы дела полицейскому придется нарушить несколько пунктов законодательства и результаты расследования будут успешными, то его необходимо поблагодарить за смелость, а не сажать. К примеру, похищен ребенок, есть подозреваемый, и пару раз его «тряхнуть» для острастки не возбраняется. А наказывать сотрудника в этом случае нельзя». Что же получается? Сотрудники ожидают для себя со стороны государства предоставления полномочий и прав вне УК РФ, то есть больших прав, чем имеют простые граждане России. Самое интересное, что так высказываются и сотрудники, проработавшие более пяти лет в правоохранительной системе, и только что приступившие к исполнению обязанностей по должности. Заметим, что такой точки зрения, конечно, придерживается не весь персонал правоохранительных органов, есть

и те, кто заявляет о необходимости следования букве закона, и таких немало.

В процессе исполнения обязанностей по должности сотрудники этой группы предпочитают опираться только на свое мнение, за советом к руководству и коллегам не обращаются, что связано с недоверием к окружающим. Одни считают, что кругом много завистников, и поэтому говорить им о своей некомпетентности в некоторых вопросах нельзя, так как это негативно отразится на их имидже в коллективе. Другие уверяют в том, что они гораздо умнее окружающих. Третьи думают, если они вдруг совершат какой-либо промах в своей профессиональной деятельности, то лучше об этом молчать, тогда никто в коллективе ничего не узнает. О своих проблемах они также предпочитают никому не рассказывать, чтобы не оказаться у своих коллег на крючке. Видимо, данная категория сотрудников очень осторожна в рамках профессионального общения, мало того, они не всегда предоставляют объективную информацию о своей деятельности даже своему непосредственному руководству. Круг их общения узок и состоит из 2–3 человек, осторожны они и в выборе друзей. *Проявление агрессии у них наступает только под влиянием внешней среды.*

Сотрудники ПОО, отнесенные к группе риска, не уделяющие внимания возможному наступлению расплаты за причиненную агрессию окружающим, чувствуют себя более уверенными при исполнении обязанностей по должности. Нормативные документы, регулирующие их полномочия, права, ответственность, круг обязанностей, их устраивают. Дополнительные льготы от государства, связанных с их профессиональной деятель-

ностью, они не ожидают и не требуют. Эти сотрудники общительны, дружелюбны, испытывают потребность в близких эмоциональных отношениях, выполнять служебные задачи готовы как самостоятельно, так и с коллегами по работе, стараются представлять начальству объективную информацию о ходе своей работы. Они не склонны к спонтанной и провокационной агрессии. Рискованность и самостоятельность в их профессиональной деятельности во многом определяется отрицанием фрустрирующих, вызывающих тревогу обстоятельств. В основном сотрудников данной категории не останавливает возможное наказание за применение физического воздействия при задержании особо опасного преступника, хотя они осознают, что потом будет служебное расследование и, вполне возможно не в их пользу. Они склонны пресекать переживания, вызванные неприятной или субъективно неприемлемой ситуацией, при помощи логических установок и манипуляций даже при наличии убедительных доказательств в пользу противоположного. Действительно, в каких-то ситуациях, возникающих в деятельности сотрудника ПОО это удобно, ведь если постоянно ожидать неприятностей, например, из-за общения с задержанными, которые высказывают в их адрес угрозы, часто используемой тактики давления на подчиненных со стороны руководства, можно заработать невроз в лучшем случае, поэтому поиск рациональных ответов на проблемные ситуации во многом защищает психологический баланс этих лиц.

III. Остановимся на индивидуально-психологических особенностях бывших сотрудников ПОО, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, у ко-

торых наибольшее количество корреляционных связей наблюдается по таким видам агрессии, как «спонтанная агрессия» и «получение удовольствия от агрессии».

Следует обратить внимание на тот факт, что полученные результаты по этой выборке сотрудников, вполне возможно, отличаются от индивидуальных особенностей проявления ими агрессии в годы службы в правоохранительной системе. Вероятно у них могли произойти изменения в доминировании форм коммуникативной агрессивности под влиянием специфических условий исправительного учреждения. Необходимо отметить: несмотря на то что сотрудники ПОО отбывают наказание в исправительных учреждениях, предназначенных для данной категории осужденных, условия содержания, обычаи и традиции в этом учреждении почти такие же, как и в обычных исправительных учреждениях. Следовательно, мы можем предположить, что такие формы агрессии, как «удовольствие от агрессии» и «ритуализация агрессии», приобретаемы ими в местах лишения свободы.

Бывшие сотрудники ПОО, отбывающие наказание в исправительных учреждениях и склонные к проявлению спонтанной агрессии, находясь на службе в правоохранительных органах, на фоне собственной неудовлетворенности от выполняемой работы не желали изучать свои функциональные обязанности и развивать у себя такой навык, как личностная организованность. Они представляли собой некоторый протестующий пласт сотрудников в структуре ПОО, которые отказывались от соблюдения в работе нормативных предписаний, инструкций, наставлений и уставных требо-

ваний во взаимоотношениях с руководством. Более того, они ничего не предпринимали для налаживания позитивных взаимоотношений со своим руководителем, выражая ему полное недоверие как профессионалу. Агрессивное поведение этих лиц в основном проявляется под действием различных внешних раздражителей, однако есть и такие его формы, как получение удовольствия от агрессии и ритуализация агрессии, при одновременном осознании того, что за их проявление по отношению к окружающим обязательно наступит расплата.

Для указанных лиц характерно прибегать к таким типам психологических защит, как проекция, регрессия, замещение и компенсация. В нашем случае они выглядят следующим образом: «Это из-за неопытности руководства», «Меня подставили», «Кто объявил, например, выговор, тому и по лицу не грех ударить», «Несмотря на то что меня осудили, я все равно был лучшим оперуполномоченным уголовного розыска, никогда не совершал никаких ошибок и, если бы не начальство, которому я мешал совершать их темные делишки, я до сих пор работал бы. Я лучший опер».

Очень часто возможной девиацией поведения у этих сотрудников становится жестокость, в том числе завуалированная. Добраться до прокурора, выдвинувшего обвинение в его адрес, бывший сотрудник полиции не может, но прокурор, отбывающий наказание вместе с ним рядом и может выступить в роли замещающей модели.

Бывшие сотрудники ПОО, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, и не склонные к проявлению спонтанной агрессии, в процессе исполнения служебных обязанностей во вре-

мя службы в ПОО испытывали удовлетворение от работы. Взаимоотношения с руководством у них были позитивные. В работе они придерживались нормативных предписаний, инструкций, наставлений и уставных требований во взаимоотношениях с начальником. Свои профессиональные знания по должности оценивают как высокие, обладают навыками по сдерживанию проявления агрессивности.

Сотрудники ПОО, отбывающие наказание в исправительных учреждениях и склонные к получению удовольствия от агрессии, не умели устанавливать в процессе службы в ПОО эффективные взаимоотношения с руководством и коллегами по работе. Проявляли в основном агрессию на *внешние раздражители*. Завуалированная жестокость могла появиться в ответ за необоснованное, с их точки зрения, осуждение. Большинство сотрудников, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, не согласны с выдвигаемыми в их адрес обвинениями или с приговором. Они испытывают чувство разочарованности по отношению к окружавшим их людям. Обращаем ваше внимание на то, что данная категория обследуемых имеет самый широкий спектр типов психологических защит в отличие от всей остальной выборки — это и вытеснение, и реактивные образования, и компенсация, и замещение.

У бывших сотрудников ПОО, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и не стремящихся к получению удовольствия от агрессии, в ходе службы в ПОО были и с руководством, и с коллегами благоприятные взаимоотношения. При исполнении обязанностей по должности они не всегда следо-

вали указаниям руководителя, но обладают достаточным числом навыков контролировать проявление агрессии, особенно в ответ на внешние раздражители. Следовательно, данная категория сотрудников имеет менее деструктивное поведение.

Итак, мы рассмотрели социально-психологические портреты исследуемых групп сотрудников ПОО с позиции оценки их общей агрессивности.

В заключение хотелось бы обратить внимание на необходимость разработки и внедрения в работу практических психологов ПОО системы социально-психологических тренингов, обеспечивающих обучение сотрудников рациональному реагированию на агрессивные действия со стороны окружающих. Во многом их профессиональная деятельность связана с агрессивными настроенными по отношению к ним людьми (подозреваемые и обвиняемые, люди, неблагосклонно относящиеся к полиции, психически больные граждане и др.), да и ситуации, возникающие при исполнении обязанностей ими по должности, чаще всего окрашены агрессией (задержание, допрос агрессивно настроенных граждан, выезд на место преступления и т. д.). Неважно, отнесен сотрудник к группе риска, имеет или не имеет склонность к деструктивному поведению, с ним обязательно должна проводиться работа по оказанию ему психологической помощи, направленной на снижение проявления агрессии и обучение его самостоятельно контролировать ее проявление.

Представленные результаты развенчивают представления о склонности сотрудников ПОО к агрессивному поведению. Еще раз обратим ваше внимание

на тот факт, что в основном они имеют средний уровень проявления агрессивности (76% от числа обследованных), а если и приходится прибегать к сило-

вым воздействиям, то обычно это происходит в ответ на агрессию, направленную на них.

ПСИХОДИНАМИКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ ЖИЗНЬЮ И ПЕРЕЖИВАНИЯ СЧАСТЬЯ

Д. В. Сочивко, В. Э. Чубич

Аннотация: статья посвящена эмпирическим исследованиям психодинамики удовлетворенностью жизнью, качеством жизни и человеческим счастьем.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, счастье, переживания.

Summary: the article is devoted to the empirical study of the psychodynamics of life satisfaction, quality of life and human happiness.

Keywords: life satisfaction, happiness, experiences.

В последние десятилетия все большее внимание ученых-психологов привлекают исследования качества жизни (КЖ) человека и его удовлетворенности собственной жизнью. К началу XXI в. акцент существенно смещается в сторону субъективного качества жизни и счастья человека. Так, со второй половины 1970-х годов все большее внимание исследователей практически во всем мире привлекает концепция «ощущаемого качества жизни», представляющая собой основу целого направления систем социальных показателей — «субъективных показателей качества жизни», что было в первую очередь обусловлено осознанием ограниченности чисто экономиче-

ского подхода к решению социальных проблем, опирающихся на самооценку человеком качества своей жизни [4].

На наш взгляд, с психологической точки зрения это ощущаемое качество жизни состоит как минимум из трех нераздельных и взаимовлияющих и взаимопересекающихся компонентов, а именно самоотношения как источника этих ощущений, субъективной оценки качества жизни, которая предполагает (а с более широких позиций и включает в себя) это самоотношение, а также общую удовлетворенность жизнью как психологическую составляющую личного счастья.

Ясно, что удовлетворенность/неудовлетворенность собой лежит в основе удовлетворенности жизнью. Причем, как мы намерены показать, часто именно неудовлетворенность собой создает благоприятные условия для формирования удовлетворенности жизнью и даже ощущения счастья. До сих пор исследователи этой проблемы редко обращали внимание на указанный факт, что можно видеть в цитируемых ниже источниках.

Наиболее фундаментальными работами в области ощущаемого благополучия являются работы А. Кемпбелла,

Ф. Конверса, В. Роджерса, Ф. Эндрюса, С. Уитни [10; 11; 12]. В этих и других трудах ученые связывают качество жизни с достигнутым обществом уровнем благосостояния, субъективным восприятием индивидуального благополучия как жизни в целом, так и в отдельных жизненных областях.

Несколько выделяется концепция А. Кемпбелла, который фокусирует внимание на внутреннем самочувствии американцев: «Если мы попытаемся объяснить мироощущение людей на основе объективных обстоятельств, мы оставим непонятой большую часть того, что нам необходимо объяснить» [11, р. 13–14].

Более того, общая оценка людьми своего существования является суммой оценок частных сфер: семейная жизнь, дружеские отношения, уровень жизни (в частности, дом и машина), город или другое место жительства, нация, домовладение (имеющее физический и физиологический смысл), образование, здоровье и т. д. В исследованиях А. Кемпбелл применяет триаду «обладание — отношение — существование», что предполагает наличие удовлетворенности материальным положением, межличностными отношениями, уровнем самооценки. Таким образом, в конечном счете все опять сводится к удовлетворенности теми или иными аспектами жизни, их исключительно положительной оценке и самооценке.

В отечественной науке это понимание психологического аспекта КЖ нашло отражение в структуре субъективного качества жизни, предложенной сотрудниками Института социологии РАН Е.В. Давыдовой и А.А. Давыдовым [3]. Эта структура включает ряд подструктур: субъективное экономическое бла-

гополучие, субъективное психологическое благополучие и другие виды благополучия. Основными оценочными показателями субъективного качества жизни являются «счастье» (аффективный компонент КЖ) и «удовлетворенность жизнью» (когнитивный компонент КЖ).

Анализ философской и психологической литературы показал, что «счастье» является феноменом, принадлежащим в значительной мере экзистенциальному аспекту бытия личности, восприятию и пониманию мира в целом и природы человека. В этом понятии скрыто множество противоречий. Укажем лишь на то, что согласно эмпирическим данным психологических исследований понятия «счастье» и «несчастье» почти полностью независимы друг от друга. Переживание счастья имеет значительную культуральную и этническую обусловленность. Так, например, в социологических опросах выявлено, что чаще всего людей, ощущающих себя счастливыми, можно встретить в Индии и реже всего — в Швеции. Следовательно, уровень жизни, качество жизни оказывают лишь очень малое влияние на переживание собственной «счастливости». Это понятие лишь отчасти является психологическим. Как считают многие авторы, нет достаточных оснований рассматривать его как достаточно конструктивное и точно определенное. Неслучайно М. Аргайл в своей книге «Психология счастья» весьма не часто использует это понятие. Уже в начале книги он редуцирует свою позицию к плоскому и философски не совсем верному пониманию счастья: «Счастье можно рассматривать как осознание своей удовлетворенности жизнью или как частоту и интенсивность позитивных эмоций» [1].

Как в таком случае понимать неоспоримое счастье художественного или научного творческого процесса, сопряженного как раз с неудовлетворенностью, муками (творчества) и сомнениями в себе («Сей пытки творческого духа», — как писал Н.А. Некрасов).

Однако в позитивной психологии вопрос об операционализации и измерении счастья был поставлен именно с опорой на самоудовлетворение. За условную меру счастья была принята характеристика субъективного благополучия, связанная с удовлетворенностью жизнью и положительными эмоциями. Для измерения счастья были созданы шкала удовлетворенности жизни Динера (SWLS), шкала счастья Фордайса (HM), аффективный баланс Брендберна (положительные эмоции минус отрицательные) (AB) и др.

М. Аргайл приводит данные исследований, согласно которым у разных людей преобладают разные способы мотивации, и это заложено на генетическом уровне. У некоторых людей мотивация направлена на достижение, и они нацелены на получение, в том числе удовольствия и радости. Это экстраверты [1]. Другой тип людей нацелен на избегание проблем, неприятностей и т. д. Это тип тревожных людей, чей девиз «как бы чего не вышло». Называется такой тип людей невротиками.

Концепция «аутентичного счастья» американского ученого М. Селигмана, рассматриваемая и как идентификация, развитие наиболее сильных сторон человеческой личности и использование их в жизни (в частности, в семье и на работе), достаточно близко подходит к развиваемому пониманию неразрывности субъективного качества жизни и само-

отношения. Автором показано, что для ощущения аутентичного счастья необходимо обращаться к наиболее сильным сторонам собственной личности, что несомненно включает и самоотношение к этим сторонам своей жизни.

М. Селигман включает в представления об аутентичном счастье следующие аспекты:

- «семейный круг» (субъективное благополучие на 50% наследуется от биологических родителей, причем по данным М. Аргайла, генетически обусловлены прежде всего отрицательные эмоции, а то, что связано с положительными эмоциями, в большей мере зависит от среды и индивидуального развития, то есть наследуется социально);

- «индивидуальный уровень счастья» (характерный для определенного человека, к которому он каждый раз возвращается через какое-то время после пережитых положительных или отрицательных событий);

- «объективное качество жизни» (обстоятельства, находящиеся вне непосредственного контроля людей, причем в этом контексте М. Селигман иногда называет современную Россию «самой несчастливой страной»);

- «субъективное качество жизни» (то, что находится (или в принципе может находиться) под контролем людей — отношения между людьми, в частности любовь, дружба, хорошая семейная жизнь, поддерживающие духовно-религиозные сообщества) [7].

Таким образом, в современной психологии проблема качества жизни, удовлетворенности жизнью, счастья ставится во взаимосвязи этих понятий. При этом очень часто также встречаются указания на необходимость иссле-

дования в этом же контексте и отношения человека к самому себе, то есть самоотношения. В то же время остается не преодоленным барьер в понимании счастья и удовлетворенности жизнью как некоторого эмоционального позитива, исключительно как суммы удовольствий и удовлетворений.

Мы намерены показать на основе наших экспериментальных исследований, что проблема счастья и удовлетворенности жизнью, напротив, находит свое более обоснованное решение в сочетании с неудовлетворенностью (прежде всего собой). Что же касается процитированных исследований, то, по нашему убеждению, здесь речь идет не о счастье, а об отсутствии несчастья (или его низком уровне) как эффекте разнообразного удовлетворения. Тот факт, что это разные вещи, подчеркивается и некоторыми указанными нами авторами. С философской же точки зрения различие и несводимость друг к другу счастливого и несчастного сознания достаточно определенно прописаны Гегелем в его труде «Феноменологии духа» [2], причем именно в опоре на понятие самосознания. Если очень коротко говорить о несчастном сознании, то оно есть соотношенность с конечностью распадающейся действительности, частью которой оказывается и сознание. По словам М. Хайдеггера, феноменологически это брошенность бытия как присутствия на сущее, порождающая ужас, набросок бытия к смерти [9]. Счастье же онтологически имеет корни в отнесенности сознания к бесконечному абсолюту. При этом недостижимость абсолют, проявляющаяся как недостаток (несчастье), возвращающая нас в мир вещей и несчастного сознания, может

приобретать и форму критики себя как стремления к абсолюту, то есть счастья. Такое совмещение в едином психологическом процессе разнонаправленных (говоря словами С.Л. Рубинштейна) «динамических тенденций» возможно с позиций современного психодинамического подхода [8].

Такова философски-методологическая позиция наших психологических исследований, результаты которых, как мы полагаем, должны подтвердить тот факт, что источником человеческого счастья является не только эмоциональное довольство и высокое качество жизни, но и неудовлетворенность собой в структуре самоотношения. Исследуя с помощью отдельных психодиагностических методик такие показатели, как субъективное качество жизни (включающее в себя показатели идеального и реального КЖ) по методу Т.Н. Савченко, Г.М. Головиной [6], самоотношение по методу МИС С.Р. Панталева [5], мы намерены продемонстрировать, что эти показатели образуют единую латентную факторную структуру, определяющую (при дальнейшей кластеризации факторного решения по испытуемым) типы счастливого и несчастного сознания. Испытуемыми выступили курсанты вузов и сотрудники ФСИН России.

В таблице 1 можно видеть распределение факторных нагрузок различных показателей самоотношения и субъективных оценок реального и идеального КЖ. По характеру распределения статистически значимых нагрузок (выделено жирным) факторы были названы следующим образом.

Таблица 1

Факторная структура самооотношения как центрального компонента качества жизни

	Фактор ИКЖ	Фактор РКЖ	Фактор самолюбия	Фактор внутреннего КЖ
1	2	3	4	5
Открытость	0,09972	0,197033	0,541116	-0,365283
Самоуверенность	0,02658	0,076474	0,820181	-0,224650
Саморуководство	0,07359	0,125135	0,722177	-0,147284
Зеркальное «Я»	0,10100	0,164067	0,624752	-0,133266
Самоценность	0,00754	0,118960	0,784621	-0,106256
Самопринятие	0,08885	0,134661	0,668615	0,069178
Самопривязанность	-0,00918	0,088017	0,543053	0,279296
Конфликтность	0,11023	-0,086094	-0,046441	0,664040
Самообвинение	-0,03136	0,006072	-0,038844	0,769183
1. Высшее образование	0,29171	0,497645	0,188235	-0,190404
2. Здоровье	0,22244	0,509470	0,195829	0,095285
3. Уверенность в завтрашнем дне	0,19357	0,625240	0,179891	-0,074952
4. Экология	0,19972	0,538134	0,157977	0,045386
5. Спорт	0,22199	0,526563	-0,094121	0,062806
6. Профессия	0,27251	0,545282	0,176104	-0,050541
7. Домашние животные	0,27589	0,155054	-0,083471	-0,114210
8. Стабильная обстановка в стране	0,11392	0,509725	0,056572	-0,001952
9. Питание	0,25558	0,668481	0,017230	0,100645
10. Развлечение	0,09674	0,717774	-0,042483	0,160567
11. Любовь	0,13917	0,659404	0,066837	0,054278
12. Работа	0,11743	0,642443	0,050532	-0,145523
13. Свое жилье	-0,00748	0,620067	0,052745	-0,118029
14. Достойный круг общения	0,27521	0,632889	0,122152	-0,100478
15. Семья	0,24206	0,586642	0,166946	0,025695
16. Полноценный отдых	0,16828	0,667231	0,119969	0,013884
17. Материальное положение (достаток)	0,13507	0,682270	0,033149	0,030004
18. Духовные ценности	0,27530	0,657952	0,004697	-0,057003

19. Самоуважение и уважение окружающих	0,12580	0,741260	0,135968	0,002348
20. Личная свобода	0,15205	0,733440	0,040862	0,185054
1. Высшее образование	0,81824	0,246320	0,074258	0,056633
2. Здоровье	0,83147	0,120730	0,156059	0,084690
3. Уверенность в завтрашнем дне	0,74485	0,142131	0,076951	0,111373
4. Экология	0,29768	0,035979	0,190084	-0,049199
5. Спорт	0,75716	0,154930	-0,022534	0,025094
6. Профессия	0,76330	0,287496	0,008510	-0,031692
7. Домашние животные	0,55393	0,022492	-0,086524	-0,125254
8. Стабильная обстановка в стране	0,72689	0,123048	0,113576	-0,023182
9. Питание	0,85870	0,129612	0,101160	0,104074
10. Развлечение	0,73297	0,180152	-0,027784	0,056654
11. Любовь	0,79271	0,174069	0,031843	0,155573
12. Работа	0,64872	0,343182	0,002455	-0,025932
13. Свое жилье	0,79830	0,303483	0,042737	0,020530
14. Достойный круг общения	0,73914	0,314011	0,078614	0,063711
15. Семья	0,66648	0,280723	0,169351	-0,011800
16. Полноценный отдых	0,81253	0,197873	0,037822	0,017414
17. Материальное положение (достаток)	0,30507	0,102549	-0,100082	-0,127863
18. Духовные ценности	0,71085	0,264559	0,073114	0,034409
19. Самоуважение и уважение окружающих	0,80076	0,227574	0,115455	0,006088
20. Личная свобода	0,76215	0,224076	0,096912	0,122156
Среднее реальное КЖ	0,30204	0,825695	0,075002	-0,029865
Среднее идеальное КЖ	0,76171	0,265418	0,054312	0,169249
Итог качество	0,22623	0,445323	-0,254143	0,589454
Общая удовлетворенность жизнью	0,10065	0,072323	-0,245656	0,761443

1. Фактор «идеального КЖ».
2. Фактор «реального КЖ».
3. Фактор «самолюбия».
4. Фактор «внутреннего КЖ».

Если названия первых двух факторов понятны из интерпретации методики исследования КЖ, то третий и четвертый требуют пояснений.

Третий фактор собирает в себе показатели самоотношения по первым двум факторам методики Панталева, которые автор, как известно, назвал «самоуважение» и «аутосимпатия». В данном случае они сливаются в один фактор и отделяется только третий (по Панталеву) фактор «внутреннего конфликта (и самообвинения)». В таком жестком соединении самоуважения и аутосимпатии эта латентная переменная личности сотрудника и обучающегося сотрудника УИС, на наш взгляд, превращается именно в самолюбивость, которая в крайних формах может показывать болезненные проявления или нарциссизм.

Еще более интересным является четвертый фактор внутреннего КЖ, соединивший в себе внутреннюю конфликтность, самообвинение и удовлетворенность жизнью и итоговое КЖ, причем с одинаково положительным знаком.

Это говорит о том, что испытуемые, имеющие высокие оценки по этому фактору, испытывают сильный внутренний конфликт, склонны к самообвинению и *при этом* удовлетворены жизнью и показывают высокую оценку итогового КЖ. Ближайшей метафорой, очевидно, является «рай в шалаше» (про творческие муки мы уже писали выше).

Если же психологически проанализировать это состояние, то речь может идти о развитой личности и интенсивном личностном росте и самореализации, ко-

торые, конечно, не бывают без ошибок и самообвинения, то есть выраженного внутреннего конфликта как показателя своего рода «ростовых страданий». Это положительный полюс фактора. Отрицательный полюс фактора характеризуется не только низким внутренним конфликтом, но и низкой удовлетворенностью жизнью и итоговым КЖ. Как нам представляется, сделанный факторный анализ раскрывает психологический механизм формирования качества жизни через психодинамику структуры самоотношения. Четвертый фактор с этой точки зрения может быть также назван фактором «счастья» (несчастья) с акцентом на том, что состояние счастья формируется внутри нас, и не сильно зависит от внешних обстоятельств.

Кластеризация факторных решений по испытуемому (рис. 1) позволила определить два кластера, которые были названы нами следующим образом:

- 1-й кластер — «внутреннее» КЖ;
- 2-й кластер — «самолюбивое» КЖ.

Такова, как нам представляется, внутренняя психодинамическая структура субъективного качества, или психодинамика субъективной оценки КЖ.

«Внутреннее» и «самолюбивое» КЖ представляют два психоэнергетических полюса в интрапсихической психодинамике личности, однако с тем или иным, большим или меньшим весом в зависимости от индивидуальных особенностей личности и текущих условий жизнедеятельности.

С обозначенных выше философско-методологических позиций «самолюбивое» КЖ представляет собой тип личности, психодинамика которой настроена на повышение КЖ посредством минимизации несчастья. «Внутреннее»

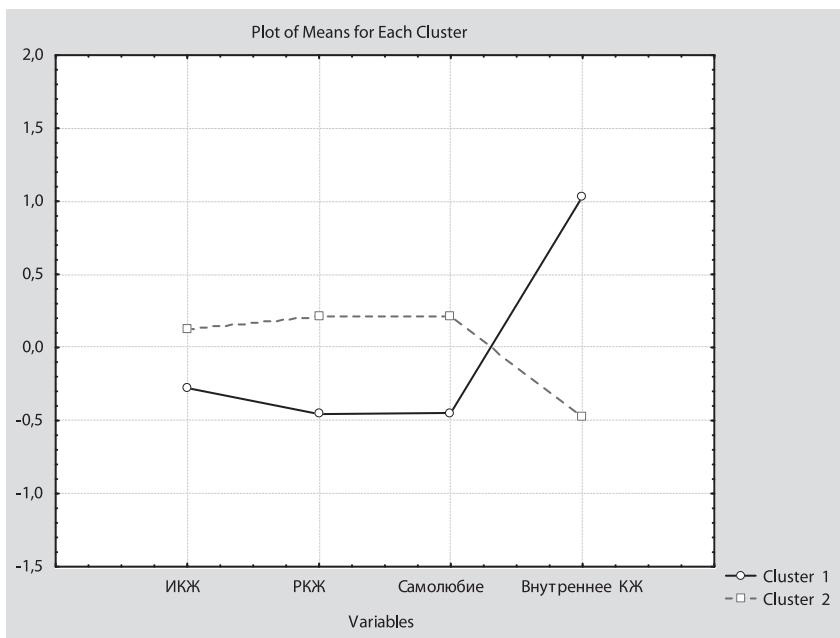

Рис. 1. Кластеризация факторных решений по общей матрице

КЖ — это психодинамический тип, настроенный на переживание именно счастья как своего несовершенства в сравнении с идеалом, присутствие которого ясно осознается.

Итак, можно говорить о психодинамической типологии личности относительно ее субъективного качества жизни, или просто о психодинамической типологии субъективного КЖ.

Как можно видеть из рисунка 1 «самолюбивое» КЖ (2-й кластер) отличается высокими оценками по первым трем факторам и низкими по четвертому фактору «внутреннего» КЖ. Эти люди выше оценивают и реальное, и идеальное КЖ, и у них высокое самолюбие по третьему фактору. При этом снижение оценок по четвертому фактору говорит о снижении оценок итогового КЖ и удовлет-

воренности жизнью на фоне сниженного внутреннего конфликта. Таким образом, каких-то тенденций личного счастья здесь не просматривается. Повышение оценок идеального и реального КЖ обусловлено, скорее всего, высоким самолюбием: как же я такой хороший и с плохим качеством жизни. Однако неконтролируемый сознанием испытуемого расчет показателей итогового КЖ и общей удовлетворенности жизнью показывает, что на самом деле все наоборот. Его жизнь ему не так уж и нравится.

Напротив, представители типа «внутреннее» КЖ (1-й кластер) показывают резкое повышение оценок испытуемых по четвертому фактору «внутреннего» КЖ на фоне снижения оценок реального и идеального КЖ. Они не завышают эти оценки, просто исходят из высо-

Таблица 2

**Процентное распределение в кластерах представителей
разных групп испытуемых**

	1-й курс	2-й курс	4-й курс	5-й курс	Заочники	%
1-й кластер: «внутреннее» КЖ	1	52	14	27	6	100
2-й кластер: «самолюбивое» КЖ	23	5	24	23	25	100

кого самообвинения и внутреннего конфликта. Однако они удовлетворены своей жизнью со всей ее внутренней противоречивостью и конфликтностью, в чем они и считают виновными только себя, и показывают высокие оценки итогового КЖ. Как мы уже говорили, это состояние мы считаем чем-то вроде личностного счастья. Обратимся теперь к анализу того, как оно представлено в группах курсантов разных курсов обучения и сотрудников.

Из таблицы 2 можно видеть, что более 50% такого психодинамического типа, как «внутреннее» КЖ, представ-

ляют второкурсники. Первокурсников же там всего 1%. Здесь особенно важно вспомнить, что наше исследование носило и частично лонгитюдный характер, то есть первокурсники и второкурсники — это одни и те же люди.

Из этого следует важнейший вывод, что «внутреннее» КЖ (как основа личного переживания счастья) формируется под конвергентным воздействием условий жизнедеятельности и личностного роста. Однако, к сожалению, это состояние не является достаточно устойчивым. По крайней мере, у курсантов и достаточно молодых сотрудников.

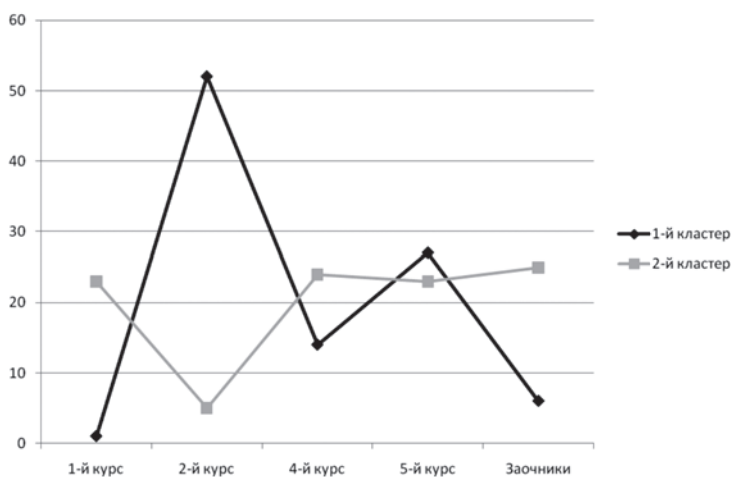

Рис. 2. Процентное соотношение испытуемых в первом («внутреннее» КЖ) и втором («самолюбивое» КЖ) кластере типологии

Возможно, это объясняется недостатком жизненного опыта. Так или иначе, на четвертом курсе процент курсантов типа «внутреннее» КЖ» существенно снижается (рис. 1).

Тем не менее 14 % первого кластера все-таки остается за четверокурсниками (в отличие от 1 % на первом курсе). Вероятно, это люди, которые научились держать удары судьбы и не прятаться за нарциссическим самолюбием, то есть ориентированных не на то, чтобы минимизировать несчастье, а на то, чтобы достичь внутреннего состояния счастья.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья. — М., 1990.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. — М., 1992.
3. Давыдова Е.В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. — М.: Ин-т социологии РАН, 1993.

4. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Разработка и экспериментальная апробация индикаторов качества жизни населения Калининградской области // НО «Фонд социальных и маркетинговых исследований»; науч. рук. В.И. Бойков. — Калининград, 2003.

5. Пантिलеев С.Р. Методика исследования самоотношения. — М. Смысл, 1993.

6. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни. Подходы, методы оценки // Прикладные исследования. — М.: ИПРАН, 2006.

7. Селигман М. Новая позитивная психология. — М.: София, 2006.

8. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: МПСИ, 2007.

9. Хайдеггер М. Бытие и время. — М., 1997.

10. Andrews F., Withney S. Social Indicators of Well-Being: American's perception of Life Quality. — N.Y.: L. Plenum Press, 1976. — XXI. — 455 p.

11. Campbell A. The Sense of Well-Being in America. Recent patterns and Trends. — N.Y.: McGraw Hill, 1981. — XIII. — 264 p.

12. Campbell A., Converse Ph., Rodgers W. The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfactions. — N.Y.: Russell Sage Foundation, 1976. — XI. — 583 p.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНЩИН, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ (по материалам специальной переписи 2009 г.)

А. В. Датий

Аннотация: в статье приведена социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики женщин, осужденных к лишению свободы, по материалам специальной переписи 2009 г.

Ключевые слова: осужденные женщины, характеристика осужденных, специальная перепись осужденных, число судимостей, срок наказания, дополнительные виды наказания, гражданство осужденных, место отбывания наказания.

Summary: this article shows the socio-demographic, criminal law and criminal executing characteristics of women sentenced to imprisonment, based on a special census in 2009.

Keywords: female prisoners, the characteristic of the prisoners, a special census of prisoners, the number of convictions, sentences have additional types of punishment, the nationality of the convicted, place of incarceration, social ties to convicted persons.

Переписи подлежала каждая вторая осужденная к лишению свободы женщина. В представленной статье дана характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы на территории Российской Федерации, по материалам переписи осужденных 2009 г.

Социально-демографическая характеристика. Социологией, психологией, педагогикой в последние годы были выявлены закономерности, позволяющие учитывать при работе по исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений те или иные особенности граждан разного возраста, образовательного уровня, семейного положения. Эти характеристики могут быть использованы и в проводимой работе с женщинами осужденными [1,2,3,5,6,7].

В настоящей работе анализируются данные о распределении осужденных по возрасту, семейному положению, образованию, роду занятий, гражданству.

Возраст. В исследованиях разных лет многими авторами отмечалось, какое влияние на личность осужденного, его интересы, возможность исправления и перевоспитания оказывает возраст. С увеличением возраста, естественно, происходят изменения личности: меняются ее социальные роли и функции, жизненный опыт, привычки и наклонности, мотивация поступков, реакция на различные жизненные ситуации. Все эти факторы оказывают существенное влияние на поведение человека.

Анализ данных показал, что осужденные женщины, содержащиеся в исправительных учреждениях, распределены по возрастным группам следу-

ющим образом. В возрасте от 30 до 39 лет находится 34,3% осужденных, от 25 до 29 лет — 23,8% осужденных, от 40 до 49 лет — 17,5% осужденных, от 20 до 24 лет — 13,8% осужденных, от 50 до 54 лет — 5,3% осужденных. Доля лиц крайних возрастных групп незначительна.

Семейное положение. Наличие семьи в большинстве случаев благоприятно воздействует на лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, облегчает их социальную адаптацию после освобождения. Учитывая важность поддержания осужденными социально полезных связей, в законодательстве предусмотрена возможность реализации осужденным права на вступление в брак. В связи с этим и нами при проведении исследования вопросу о семейном положении осужденных было уделено большое внимание.

Данные проведенного исследования показали, что 74,3% осужденных женщин в браке не состояли, состояли в браке и семья сохранилась у 15,1% осужденных, состояли в браке и семья распалась у 10,7% осужденных. Вступили в брак за время отбывания наказания всего 1,2% осужденных женщин.

Образование. Ранее проведенные исследования свидетельствуют о важной роли образования как антикриминогенного фактора [4,8,10]. Полученные данные свидетельствуют, что образовательный уровень является существенной характеристикой личности человека в целом и осужденного в особенности. Образовательный уровень человека тесным образом связан с формированием его потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивов и целей его деятельности, привычек, правил

поведения, способов и форм реагирования на конкретные (в том числе неблагоприятные) жизненные ситуации.

Люди с более высоким уровнем образования легче адаптируются к жизни на свободе после освобождения из исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы России.

В то же время известно, что образовательный уровень в значительной степени определяет творческие, интеллектуальные и трудовые возможности человека, его общественную значимость. Между тем пребывание осужденного в исправительном учреждении является временным, и одна из основных задач исполнения наказания сводится к подготовке осужденных к освобождению, причем к такой подготовке, при которой отбывшие наказание не только не совершали новых преступлений, но и были в состоянии принести максимум пользы обществу после освобождения из исправительного учреждения.

Проведенный нами анализ уровня образования осужденных показал, что среднее полное общее (среднее) образование имело 35,9%, основное общее (неполное среднее) — 25,0%, среднее профессиональное (среднее специальное и незаконченное высшее) — 27,3%, начальное общее (начальное) — 4,8%, высшее профессиональное (высшее) — 3,6%, не имеет образования — 3,3% осужденных.

Являясь, как правило, показателем развития человека, образовательный уровень связан и с некоторыми другими значимыми свойствами личности.

Результаты проведенного нами исследования показали, что по мере увеличения возраста наблюдаются существенные изменения в образовательном

уровне осужденных. Так, увеличивается доля лиц, имевших образование в пределах начального общего, и достаточно интенсивно возрастает процент тех, кто получил среднее специальное и высшее образование.

Средний образовательный уровень также обнаруживает достаточно четкую тенденцию к снижению по мере увеличения возраста. Одновременно с этим следует отметить, что во всех возрастных группах уровень образования значительно увеличился за последние несколько лет.

Род занятий до осуждения. Многочисленные исследования разных лет показали, какое большое значение имеет трудовая деятельность в формировании мировоззрения человека и его нравственных взглядов.

Вместе с тем само по себе участие человека в трудовой деятельности еще не является гарантией его правопослушного поведения в обществе. Так, данные нашего исследования показывают, что подавляющее большинство осужденных не были заняты до ареста общественно полезным трудом или учебой. Это, однако, не помешало им совершить преступление.

Без определенных занятий было 56,6% осужденных, 7,9% были домохозяйками, 2,2% получали пенсионное обеспечение, а 1,6% официально признаны безработными. Как видно из полученных нами результатов, по сравнению с данными статистики, существенных изменений в составе осужденных в зависимости от рода занятий не произошло. Как и раньше, большинство осужденных не работали и не учились.

Рабочие составляли 18,9%, служащие — 4,6%, лица, занимающиеся

предпринимательской деятельностью, — 2,3%, иной деятельностью занимались 3,0% осужденных. Доля остальных осужденных была незначительна.

Гражданство. Гражданами Российской Федерации являются 97,6% осужденных, иностранными гражданами 2,0% осужденных, лицами без гражданства 0,4% осужденных женщин.

Таковы основные показатели социально-демографической характеристики женщин осужденных.

Уголовно-правовая характеристика. Личность преступника нельзя изучать в отрыве от совершенного им преступления, поскольку антиобщественная направленность личности находит свое внешнее выражение именно в объективной стороне преступного посягательства, в конкретном характере действий преступника.

Важнейшие компоненты личности осужденных связаны с их уголовно-правовой характеристикой, то есть с теми свойствами и качествами лица, отбывающего наказание, которые привели его в места лишения свободы. К их числу отнесены: категория совершенного преступления, число судимостей, срок наказания, назначенный судом, вид учреждения, дополнительные виды наказания, фактически отбывтый срок наказания и неотбывтый срок наказания.

Категория преступления, за которое лицо отбывает наказание. В процессе проведения переписи изучался вопрос о том, преступления какой категории в основном совершают женщины. У 51,4% осужденных преступление относится к особо тяжким, у 31,6% — к тяжким, у 13,7% — средней тяжести, а у 3,3% — небольшой тяжести.

Характеризуя осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, можно отметить корреляцию возраста отбывающих наказание осужденных женщин и характера совершенного ими преступления.

Число судимостей является одним из важнейших показателей, характеризующих личность осужденного и его поведение. Оно дает возможность судить, насколько устойчивы у осужденного антисоциальные черты личности.

По нашим данным, распределение осужденных по числу судимостей выглядит следующим образом. У большинства осужденных женщин (63,1%) это первая судимость, у 24,8% — вторая, у 7,9% — третья, у 2,6% осужденных это четвертая судимость, у остальных — пять и более судимостей.

Срок наказания, назначенный судом. С точки зрения организации исполнения наказания в отношении осужденных изучение срока назначенного наказания представляет интерес в двух отношениях. С одной стороны, срок наказания в определенной мере можно рассматривать как меру общественной опасности совершенного преступления и преступника, с другой — это время предстоящего пребывания в исправительном учреждении (разумеется, с учетом возможности досрочного освобождения) и, следовательно, период исправительного воздействия на осужденного.

Согласно результатам наших исследований, осужденные распределились в зависимости от срока лишения свободы следующим образом. Назначено наказание от 5 до 8 лет включительно — 33,2% осужденным, от 3 до 5 лет включительно — 23,3%, от 2 до 3 лет включительно — 14,2%, от 8 до 10 лет вклю-

чительно — 11,7%, от 1 до 2 лет включительно — 9,0%, от 10 до 15 лет включительно — 5,0%, до 1 года включительно — 2,6% и более 15 лет — 0,9% осужденным.

Вид учреждения, в котором назначено отбывание наказания судом. Подавляющему большинству женщин (91,1%) назначено отбывание наказания в исправительной колонии (ИК) общего режима, 8,9% в колонии-поселении (КП).

Дополнительные виды наказания. Полученные данные переписи позволили также определить частоту назначения женщинам дополнительных наказаний. Так, только 5,7% осужденным женщинам было назначено дополнительное наказание. Удельный вес осужденных, которым в качестве дополнительного наказания был назначен штраф, составил 5,0%. Следует отметить, что штраф в качестве дополнительного наказания стал применяться чаще. Конфискация имущества (до 2003 г.) определена 0,4% женщин. Всего 0,2% составила доля женщин, которым назначено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград было определено 0,1% женщин.

Фактически отбытый срок наказания также представляет интерес. На день исследования отбыли наказание от 1 года до 2 лет — 30,2%, до 1 года включительно — 24,3%, от 3 до 5 лет — 19,3%, от 2 до 3 лет включительно — 18,6%, от 5 до 8 лет включительно — 6,0%, более 8 лет — 1,5% осужденных. Иными словами, более половины осужденных жен-

щин (54,5%) отбыли в местах лишения свободы до 2 лет.

Анализ *неотбытого срока наказания* показал, что предстоит отбывать наказание до 6 месяцев включительно — 6,7%, от 6 месяцев до 1 года включительно — 8,9%, от 1 года до 2 лет включительно — 20,2%, от 2 до 3 лет включительно — 19,7%, от 3 до 5 лет включительно — 25,4%, от 5 до 8 лет включительно — 15,4%, от 8 до 10 лет включительно — 2,4%, от 10 до 15 лет включительно — 1,1%, от 15 до 20 лет включительно — 0,1% осужденным; то есть более чем половине осужденных женщин (65,3%) предстоит отбывать в местах лишения свободы срок от 1 года до 5 лет.

Таковы основные показатели уголовно-правовой характеристики осужденных женщин, содержащихся в исправительных учреждениях.

Важность **уголовно-исполнительной характеристики** осужденных определяется тем, что она позволяет судить о них в период пребывания в исправительном учреждении. Она показывает, где и в каком учреждении отбывает наказание осужденный, как воздействует наказание на осужденного, как характеризуется его поведение, отношение к труду, учебе, другим осужденным, какова его общая характеристика [9, 11, 12, 13].

Место отбывания наказания. Данные о распределении осужденных по месту отбывания наказания показали, что 65,3% осужденных женщин отбывают наказание в пределах территории субъекта Российской Федерации по месту постоянного жительства, а 14,2% — даже в том населенном пункте (городе), где они проживали до ареста. В другом субъекте Российской Федерации по месту осуждения отбывали наказа-

ние 2,7% осужденных, в другом субъекте Российской Федерации не по месту жительства и не по месту осуждения — 30,7%, не имели постоянного места жительства — 1,3%. Приведенные результаты необходимо учесть при решении вопроса о месте строительства новых исправительных учреждений или перепрофилировании уже имеющихся.

Условия отбывания наказания. Подавляющее большинство осужденных (76,3%) отбывают наказание на обычных условиях, на облегченных условиях — 23,2%, на строгих условиях — 0,5%.

Учреждение, в котором находился осужденный в момент переписи. Подавляющее большинство опрошенных на момент переписи находились в ИК — 83,1%, в КП — 10,6%, в лечебном исправительном учреждении (ЛИУ) — 2,4%, в лечебно-профилактическом учреждении (ЛПУ) — 1,0%, в следственном изоляторе — 2,9%.

Основание нахождения в исправительном учреждении (ИУ). Подавляющее большинство осужденных отбывают наказание по приговору суда — 87,4%, по постановлению судьи об отмене условного осуждения — 6,7%, по постановлению судьи о переводе из колонии общего режима в колонию-поселение — 3,1%, доля других оснований незначительна.

Социальные связи осужденных. Уголовно-исполнительным кодексом РФ (1997) был отменен ряд ограничений, в частности ограничения в переписке, увеличено число разрешенных осужденным свиданий, посылок, бандеролей и передач. Были сняты ограничения в расходовании денежных средств, заработанных в исправительном учреж-

дении или полученных в виде пенсии, увеличен размер присылаемых осужденному денежных средств, которые он имеет право расходовать для покупки в магазине исправительного учреждения продуктов питания и предметов первой необходимости. Рассмотрим, как и в какой мере осужденные женщины реализуют эти права.

Право на получение посылок, передач и бандеролей. Действующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации разрешает получать посылки, передачи и бандероли всем осужденным, независимо от отбытого срока наказания. Число посылок, передач и бандеролей зависит от вида режима учреждения и от тех условий отбывания наказания, в которых отбывает наказание осужденный.

Они выполняют функцию материализованных средств общения с родными и близкими, служат свидетельством устойчивости личных контактов, проявления родными и близкими заботы об осужденном. С помощью посылок, передач и бандеролей вносится разнообразие в ассортимент продуктов питания, удовлетворяются потребности осужденного в предметах туалета, белье, одежде, обуви.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что правом на получение посылок и передач воспользовались 67,6% осужденных.

Право на свидания. Правом на краткосрочные свидания воспользовались 36,5% осужденных женщин, правом на длительные свидания — 26,4% осужденных. Отсутствие свиданий обостряет восприятие в исправительном учреждении факта социальных ограничений,

субъективно удлиняет срок изоляции, существенно искажает восприятие и оценку режимных ограничений.

Право на телефонные переговоры. Достоинство телефонных переговоров для осужденных состоит в быстрой передаче информации, возможности сразу же решить какие-то проблемы. Важно и то, что разговор по телефону значительно дешевле приезда на свидание. Наконец, весьма существенен и фактор психологического общения.

К сожалению, этот вид контактов с родственниками пока еще должного развития не получил. Используют право на телефонные переговоры 74,1% осужденных, 17,0% осужденных женщин не изъявили желаний воспользоваться этим правом.

Право на получение и отправление денежных переводов. 76,3% осужденных женщин не получали денежные переводы, а 91,4% осужденных не отправили денежные переводы.

Число поощрений осужденных. 57,7% осужденных не имели поощрений, 23,7% — имели одно поощрение, 11,6% — два поощрения, 4,5% — три поощрения, остальные осужденные имели четыре и более поощрения.

Число взысканий осужденных. 78,8% осужденных не имели взысканий, 13,6% — имели одно взыскание, 4,1% — два взыскания, 1,6% — три взыскания, остальные осужденные имели четыре и более взыскания.

Участие в работе самостоятельных организаций. Активно участвуют 33,3% осужденных, не участвуют 43,0% осужденных, участвуют, но активности не проявляют 16,1% осужденных и сейчас не участвуют, но ранее участвовали 7,6% осужденных.

Характеристика отношения осужденных к труду, по мнению администрации учреждения. К работе относятся добросовестно 57,8% осужденных, недобросовестно — 6,1%, от работы отказываются — 0,6%, не работают по независящим от них или уважительным причинам — 30,3%, недостаточно изучены, поэтому нельзя сделать выводы о 5,3% осужденных.

Характеристика отношения осужденных к учебе, по мнению администрации учреждения. Не учатся по уважительным причинам 28,2% осужденных, из-за отсутствия школы — 1,2%, по неуважительным причинам — 1,0% осужденных. Учатся и к учебе относятся добросовестно 14,1% осужденных, недобросовестно относятся к учебе 1,1% осужденных.

Общая характеристика осужденных, по мнению администрации учреждения. Характеризуются положительно 43,6% осужденных, нейтрально 43,5% осужденных, отрицательно 12,0% осужденных и являются злостными нарушителями 0,9% осужденных.

Таковы основные показатели уголовно-исполнительной характеристики осужденных женщин.

Литература

1. Воронин Р.М., Датий А.В., Трубецкой В.Ф. Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3 (78). — С. 118.
2. Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш. Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право. № 2(14), 2012. — С. 79.
3. Датий А.В. Долгая дорога к свободе // ЭЖ-Юрист. 2013, № 32. — С. 5.
4. Датий А.В. Профилактика ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний: Курс лекций для повышения квалификации врачей-организаторов здравоохранения ФСИН России. — М.: НИИ ФСИН России; СПИД ФОНД Восток-Запад. — 2005. — С. 86.

5. Датий А.В., Бовин Б.Г. Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. № 2, 2011. — С. 29.

6. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. № 3, 2011. — С. 181.

7. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. 2011, № 1. — С. 216.

8. Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б., Федосеев А.А. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. № 1(11), 2011. — С. 43.

9. Датий А.В., Кузнецова А.С., Юсуфов Р.Ш., Трубецкой В.Ф., Ермолаева Т.В. Проблемы медико-социальной адаптации страдающих социально значимыми заболеваниями лиц, отбывающих наказания и освобождающихся из мест лишения сво-

боды // Российский медико-биологический вестник им. Академика И.П. Павлова. 2010, № 2. — С. 151.

10. Датий А.В., Тенета Е.Л. Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007, № 2. — С. 33.

11. Датий А.В., Тенета Е.Л. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006, № 12. — С. 40.; Воронин Р.М., Датий А.В., Трубецкой В.Ф. Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3 (78). — С. 118.

12. Датий А.В., Хохлов И.В. Проблема оказания противотуберкулезной помощи осужденным в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006, № 11. — С. 23.

13. Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. № 1(09), 2010. — С. 72.

ДИАГНОСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕСТРУКЦИЙ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

А. В. Болдырев

Аннотация: в статье рассмотрены основные проблемы выявления профессиональных деструкций личности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Обнаружены устойчивые характеристики семантического пространства личности сотрудников с признаками профессиональных деструкций, выделены соответствующие им регистрируемые при проведении психометрических тестов личностные установки личности.

Ключевые слова: профессиональная деструкция, семантический дифференциал, семантическое пространство.

Summary: the main problem of predicting professional destruction of personality prison staff-executive system, identified the lack of validity of some of the sources of existing methods. Found stable personality characteristics of the semantic space of employees who are likely to professional destruction, separately identifiable recorded during psychometric tests and personality traits of the individual installation.

Keywords: professional destruction, semantic differential, semantic space, personality traits.

Теоретический анализ явления профессиональных деформаций представлен в работах С.П. Безносова, А.В. Бодрова, Р.М. Грановской, А.К. Марковой, З.И. Рябикиной и др. Каждый из перечисленных авторов фиксирует свое внимание на интегративном характере данного явления, безусловно включающем поведенческие, когнитивные и эмоциональные компоненты. При всем разнообразии представлений о структуре этого явления и механизмах его возникновения, «местом реализации» такового в структуре человеческой индивидуальности выступает прежде всего личность, а симптомом — поведенческие акты.

Категориальный анализ понятия «профессиональная деструкция личности» позволяет констатировать, что речь идет об искажениях личностно-смысловой сферы, спровоцированных типичными условиями профессиональной деятельности, проявляющимися в относительно устойчивых (часто повторяющихся) поведенческих актах, которые не соответствуют официально установленным нормативно-правовым требованиям, причиняющих реальный ущерб (психологический, моральный, физический) окружающим или личности сотрудника, способных привести к общей социально-психологической дезадаптации сотрудника.

Таким образом, профессиональная деструкция обладает объективно регистрируемыми симптомами — поведенческими характеристиками. В частности, речь идет о таких явлениях, как пронос запрещенных предметов на территорию учреждения, вступление в запрещенные связи, оказание незаконных платных услуг лицам, содержащимся под стражей, а также иных проявлениях проти-

воправного поведения со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы, либо о нарушениях трудовой дисциплины и законодательства. Детерминируют перечисленные поведенческие акты искажения смысловой и мотивационной сфер личности.

Исчерпывающе эти искажения могут быть описаны с помощью трех эффектов, характерных для «извращенной» личности в представлении А.Ф. Лазурского. Этими эффектами являются оскудение, изменение неформальной структуры личности, но динамики соотношения ее компонентов, эгоцентризм [3].

Тем не менее теория и практика изучения профессиональных деформаций (включая профессиональные деструкции) личности сотрудников УИС в настоящее время позволяет привести обширный список их симптомов, подавляющее большинство которых не могут считаться специфическими.

Некоторая специфичность фиксируется в феномене недоверия в уголовно-исполнительной системе. Данный феномен Н.Г. Соболев трактует как специфическое явление, выражающееся в «устойчивых стереотипизованных представлениях одной группы о другой» [7, с. 36]. При этом, по результатам проведенного исследования, Н.Г. Соболев делает вывод, что объективные условия трудовой деятельности сотрудника УИС лежат в основе указанного феномена.

Полагаем, что феномен недоверия в полной мере отражает прежде всего специфику трудовой деятельности сотрудника пенитенциарной системы.

Вслед за С.Е. Вершиным проанализируем сущность феномена недоверия. Интегративный характер этого феномена предполагает недезьюктивность трех

компонентов — когнитивного, эмоционального и поведенческого. На уровне когнитивного компонента недоверие — это знание о ненадежности, непредсказуемости партнера, на уровне эмоционального — это уверенность в доминировании отрицательных, точнее угрожающих качеств человека (например, подлость, скрытая агрессивность, склонность к манипуляциям). Эмоциональный компонент представлен сознательными и/или бессознательными установками на подозрительность и скрытность человека. Поведенческая составляющая реализуется в осторожности, стремлении избегать риска, желании действовать в полном соответствии с инструкциями [1, с. 51]. А.Б. Купрейченко приводит результаты исследований, согласно которым, даже уверенность в высоком уровне нравственности партнера по взаимодействию не может являться безусловным критерием разграничения доверия или недоверия по отношению к партнеру [2, с. 48].

Для ситуации профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы феномен недоверия — единственно возможный паттерн поведения, позволяющий эффективно реализовать стоящие перед ними трудовые задачи. В этом смысле феномен недоверия служит базой не столько для профессиональных деструкций, сколько для собственно процесса профессионализации.

С.Е. Вершинин приводит четыре основных функции феномена недоверия: историческую, познавательную, контрольную и интегративную.

Каждая из них имеет свое отражение в структуре трудовой деятельности пенитенциарного служащего. Конструк-

тивное действие недоверия наиболее ярко отражается в контрольной функции: поскольку предмет труда (по теории развития профессиональных деформаций личности С.П. Безносова) — это люди, доверительное отношение к которым не может быть безусловным, как на основании предшествующего жизненного опыта, квалифицированного судом как преступление, так и в условиях актуальной жизненной ситуации перманентной депривации потребностей, то сохранение бдительности, настороженности во взаимодействии с заключенными представляется наиболее важным условием реализации трудовой деятельности, что и составляет собственно содержание контрольной функции феномена недоверия.

Однако если реализация контрольной функции не исчерпывает диапазон применения функции недоверия либо происходит расширение сфер проявления контрольной, познавательной и интегративной функций не только по отношению к осужденным, но и по отношению к коллегам вне рамок трудовой деятельности, то можно говорить о некоей генерализации недоверия. Иными словами, сотрудник возможное многообразие мотивов взаимодействия людей будет сводить к стремлению партнера по общению получить от него какую-либо выгоду, унижить или оскорбить, формировать свое отношение к окружающим лишь на основе существующих стереотипов, то есть будет реализовывать модель упрощения мотивов в процессе взаимного познания партнеров.

Данные проявления будут отражаться на уровне суждений и установок в стандартных и/или часто встречающихся ситуациях трудовой деятельности и в

целостном пространстве социального функционирования.

Однако невозможность расчленения, недезьюктивность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов феномена недоверия предполагает, что генерализация недоверия первично отразится на уровне смысловой сферы личности, а именно в семантическом пространстве личности.

Следовательно, могут быть выделены некие семантические маркеры, позволяющие прогнозировать неблагоприятное развитие личности в процессе освоения профессиональной деятельности сотрудником пенитенциарного учреждения.

Определение феномена недоверия в УИС как специфической совокупности установок и суждений позволяет выделить основное содержание изменений личности сотрудников. Данное содержание связано с деструкциями прежде всего смысловых конструкторов личности, а точнее с их искажениями. Тем не менее конструктивность/деструктивность установок не может быть оторванной от конкретных ситуаций профессиональной деятельности, то есть исследование должно учитывать специфические характеристики в типичных жизненных ситуациях, в которых пребывает сотрудник пенитенциарного учреждения [5].

Эти допущения легли в основу гипотезы нашего исследования, которая состояла в том, что деструктивности установок и поведенческих проявлений в трудовой деятельности сотрудника пенитенциарной системы будут соответствовать некоторые устойчивые характеристики семантического пространства. В частности, исходя из содержания феномена недоверия у сотрудников уголовно-

исполнительной системы с признаками деструктивности профессионально-личностных установок могут проявляться: а) в своеобразии эмоциональных компонентов семантического пространства сотрудника; б) в невыраженности семантической удаленности групп понятий друг от друга, иными словами, недостаточная дифференцированность смысловых связей между понятиями, обладающими по роду профессиональной деятельности объективно заданными более нагруженными эмоциональными факторами от менее нагруженных.

Методами проведения эмпирического исследования выступили: сравнительный, экспериментальный. Экспериментальный метод был реализован посредством частного семантического дифференциала и теста диагностики профессиональных деструкций личности сотрудников пенитенциарной системы (тест ПДЛП).

По результатам диагностики методикой ПДЛП были сформированы две группы сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы, в число которых вошли аттестованные служащие. Стаж работы варьировался от 2 месяцев до 5 лет. В первую экспериментальную группу вошли сотрудники, проявляющие признаки профессиональных деструкций. К числу таковых можно отнести наличие у респондентов данной группы следующих установок, связанных с трудовой деятельностью:

- каждая личность подозрительна (перерастание бдительности в подозрительность);
- действовать всегда надо решительно и жестоко;
- я имею полное право манипулиро-

вать людьми (склонность к манипулированию);

- всегда необходимо все рассчитывать (расчетливость);
- чем меньше знают обо мне окружающие, тем лучше (обособленность и отчужденность в общении с окружающими);
- профессиональная активная деятельность ни к чему (отказ от активных профессиональных действий);
- меня не касаются проблемы, возникающие на работе (профессиональная пассивность, безразличие);
- я не нуждаюсь в самоконтроле и саморегуляции (снижение потребности в самоконтроле и саморегуляции);
- получить удовлетворение от профессиональной деятельности невозможно (неудовлетворенность профессиональной деятельностью).

Число сотрудников с признаками профессиональных деструкций составило 28 человек, что соответствует 19% от общей выборки численностью 154 человека.

Вторую группу составили сотрудники, у которых не отмечено признаков профессиональных деструкций. В целом по выборке из 154 человек группа составила 126 человек (81% от общей выборки). Однако с целью снижения риска влияния ситуационных переменных из нее были исключены люди, у которых по параметрам «общая деструктивность» и «деструктивность среды пенитенциарного учреждения» были отмечены значения, превышающие 10 и 19 баллов по указанным параметрам соответственно. В результате вторую экспериментальную группу составили сотрудники в количестве 77 человек (или 50% от общей выборки).

В процессе статистической обработки данных было выявлено, что значимых корреляционных связей между стажем и количественными характеристиками профессиональных деструкций нет.

Данные, полученные методом семантического дифференциала, анализировались по ряду параметров. Так, на уровне оценки количественных значений факторов оценки, силы и активности предложенных к оцениванию понятий удалось выявить характерное сочетание этих значений для некоторых из представленных для оценивания понятий. Например, значимые различия на том уровне анализа данных семантического дифференциала отмечены в отношении фактора «оценка» по понятиям «страх», «тоска», фактора «сила» по понятию «ответственность», фактора «активность» по понятиям «долг», «страх», «тоска». Среднегрупповые значения факторов у сравниваемых групп и уровень достоверности различий представлены в таблице 1.

Представленные результаты позволяют обратиться к феномену недоверия как наиболее полно отражающему специфические характеристики несения службы в уголовно-исполнительной системе. Признаки профессиональных деструкций проявляются у сотрудников, для которых крайними эмоциональными оценками обладают понятия, обозначающие негативные эмоции «страх» и «тоска». Для сотрудников, чьи установки деструктивны, эмоции страха и тоски обладают крайними негативными значениями по факторам оценки и силы, то есть для них страх и тоска — это эмоции, которые способны привести в состояние полной дезадаптации, скорее всего с астеническим выходом. Иными словами, по

Таблица 1

Среднегрупповые значения и уровень достоверности различий по t-критерию Стьюдента у сотрудников с признаками профессиональных деструкций и без таковых по некоторым понятиям, предложенным к оцениванию методикой «семантический дифференциал»

Понятие/фактор	Среднегрупповое значение у сотрудников с признаками профессиональных деструкций	Среднегрупповое значение у сотрудников без признаков профессиональных деструкций	Уровень достоверности различий
Долг / активность	0±1,4	5,78±2,3	$\alpha \leq 0,01$
Ответственность / сила	2,66±1,7	7,78±3,23	$\alpha \leq 0,01$
Страх / оценка	-10±0,7	-4,97±2,54	$\alpha \leq 0,001$
Страх / активность	-6,33±1,74	0,27±2,43	$\alpha \leq 0,01$
Тоска / оценка	-10±1,01	-4,22±2,75	$\alpha \leq 0,001$
Тоска / активность	-9,67±1,72	-3,22±3,03	$\alpha \leq 0,01$

сочетанию значений факторов оценки и активности указанных понятий можно предположить, что если сотрудник без признаков профессиональных деструкций при переживании страха или тоски сохраняет энергетический потенциал, то для сотрудников с признаками профессиональных деструкций переживание подобных эмоций связано с невозможностью каких-либо активных действий, направленных на их преодоление.

Обращает на себя внимание и снижение значимости для сотрудников первой экспериментальной группы ответственности. В семантическом пространстве личности ответственность имеет невысокие, скорее нейтральные значения, по фактору силы у сотрудников с признаками профессиональных деструкций, то есть речь может идти о том, что «быть ответственным за что-то, чувствовать себя ответственным, принимать на себя какие-либо обязательства, чувствовать эмоциональное напряжение в силу данного обстоятельства» не характерно для этой категории сотрудников.

Аналогично дело обстоит с переживанием долга как семантической категории: если для сотрудников с признаками профессиональных деструкций долг не несет в себе стенического заряда, то есть активационная составляющая указанного понятия не проявляется, то у сотрудников без признаков профессиональных деструкций отмечается на уровне коннотативного значения значимость переживания ответственности, человеку важно принимать на себя какие-то обязательства, для них это компонент, обеспечивающий ценность работы, службы. Долг обладает значительным «энергетическим запасом».

На уровне анализа семантических расстояний этот факт проявился еще ярче. На гистограмме (рис. 1) представлена семантическая удаленность предложенных к оцениванию понятий от понятия «ответственность». Данные приведены по интервальным таблицам.

Как видно из гистограммы, «моя работа», «моя семья», «успех», «неудача», «служба», «счастье», «разочарование»,

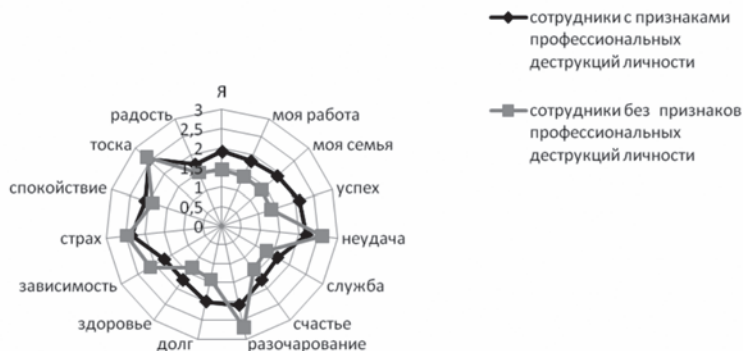

Рис. 1. Семантические расстояния предложенных к оцениванию понятий от понятия «ответственность» у сравниваемых групп

«долг», «спокойствие», «я», «зависимость» — все эти понятия относятся к среднеудаленным по отношению к понятию «ответственность». В отличие от сотрудников без признаков профессиональных деструкций, для которых ответственность в большей мере приближена в семантическом пространстве к понятиям «я», «моя работа», «успех», «служба», «счастье», «долг». То есть деструктивные профессиональные установки личности сочетаются с предельно низкими значениями на уровне принятия негативных эмоций, с дезактивирующей составляющей коннотативного значения понятий, обозначающих эмоции тоски и страха, с невыраженной значимостью, не выраженной потребностью принятия на себя ответственности и ответственности как объекта в смысловом пространстве личности.

При оценке общих характеристик семантического пространства обращает на себя внимание различие по параметру симметричности. Так, для сотрудников с признаками профессиональных деструкций стандартное отклонение со-

ставляло по группе $0,69 \pm 0,05$, для сотрудников, не обладающих признаками профессиональных деструкций, значения иные — $0,83 \pm 0,02$. Эмпирическое значение *t*-критерия Стьюдента — $5,05$, что позволяет утверждать о достоверности отмеченных различий на уровне $\alpha \leq 0,001$. Следовательно, можно говорить о том, что предложенные к оцениванию понятия у сотрудников с признаками профессиональных деструкций располагаются в семантическом пространстве более равномерно, в меньшей степени формируют семантические поля, некие «сгустки», «кластеры» смысла, нежели у сотрудников, не проявляющих признаки профессиональных деструкций. У первой группы респондентов все понятия, предложенные к оцениванию и составляющие актуальную жизненную ситуацию профессионального функционирования, обладают некоей равноудаленностью. Иными словами, на уровне коннотативного значения у сотрудников без признаков эмоциональных деструкций понятия, составляющие актуальную жизненную ситуацию, разделе-

ны на группы, задающие различные качественные характеристики отношений.

Таким образом, при анализе семантического пространства удалось выявить некоторые маркеры, характерные для сотрудников, демонстрирующих деструктивные личностные установки. К их числу относятся: существенное занижение по факторам оценки и активности семантических объектов, представленных понятиями, обозначающими негативные эмоции «страх» и «тоска», невыраженность на уровне коннотативного значения личностной значимости ответственности и активирующей составляющей коннотативного значения долга как семантического объекта, слабая дифференцированность семантического пространства, фактически средняя удаленность всех предлагаемых к оцениванию понятий друг от друга.

Полагаем, что эти факты могут служить своеобразным объяснением для генерализации феномена недоверия: стремясь избежать выраженного эмоционального дискомфорта, воспринима-

емого как непреодолимые, дезактивирующие переживания для человека при выполнении профессиональных обязанностей в процессе реализации трудовой деятельности в пенитенциарном учреждении возникает эффект нивелирования компонентов разных типов отношений.

Литература

1. Вершинин С.Е. Феномен социального недоверия // Соц. политика и соц. партнерство. — 2010. — № 11. — С. 50–56.
2. Купрейченко А.Б. Доверие и недоверие — общие и специфические психологические характеристики. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. — Сер. 14. Психология и педагогика. — 2008. — № 2. — С. 46–53.
3. Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. — М.: Наука, 1997.
4. Соболев Н.Г. К вопросу о раскрытии понятия «феномен недоверия в уголовно-исполнительной системе» // Психологическое обеспечения в уголовно-исполнительной системе / под ред. М.Г. Дебольского. — М.: ФСИН России, 2007. — С. 33–36.
5. Тхоржевская Л.В., Болдырева Т.А., Болдырев А.В. Прогнозирование профессиональных деструкций личности сотрудников пенитенциарной системы на этапе первичной профессиональной подготовки // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. — 2013. — № 2. — С. 243–247.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН ПРИ НАЛИЧИИ У НИХ СИТУАТИВНЫХ И СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ ИМИ МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

И. Л. Калинова

Аннотация: в статье представлен сравнительный анализ характеристик межличностного общения осужденных женщин в зависимости от их обращаемости за медико-психологической помощью и характера заболевания.

мости за медико-психологической помощью и характера заболевания.

Ключевые слова: межличностное общение, контроль общения, аффек-

тивность общения, включение в общение, самочувствие, настроение, медико-психологическая помощь.

Summary: *the article presents a comparative analysis of the characteristics of interpersonal communication convicted women, depending on their formation, for schaeptomical and psychological assistance and the nature of the disease.*

Keywords: *interpersonal communication, control of communication, affective communication, including in communication, health, mood, medical and psychological assistance.*

Одним из ресурсов, помогающих осужденным женщинам, страдающим неизлечимыми серьезными заболеваниями, выживать в местах лишения свободы, является их ориентированность на включение в общение.

Процессы деструкции межличностного общения женщин в местах лишения свободы непосредственно и статистически значимо связаны с состоянием их здоровья, актуальной жизненной ситуацией, и, что еще более важно и интересно, с их отношением к медико-психологической помощи.

Для человека, лишённого свободы, характерно жить сегодняшним днем, причем с тенденцией к получению как можно большего количества переживаний и впечатлений. Смысл жизни видится либо в получении удовольствий и благ, либо в помощи другим и заботе о них. Отношение к себе осужденных включает в себя такие компоненты, как онтологическая защищенность (переживание тесной связи с родительской семьей и принятие матери, отца и своего детства), идентификация с мужской ролью и опора на высшие ценности (в

том числе осмысленность жизни и ответственность). Рациональный элемент в понимании опасности смертельного неизлечимого заболевания заключается в идеях перехода на другой уровень развития. Эмоциональный же компонент является достаточно динамичным и с возрастом изменяется: от страха по отношению к смерти до принятия ее неизбежности или (в другом варианте) избегания чувств, связанных с осознанием смертности.

Анализ результатов исследования позволяет утверждать, что у женщин со смертельным заболеванием в отношении к смерти системообразующим является не рациональный, а эмоциональный компонент — принятие смерти и чувства по отношению к ней. Это говорит также о склонности женщин строить межличностные отношения на основе эмоциональных связей.

В исследовании приняли участие 424 осужденных, 269 осужденных женщин, страдающих смертельно опасным неизлечимым заболеванием, и 155 осужденных женщин, не имеющих такого диагноза, но имеющих различные несмертельные соматические заболевания, которых мы характеризуем как условно здоровые (контрольная группа):

- условно здоровые осужденные, не обращающиеся за медицинской помощью;

- условно здоровые осужденные, обращающиеся за медико-психологической помощью;

- осужденные со смертельно опасным неизлечимым заболеванием, не обращающиеся за медико-психологической помощью;

- осужденные со смертельно опасным неизлечимым заболеванием, обра-

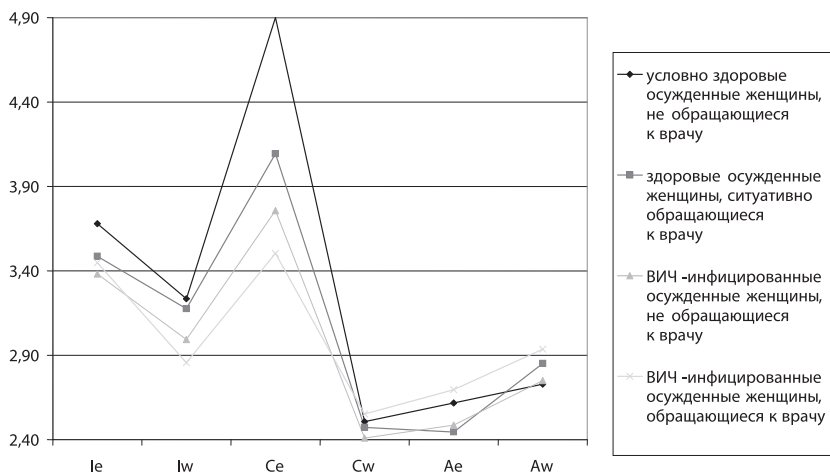

Рис. 1. Средние показатели по методике ОМО (адаптация А.А. Рукавишников) в разных группах осужденных женщин

щающиеся за медико-психологической помощью.

Первым этапом сбора информации послужил анализ журналов приема осужденных медицинскими работниками и психологами исправительного учреждения. За полгода зафиксировано более 1500 случаев оказания собственно психологической помощи осужденным. В области медицинской помощи наибольшее количество обращений за этот период — к терапевту: ряд таких заболеваний, как грипп, ОРВИ, ОРЗ, являются эффектом большой скученности людей и распространяются очень быстро. В целом к терапевту обратилось 1007 осужденных, из которых 421 — один раз, 209 — дважды, 114 — трижды, а 263 — более трех раз. К ВИЧ-терапевту обратилось 163 осужденных женщины, из них один раз за помощью приходили 47, дважды — 76, трижды и более — 40.

В исследовании приняли участие 269 осужденных женщин с заболевани-

ем, предполагающим актуальную угрозу жизни, и 155 осужденных женщин, имеющих эпизодические, ситуативные заболевания, далее данную группу испытуемых мы называем условно здоровые.

В нашем исследовании приняли участие осужденные женщины, имеющие различные заболевания, обращаемость к врачам которых различна. Всю выборку обследованных по признаку частоты обращаемости за медико-психологической помощью к специалистам мы разделили на две группы. В первую группу вошли женщины, систематически обращающиеся к врачу (2 и более раз за 6 месяцев). Вторую группу составили женщины, не обращающиеся за медицинской помощью к врачу (1 раз в 6 месяцев и реже).

Средний возраст опрошенных ВИЧ-инфицированных осужденных и осужденных со смертельно опасными заболеваниями женщин — 31 год, что значительно выше среднего возраста услов-

но здоровых осужденных женщин — 28 лет. Этот факт, на наш взгляд, говорит о том, что к совершению преступления данные испытуемые приходят в более старшем возрасте.

Обратимся теперь к анализу результатов, полученных по методике «ОМО» В. Шутца, в отечественном варианте адаптированной А.А. Рукавишниковым. Этот метод позволяет вскрыть характер межличностного общения по его основным направлениям, а именно по включению в общение, его контролю и аффективности, то есть чувственной насыщенности, интенсивности и глубине эмоциональных переживаний. Кроме того, метод помогает оценить не только те состояния общения, которые испытуемый ожидает от себя, но и те, которые он ожидает от партнеров.

Тест ОМО позволяет вскрыть целостную структуру общения, что в нашем случае особенно важно, так как в процессе нарушения здоровья страдают не отдельные составляющие межличностного общения, а его целостностная организация [1].

Из рисунка 1 можно видеть, что структура межличностного общения осужденных женщин существенно асимметрична, а также зависит от их отношения к болезни и медицинской службе. Средние показатели по шкалам Сw («требуемое поведение в области контроля»), Ае («выраженное поведение в области аффекта»), Аw («требуемое поведение в области аффекта») находятся в зоне низких оценок (2–3 балла). Следовательно, исходя из логики нормального распределения оценок половина испытуемых осужденных женщин по этим шкалам находятся в зоне экстремально низких оценок, что означает, соглас-

но мнению авторов методики, наличие у них компульсивного поведения. В целом для осужденных женщин свойственно категорическое неприятие контроля над собой (Сw) и крайняя осторожность в выборе партнеров общения (Ае), а также крайняя осторожность сближения в отношениях (Аw). Таким образом, аффективность общения как минимум у половины женщин находится в области патологии. Если исходить из позиций теории межличностного общения В. Шутца, у них следует ожидать развития невротических проявлений, а что касается неспособности принимать контроль, то и психопатических.

Следует обратить внимание также на достаточно низкие средние оценки включения в общение. Можно говорить о том, что осужденным женщинам в целом свойственен социально «дефицитный» тип, у которого уровень включения низкий. Они необщительны, избегают контактов с окружающими, не говоря уже об администрации. Предполагается, что сознательно они держат дистанцию, чтобы сохранить свою индивидуальность, на самом же деле это просто страх быть неприязненной, страх одиночества и изоляции, чувство собственной ненужности и неспособности вызвать интерес других людей. Дополнительное снижение показателя Iw подтверждает этот вывод и свидетельствует о том, что либо круг общения осужденных женщин крайне узок, либо вообще не существует близких друзей, с которыми можно было бы быть относительно открытым в общении, что чревато уже серьезными патологиями. Осужденных, показатели которых по включенности лежат в области экстремально низких оценок (0–2 балла), судя по всему, немало, опять же

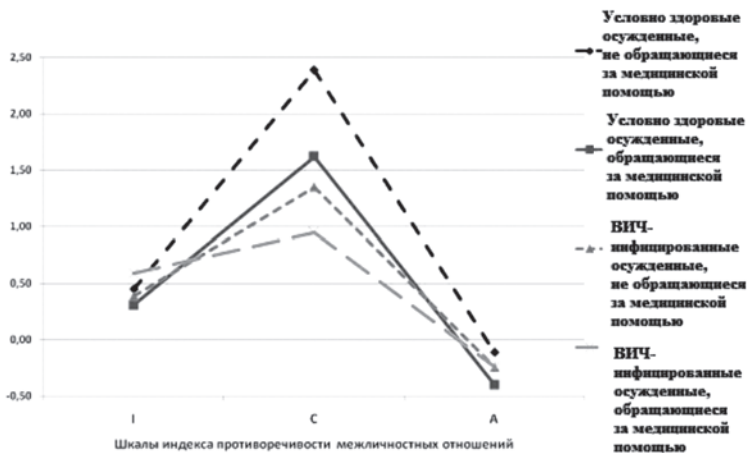

Рис. 2. Средние показатели индекса противоречивости межличностных отношений по методике ОМО в разных группах осужденных женщин

исходя из логики нормального распределения.

Единственный показатель, который стремится к зоне средних оценок, это показатель контроля общения (Сс). Это означает, что основной особенностью межличностного общения осужденных женщин является стремление контролировать остальных и влиять на их поведение, завышенное желание взять в свои руки руководство, решать не только за себя, но и за других, что и как делать. Такая потребность гиперконтроля других на фоне полного неприятия контроля над собой, а также существенной сниженности включения и аффективности общения создает психологически крайне нездоровую социально-психологическую ситуацию, негативный социально-психологический климат, при котором и здоровый то человек, скорее всего, начнет болеть. Помощь психолога здесь чрезвычайно актуальна.

Эти результаты подтверждаются также анализом основных индексов межличностного общения, предлагаемых авторами метода.

На рисунке 2 представлены средние значения индекса противоречивости межличностного общения по разным направлениям. Его величина отражает разрыв между собственным и требуемым от других поведением, с повышением индекса повышается вероятность внутренних конфликтов и фрустрации в соответствующей области межличностного общения. Из рисунка 2 мы видим, что такой областью является именно сфера контроля общения. Следует отметить, что подобная ситуация в условиях лишения свободы не только психологически нездорова, но и социально опасна, чревата конфликтами между осужденными, которые легко могут принять форму физического насилия. В данном случае необходима система научно обоснованных психологических рекоменда-

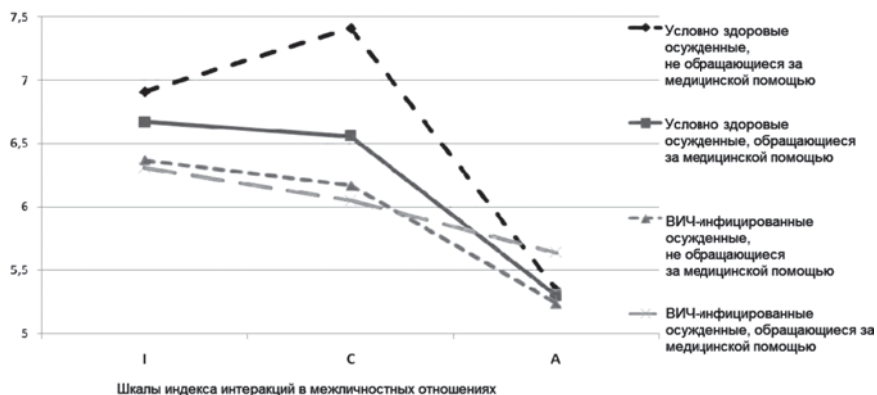

Рис. 3. Средние показатели индекса интеракций в межличностных отношениях по методике ОМО (адаптация А.А. Рукавишника) в разных группах осужденных женщин

ций по управлению межличностным общением осужденных женщин. В связи с этим крайне интересен тот факт, что описанные ранее процессы деструкции межличностного общения женщин в местах лишения свободы связаны с состоянием их здоровья и их отношением к медицинской помощи. Таким образом, у психолога появляется уникальная возможность психокоррекционной работы совместно с врачом и с учетом отношения к нему осужденных женщин. Рассмотрим эти результаты подробнее.

На рисунке 2 мы видим, что более всего стремление контролировать других в общении (Се) выражено в группе относительно здоровых осужденных женщин, избегающих обращения к врачу (группа № 1, различия от других групп значимы $p > 0,01$). Существенное снижение мы видим также у здоровых женщин, которые не избегают обращения к врачу (каждый может заболеть, тем более в местах лишения свободы). Чем это можно объяснить? Аналогичная (на фоне общего снижения индекса) ситуа-

ция и среди осужденных, которые страдают смертельно опасными неизлечимыми заболеваниями. Те, кто не обращается за медико-психологической помощью, имеют более низкую оценку желания контролировать окружающих. Возможно, ответ на этот вопрос подскажут результаты, представленные на рисунке 3. Можно видеть, что индекс противоречивости межличностного общения в сфере контроля также снижается в тех же группах. Из полученных результатов можно сделать два вывода:

1. Обращение за медико-психологической помощью рассматривается как некая слабость. «Я не обращаюсь ни к врачу, ни к психологу, ни к кому, я все контролирую сама» или «Я не могу контролировать все, по крайней мере, к врачам и психологам я вынуждена буду обратиться».

2. По мере роста такого лжеконтроля возрастает противоречивость межличностного общения, то есть личностная напряженность, фрустрация, граничащая с неврозом.

Вместе с тем получается, что обращение за медико-психологической помощью снижает патологическое желание гиперконтроля межличностного общения. Смирение, возникающее в связи с признанием себя нуждающейся в чьей-то помощи, оказывает прямое психотерапевтическое воздействие, что в разных вариантах может быть использовано психологом. В свою очередь, эффективная психологическая помощь влечет перестройку личностных установок, которые не только нормализуют межличностное общение, но и затрагивают сферу детерминирующих отношений личности к мировоззренческим ценностям, жизни и смерти.

Из рисунка 3 видно, что аналогичная ситуация и с таким показателем, как объем интеракций. Для относительно здоровых женщин, не обращающихся к врачу, этот объем значительно выше, чем у всех остальных. Это говорит о том, что степень «навязчивости» осужденных женщин с завышенным желанием контролировать других может превышать терпение окружающих. У женщин, обращающихся к врачу, мы видим существенное снижение этого показателя.

Рисунок 3 интересен и в другом отношении. Можно видеть, что если в группе № 1 самый высокий объем интеракций именно в сфере контроля, то в других группах эта тенденция меняется. Самый высокий объем наблюдается в сфере включения в общение, что в общем является здоровой тенденцией. Важным фактом, подтверждающим нашу основную гипотезу, является самый высокий объем интеракций в сфере аффективности общения в группе женщин, стра-

дающих смертельно опасным неизлечимым заболеванием, обращающихся к врачу. Болезнь и ее относительно смиренное принятие (обращение к врачу) позволяют женщинам восстановить баланс межличностного общения, хотя и на достаточно низком уровне.

Итак, общие выводы по анализу структуры межличностного общения у осужденных женщин в связи с их отношением к состоянию здоровья и принятию медико-психологической помощи могут быть следующими.

Структура межличностного общения осужденных женщин разбалансирована. Наблюдается гипертрофированное развитие направления контроля за счет ослабления других направлений, что ведет к развитию неврозов и психопатий.

Факт обращаемости за медико-психологической помощью выступает в качестве фактора стабилизации межличностного общения, снижения гиперконтроля и гипербъема интеракций.

Неизлечимая болезнь, ее психологическое принятие в форме потребности в медико-психологической помощи позволяют восстановить, хотя и на низком уровне, баланс межличностного общения, что может стать защитой от невротических и психопатических срывов, способствовать личностному росту, формированию адекватного отношения к угрозе смерти.

Литература

1. Диагностика межличностных отношений [А.А. Рукавишников] / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. — М., 2002. С. 167–171.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ОСУЖДЕННЫМИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Д. В. Пестриков, И. В. Сенник

Аннотация: в статье рассматривается вопрос, касающийся применения эмоционально-образной психотерапии и в рамках психологической коррекции осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: эмоционально-образная психотерапия, психотерапия, психологическая коррекция, уголовно-исполнительная система, осужденный, образ, эмоции, психологическое состояние, упражнения.

Summary: the problem of application of emotional and imaginative psychotherapy when working with inmates in correctional institutions.

Keywords: emotional and imaginative psychotherapy, psychotherapy, psychological correction, the correctional system, convicted, image, emotions, psychological state.

В рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года все больше актуализируется проблема психотерапевтического и психокоррекционного воздействия на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы [1]. Современная методология пенитенциарной психологии испытывает дефицит психокоррекционных методов, адаптированных для применения в условиях лишения свободы. В данной статье мы рассмотрим опыт использования эмоционально-образной психотерапии при работе с осужденными мужского

пола, содержащимися в местах лишения свободы.

Эмоционально-образная психотерапия — это современное направление психотерапии, направленное на работу с чувствами и образами, созданное и разработанное российским психологом и психотерапевтом Н.Д. Линде.

Сравнительно недавно эмоционально-образная психотерапия стала использоваться на практике с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, для работы с негативными эмоциональными состояниями (депрессия, гнев, страх, повышенная нервозность), вызванными различными факторами и причинами, с целью профилактики деструктивных форм поведения и формирования положительной социальной направленности.

Все, что с нами происходит, находит свое отражение в чувствах. Какие-то чувства мы выражаем, другие прячем глубоко внутри себя, а некоторые чувства пролетают так быстро, что мы их даже не успеваем осознать. Однако все они имеют огромное влияние и оставляют след в бессознательном, что отражается на нашем самочувствии, восприятии себя и окружающего мира. Сознательная трансформация образов приводит к изменениям эмоционального состояния и исчезновению негативных психосоматических симптомов.

Таким образом, ядром этой терапии являются эмоции, точнее хронические и при этом негативные эмоциональ-

ные состояния, возникшие по тем или иным причинам, и порождающие психологические и психосоматические симптомы. Средством же работы с эмоциональными состояниями служат образы (зрительные), выражающие, с точки зрения осужденного, его проблемные состояния.

В совместной работе с осужденным с помощью этих образов психолог (психотерапевт) анализирует причины, приведшие к возникновению хронического негативного эмоционального состояния, мысленно воздействуя на соответствующий образ. Методы воздействия на образ не могут быть механическими, они достигают успеха, если ведут к искреннему и экологически правильному разрешению исходного конфликта. Субъективно осужденный работает с образами, а реально — с самим собой [2, с. 7–10].

Изменение эмоционального состояния ведет к исчезновению негативных психосоматических симптомов и проявлению позитивного самочувствия, а также к автоматическому изменению строя мышления и способов поведения.

Близкими к эмоционально-образной психотерапии по технологиям является гештальт-терапия, символдрама, а по теоретическим основам — психоанализ, индивидуальная терапия А. Адлера, телесная терапия В. Райха, транзактный анализ Э. Берна и др.

Следует отметить, что эмоционально-образная психотерапия — это сравнительно новое и оригинальное направление психотерапии, которое позволяет достичь весьма быстрых и ценных результатов в области психосоматических расстройств и при коррекции тех или иных эмоциональных нарушений.

В рамках эмоционально-образной психотерапии накоплено значительное число разнообразных и оригинальных приемов трансформации образа, позволяющих добиться быстрых результатов. Все приемы обязательно воздействуют на эмоции и решения осужденного, поэтому, когда работа с образами происходит во внешнем плане, на глубинном уровне происходит работа с проблемой.

По мнению Н.Д. Линде, преимущества эмоционально-образной психотерапии состоят в следующем:

1. Чувство, связанное с проблемной ситуацией, наиболее точно отражает фиксированную эмоциональную энергию, которая не может быть реализована по тем или иным причинам.

2. Соматически выраженное чувство наиболее правдиво показывает суть проблемы. Слова могут обмануть, тело — никогда.

3. Переживание проблемы через образы убедительнее для осужденного, чем вербальные высказывания. Действия с образами легче приводят к инсайту. Неожиданные изменения образов в результате определенных воздействий обладают очевидной доказательностью.

4. Проецирование образа на пустой стул или просто в пространство создает диссоциацию субъекта и выраженного в образе чувства. Это облегчает работу по преобразованию чувства.

5. Образная символизация чувства придает ему статус чего-то объективно существующего. Осужденный ощущает насущную необходимость что-то с этим сделать, преодолеть воздействие этого реально действующего фактора. В противном случае он ощущает, что «это»

будет и дальше его преследовать. Это мощный мотивирующий фактор.

6. Образ дает много дополнительной информации о сущности проблемы, которую может творчески использовать психотерапевт. После определенной практики он научается мгновенно понимать истинный смысл образов, и его предложения по работе с ними определяются этим пониманием.

7. Значимые образы наиболее точно соответствуют бессознательным процессам, субъективное воздействие на образы прямым образом отражается на содержании бессознательного.

8. Множество приемов работы с образами позволяют психологу (психотерапевту) иметь широкое поле для преобразования исходного состояния. Оригинальные наработки в этой области создают возможности быстрых и эффективных изменений.

9. Динамика изменений образов в работе (а также соответствующих эмоциональных состояний) позволяет точно контролировать результативность работы. Психолог (психотерапевт) может вести процесс до качественного изменения состояния, когда проблема действительно и полностью решается [2, с. 48–50].

В исправительном учреждении эмоционально-образная психотерапия может проводиться как в индивидуальной, так и в групповой форме. Для групповой работы характерно, что терапевтическая работа проводится одним из членов группы, по его запросу, но в присутствии группы. Наблюдая за психотерапевтическим сеансом, другие участники группы нередко решают свои проблемы по аналогии с обсуждаемым случаем.

Как показывает практика, наиболее приемлема в местах лишения свободы индивидуальная форма работы, поскольку она позволяет осужденным интегрировать и гармонизировать личность, осознавать проблемы, развивать сферу чувств и образов и т. п.

Характеристика основных этапов эмоционально-образной психотерапии, применяемых в работе с осужденными в местах лишения свободы:

1. *Клиническая беседа.* До начала работы проводится знакомство, прояснение проблемы, сбор историографических данных, разъяснение работы. Результатом клинической беседы должно быть ясное выделение некоторого значимого симптома: чувства или состояния, которое переживается осужденным как нежелательное, причиняющее ему дискомфорт. Именно на этой стадии у психолога (психотерапевта) должны появиться первые представления о проблеме и пути разрешения ее.

2. *Прояснение симптома.* На этом этапе симптом должен быть ясно очерчен и найдены его психосоматические проявления, то есть если чувство недостаточно ясно осознается осужденным, то психолог (психотерапевт) старается его усилить. Одновременно с этим необходимо установить, каким образом это чувство или состояние выражено телесно (где и как). Затем следует установить связь между некоторыми конкретными ситуациями и психосоматическим выражением симптома.

3. *Создание образа.* Теперь субъекту предлагается представить данное чувство (симптом) в форме некоторого образа, находящегося перед ним на стуле или просто в пространстве.

Как правило, используется зрительный образ, но можно подключать и слуховой, и кинестетические каналы. Некоторые осужденные могут испытывать трудности при создании образа своего состояния. Это обычно свидетельствует либо о сопротивлении в осознании своих проблем, либо о первичной напряженности и недостаточном доверии к психологу (к терапевту). С такими осужденными можно предварительно провести тренинг на релаксацию, предложить нарисовать свое чувство, что порой легче, чем просто вообразить и т. п.

4. Исследование образа. Образ изучается с точки зрения его чувственных характеристик (размер, форма, цвет и т. д.); с точки зрения функций (что он делает для субъекта) и с точки зрения отношения (как субъект относится к образу и какое отношение к себе от ощущает от образа).

5. Проверка на фиксацию. Под фиксацией мы подразумеваем наличие эмоционально-энергетической связи между образом и состоянием субъекта. Если такая связь действительно существует, то какие-либо намеренные изменения образа должны привести к изменениям состояния субъекта (например, увеличение размера образа может привести к усилению негативного состояния и наоборот).

6. Трансформация. Здесь может быть представлена одна из базовых стратегий трансформации образа. Наиболее часто применяются: мысленное действие с образом, передача чувства и взаимодействие с парным образом, парадоксальное разрешение.

Трансформация всегда применяется в соответствии со структурой психологической проблемы, с учетом экологиче-

ской чистоты результата. Задача трансформации — изменить эмоциональное состояние, порождающее проблему, а не просто выдумать новые образы.

На внешнем плане производится работа над образом, а на внутреннем — над состоянием объекта. Трансформация образа ведется до тех пор, пока негативный образ не исчезнет полностью или не преобразуется в нечто позитивное.

7. Интегрирование образа с личностью (соматизация). Если получено желаемое состояние субъекта, которое выражено в позитивном образе, то необходимо, чтобы последний принял полученный образ в тело или иным способом интегрировался с ним, как с частью своей личности, или установил с ним другого рода позитивные отношения. Этот этап позволяет сделать найденное позитивное состояние устойчивым, принятым самой личностью.

8. Ситуационная проверка. Если осужденный представит себе ту ситуацию, которая обычно вызывала данное негативное состояние, и при этом состояние не возникает снова, то это может служить критерием успешности трансформации. Практика показывает, что проверка на воображаемой ситуации полностью идентична проверке ситуациями реальными, то, что происходит в воображении, происходит и в жизни.

9. Экологическая проверка. Следует выяснить, не возникло ли у осужденного нежелательных побочных симптомов. Если нет — можно закрепить результат. Для этого необходимо спросить, нет ли у клиента каких-либо возражений против достигнутых изменений, нет ли каких-то неприятных ощущений в тех или иных частях тела, и т. д.

10. *Закрепление.* Осужденному предлагается поставить внутренний якорь, то есть мысленно договориться с достигнутым состоянием, чтобы оно сохранилось на неопределенный срок. Можно также (как в НЛП) посоветовать представить дорогу своей жизни, будто он идет по ней, сохраняя полученное состояние [2, с. 16–21].

Можно предложить представить ряд будущих ситуаций и их разрешение исходя из достигнутого состояния.

Главное — понять, насколько серьезно и искренне осужденный принимает изменения. Некоторые заявляют, что они получили самое желательное только для них и ни за что от этого не откажутся. Некоторые соглашались для вида.

В конкретной практике часть приведенных выше этапов психотерапевтического сеанса можно опускать, когда случай достаточно очевиден. Закрепление тоже нужно редко, потому что, если полученное состояние действительно нужно осужденному, то он его больше не упустит. Если же это происходит, то на следующих сеансах надо обсудить с ним причины этого.

Охарактеризуем основные приемы трансформации образов, приводящие к изменению эмоциональных состояний, которые применимы в психотерапевтической практике при работе с осужденными.

1. *Созерцание.* Самый простой по исполнению метод состоит в том, чтобы сосредоточить свое внимание на тех или иных негативных качествах образа. Достаточно в течение 20–30 секунд (в сложных ситуациях от 1 до 5 минут) созерцать некоторое нежелательное качество образа, чтобы оно постепенно ис-

чезло, и вместе с ним исчезает соответствующее негативное состояние.

2. *Мысленное действие.* Это самый очевидный ход, который склонны использовать осужденные даже без специальной инструкции, они пытаются что-то изменить в наблюдаемом образе, мысленно отбросив его.

3. *Диалог с образом.* Можно поговорить с образом как реальной личностью, ведь он всегда выполняет для осужденного те или иные функции или воплощает те или иные чувства. Осужденный может задавать вопросы образу и отвечать от его имени или просто войти в роль образа и произнести монолог, раскрывающий чувства и намерения образа.

Для проведения диалога мы используем прием пустого стула (как в гештальт-терапии или психодраме), на который проецируется образ чувства.

Диалог чаще всего играет проясняющую роль, помогая выбрать правильную стратегию действий.

4. *Взаимодействие противоположностей.* Один из ключевых принципов этого приема — все наши проблемы связаны с наличием противоположных сил, которые взаимопределяют друг друга, поддерживают существование друг друга.

5. *Замена образа.* В этом методе предлагается сначала найти образ, представляющий негативное чувство, а потом позитивный образ, который мог бы адекватно заменить его, после чего принять позитивный образ и отказаться от негативного.

6. *Передача чувства.* Этот метод состоит в том, чтобы мысленно передать или эмоционально рассказать образу о тех неприятных чувствах, которые есть

у осужденного. По мере передачи негативный образ постепенно тает, а с ним исчезает и негативное состояние. В некотором смысле этот метод можно рассматривать как вариант плавно протекающего, управляемого катарсиса, контролируемого с помощью динамики образа.

7. *Прослеживание «судьбы» образа.*

В указанном методе осужденному предлагается просмотреть процесс дальнейшего развития образа или его историю в обратном порядке вплоть до момента возникновения. И прошлое и будущее могут скрывать возможности избавления от негативного образа, а значит, и связанного с ним состояния. Например, проследив историю без его возникновения или просто зафиксировать позитивный образ и связанное с ним состояние, которое было до того, и перенести их в настоящее.

8. *Свободное фантазирование.* В некоторых случаях допустимо и полезно позволить осужденному свободно фантазировать на заданную тему, не задавая определенной цели преобразования образов.

9. *Расширение осознания.* Этот метод предполагает использование образов для работы над более полным пониманием проблемы осужденного. Обычно он включается как составная часть целостного процесса психотерапии, но может приводить к решению проблемы и при использовании в качестве ведущего метода. Он предполагает умение психолога (психотерапевта) задавать вопросы, проявляющие скрытый смысл, содержащийся в образе.

10. *«Волшебство».* Данный метод предполагает различные варианты «волшебных» изменений образов. Он

применяется в тех случаях, когда клиент не находит способа изменить образ. Это может быть либо проявлением сопротивления, либо результатом ощущения собственного бессилия.

Осужденному можно предложить представить, что образ как-то сам изменился в нужном направлении, и попросить описать, каким он теперь стал. После этого можно интегрировать его с личностью осужденного, а о прежнем образе можно забыть, если осужденный сам признает, что старый образ теперь не нужен.

11. *«Возвращение подарка».* Этот прием позволяет удачно разрешить ряд конфликтных ситуаций и в случаях очень сильной физической агрессии (избиение, унижение и т. п.). Воспоминание об этих событиях мучают осужденного, заставляя его вновь и вновь переживать унижение. Возвращение зла, которое было причинено людям, сделавшим это, позволяет клиенту обрести спокойствие, равновесие и самоуважение. Он восстанавливается как личность, «забывает» о печальном случае и даже воспоминания о нем, ощущает, что это случилось как бы не с ним.

12. *Конверсия негативной энергии.* Данный прием пригоден для прямо противоположных случаев, когда осужденный полон собственных агрессивных чувств и не знает способа, как избавиться от них. Часто осужденные представляют собственные агрессивные чувства в виде бомб или другого грозного оружия. В этом случае очень удобно предложить им совершить конверсию той энергии, что сосредоточена в оружии, в позитивную форму, которую она имела изначально, и использовать ее для собственного блага.

13. *«Разжимание лапки»*. В этом приеме непосредственно выражена суть рассматриваемого психотерапевтического подхода. Осужденному предлагается отпустить тот образ, который, как ему кажется, его мучает. Психолог (психотерапевт) часто напоминает осужденному, что на самом деле он сам создает неприятные чувства и соответствующие образы с определенной целью. Далеко не всегда осужденный согласен просто так расстаться с соответствующим образом, а главное с тем мучительным чувством, которое в нем выражено, однако иногда это получается легко.

14. *Парадоксальное разрешение*. Указанный прием удивительно эффективен, суть его проста, он поражает воображение осужденного и снимает все проблемы с сопротивлением. Техника состоит в том, чтобы выяснить, какой запрет зашифрован в данном негативном образе, и разрешить ему именно то, что он запрещает осужденному.

15. *Контрпредписание*. Многие проблемы связаны с так называемыми родительскими предписаниями, которые откладываются в психике человека как жесткие запреты или прямые указания, как надо действовать. Для того чтобы избавиться от их влияния (если оно, конечно, носит негативный характер), необходимо, чтобы осужденный со своей убежденностью выразил прямо противоположное утверждение.

16. *«Перераспределение акций»*. Этот прием хорошо работает в тех случаях, когда актуализированы две противоположности. Осужденному предлагается рассмотреть два взаимодействующих чувства или части личности и решить, какой «процент акций» принадлежит каждой из них. Потом в зависи-

мости от необходимости пакет «акций» перераспределяется между ними. В результате устанавливаются нормальные пропорции тех или иных качеств, и осужденный убеждается, что так лучше, чем было ранее.

17. *Организация новых отношений с частью личности*. Часто проблемы связаны с неправильно сформированными отношениями к той или иной части собственной личности, которая может быть представлена как в абстрактном образе, так и в образе самого себя в детстве (внутренний ребенок), и т. п. [2, с. 22–42].

Как показывает практика, в работе с осужденными очень часто используются упражнения, предназначенные для осознания и проработки гнева и других негативных эмоциональных состояний. Например, осужденному предлагается вспомнить какой-нибудь случай из жизни, когда он сильно злился и ответить на такие вопросы: где в Вашем теле Вы ощущали эти эмоции; как Вы их там ощущали? Затем осужденный должен представить, что эти эмоции находятся прямо перед ним, и понять, какой образ сам собой возникает в его сознании; что он говорит ему; нападает ли он на самого осужденного или на кого-то другого; зачем он нужен и т. п.

Осужденный должен представить некоторую часть своей личности, которую защищает его гнев, независимо от того, направлен ли гнев на него или на других. В связи с этим осужденному предлагается ответить на такие вопросы, как: на что это похоже? согласны ли Вы отдать энергию, затрачиваемую на производство гнева, этой слабой части личности на ее рост и развитие? Если да, то осужденный должен сделать это. Необходи-

мо помнить, что энергия возвращается в первичной, позитивной форме. Если возникают трудности при выполнении этой работы, то осужденный может представить их в виде других образов и проработать это упражнение самостоятельно в течение 5 минут. Далее проводится обмен впечатлениями и обсуждение возникших трудностей (что получилось или не получилось в процессе работы).

При работе с негативными эмоциональными состояниями можно использовать такие упражнения, как: «Круг радости», «Круг счастья», «Знакомство с гневом», «Путешествие в мрачную страну» и т. п.

Таким образом, основным средством работы с эмоциональными состояниями служат образы (зрительные), выражающие, с точки зрения осужденного, его проблемные состояния. В совместной работе с осужденным с помощью

этих образов психолог (психотерапевт) анализирует причины, приведшие к возникновению хронического негативного эмоционального состояния, мысленно воздействуя на соответствующий образ. Психокоррекция с использованием технологий эмоционально-образной терапии позволяет психологу стабилизировать психическое состояние осужденного путем осознания травмирующей ситуации и выработки новой стратегии поведения.

Литература

1. Кузьмин А.Н., Казберов П.Н., Дикопольцев Д.Е. Результаты мониторинга апробации системы социальных лифтов в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в 2011 году (в части ответственности осужденных основным критериям системы и изменения осужденным условий отбывания наказаний) // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2.

2. Линде Н.Д. Эмоционально-образная терапия (теория и практика). — М., 2004.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ И ИХ РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ ПОЛУЧЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(по материалам Интернет-опроса, проведенного в Калужском государственном университете имени К. Э. Циолковского)

И. П. Краснощеченко, Р. Б. Тарамакин

Аннотация: в статье представлены результаты Интернет-опроса выпускников факультета психологии Калужского государственного университета (КГУ) имени К.Э. Циолковского. Отражены в обобщенном виде сведения о характере и содержании работы, регионах прожи-

вания, показаны ретроспективные оценки выпускниками полученного психологического образования.

Ключевые слова: Интернет-опрос, профессиональная подготовка будущих психологов, факультет психологии, психологическое образование, професси-

ональная самореализация, удовлетворенность полученным образованием, удовлетворенность работой.

Summary: *the article contents the results of the Internet survey of graduates of Psychology department of the Kaluga Tsiolkovsky State University. There are generalized information on the scope, region, retrospective valuation of the resulting psychological education, job satisfaction.*

Keywords: *online survey, training of future psychologists, Department of Psychology, psychological education, professional self-fulfillment, satisfaction with their education, job satisfaction.*

Подготовка к празднованию 20-летия факультета психологии Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, осуществляющего профессиональную подготовку студентов-психологов с 1993 года, стала весомым поводом для осмысления результатов деятельности коллектива преподавателей и сотрудников факультета психологии за прошедший период. Следует отметить, что проблема оценки деятельности вуза и его подразделений является весьма многозначной и разноаспектной. Обсуждению механизмов и инструментов оценки различных аспектов деятельности вуза в последние годы посвящены работы многих современных исследователей, в частности, А.В. Жаворонковой [1], С.Б. Ильчук [2], М.Н. Луновой [3], Е.В. Черемискиной [5] и др. Комплексная оценка деятельности вуза в настоящее время проводится Рособнадзором каждые пять лет, оценка Министерством образования и науки РФ российских государственных высших учебных заведений получает отражение в ежегодном рейтинге вузов.

Анализ литературы показывает, что в настоящее время не сформирован однозначный подход к пониманию того, какие критерии оценки обеспечивают ее объективность, корректность, точность. Результаты работы вуза и его подразделения — факультета — оцениваются с помощью разных критериев: учитывается востребованность выпускников на рынке труда и их трудоустройство после завершения высшего образования, доля выпускников, работающих по профессии, используется экспертная оценка их деятельности работодателями, предлагается учитывать средний уровень заработной платы выпускников (что весьма затруднительно в условиях действия Федерального закона «О персональных данных»), рассматриваются ретроспективные оценки выпускников по отношению к полученному образованию и т. д.

Одним из важных инструментов оценки деятельности образовательного учреждения, как показывает анализ литературы, является его оценка выпускниками и их работодателями. Данный инструмент рекомендован в нормативных документах, в том числе в Федеральных образовательных стандартах высшего профессионального образования третьего поколения.

Стремление оценить результаты деятельности факультета психологии КГУ имени К.Э. Циолковского за прошедшие 20 лет работы обусловило проведение опроса обучавшихся в разные годы студентов с целью выявления их мнений и оценок полученного образования, достижений в профессиональной сфере, возможностей, которые психологическое образование открыло на пути их профессиональной самореализации, удовлетворенности достигнутыми результатами.

Учитывая, что за 20 лет существования (1993–2013) факультет подготовил 15 выпусков, их общая численность составила чуть менее 800 человек, большинство из которых сменили фамилию, место проживания, и контакты с ними утрачены, было принято решение использовать ресурсы социальных сетей Интернет-пространства («Одноклассники», «ВКонтакте», «Facebook»), регистрация и идентификация участников которых предполагает размещение информации о месте получения образования, в том числе высшего.

Исследование проводилось в форме Интернет-опроса с использованием он-лайн инструментов компании Google, обеспечивающих удобную, комфортную форму предъявления анкеты участникам, а также предоставляющих возможность автоматического получения сводной таблицы, легко экспортируемой в Excel-формат для последующей обработки результатов. Анкета была размещена на сайте факультета психологии — psihfak.ru, ссылки на нее также были представлены в существующих группах факультета в социальных сетях — ВКонтакте, Facebook, Twitter.

Участвовавшие в проведении опроса студенты факультета психологии КГУ имени К.Э. Циолковского — М. Балабкина, А. Комарова, А. Леонтьев, А. Ремзова, Ю. Сухова, М. Сушкова — находили в социальных сетях бывших выпускников факультета, посылали им запрос на установление контакта, в случае положительного ответа следующим шагом было отправление письма с приглашением ответить на вопросы Интернет-анкеты в связи с предстоящим празднованием 20-летия факультета, ссылка на анкету размещалась в письме и обеспечивала

возможность выпускникам быстро выходить на страницу анкеты и отвечать на вопросы.

Разработанная анкета включила в себя 4 блока вопросов: 1) *социально-демографический блок* (фамилия, имя, отчество на данный момент и та фамилия, под которой обучались в вузе; семейное положение, наличие детей; страна и город проживания в настоящее время); 2) *сведения об обучении на факультете* — годы обучения, полученная специализация; вопросы о наиболее значительных событиях, оставшихся в памяти, о преподавателях и студентах, оказавших влияние на профессионально-личностное становление; 3) *информацию о профессиональной самореализации* — сфера деятельности на момент опроса; занимаемая должность, получено ли дополнительное образование, есть ли ученая степень, наиболее значительные достижения за период после окончания факультета; 4) *ценностный блок* — вопросы о том, разделяют ли выпускники гуманистические ценностные ориентации в настоящее время и согласны ли с утверждением, что на их формирование оказало влияние психологическое образование.

Оценочные вопросы, выявляющие удовлетворенность полученным образованием, работой, жизнью, располагались в анкете в соответствующих блоках. Оценка полученного на факультете образования проводилась по десятибалльным шкалам семантического дифференциала: «бесполезное — полезное», «непрактичное — практичное», «неинтересное — интересное», «некачественное — качественное», «дискомфортное — комфортное», «пассивное — актив-

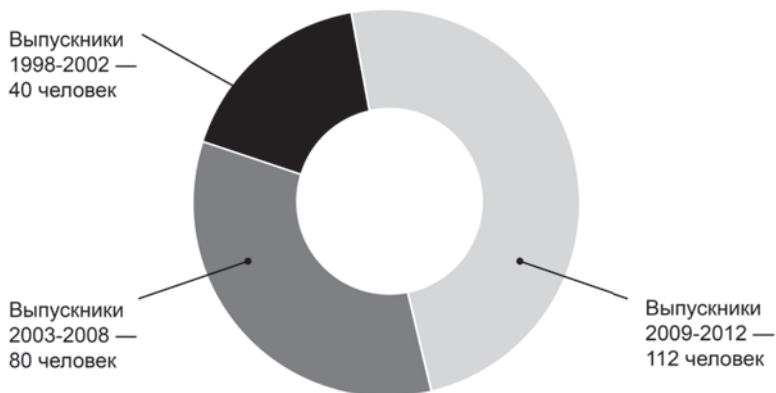

Рис. 1. Распределение выпускников — участников опроса по годам выпусков

ное», «легкое — трудное», «бесперспективное — дающее перспективу», «ограничивающее возможности — открывающее возможности». Для уточнения степени удовлетворенности полученным образованием в анкету были добавлены вопросы о том, повторил ли выпускник свой выбор психологического образования и обучения именно на факультете психологии КГПУ/КГУ, если бы пришлось выбирать вновь.

Представим основные результаты исследования.

Социально-демографические сведения об участниках опроса

Интернет-опрос проводился в период с 8 марта по 30 апреля 2013 г. Всего в опросе приняли участие 232 человека, что составило более одной четвертой от общего количества выпускников, получивших образование на факультете за годы его работы.

Труднее всего было найти выпускников первых лет. Чем позднее поток студентов завершал обучение на факульте-

те по отношению к настоящему времени, тем больше его выпускников участвовало в анкетировании. Данный факт, по нашему мнению, объясняется высокой активностью студенческой молодежи в социальных сетях в условиях их динамичного развития в последние годы, поскольку установленные в студенчестве Интернет-контакты молодежь, как правило, продолжает поддерживать и после окончания университета.

Количественная представленность выпускников разных лет в опросе имеет следующий вид. Из выпускников 1998–2002 гг. в опросе участвовало — 40 человек; из тех, кто завершил обучение в 2003–2008 гг. — 80 человек, среди выпускников 2009–2012 гг. в анкетировании участвовало 112 человек.

Полученная в анкетах информация о месте жительства выпускников позволила констатировать, что 96,8% опрошенных выпускников проживают в России. Среди иностранных государств, где проживают в настоящее время выпускники факультета — Казахстан, Германия, Ве-

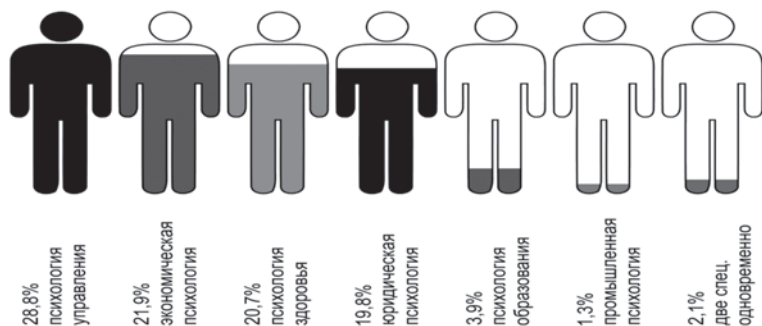

Рис. 2. Распределение участников опроса по специализации

ликобритания, США, Мальта, Австрия, Канада, Украина.

География проживания в России тоже весьма разнообразна: более половины — 63,5% — в Калуге; 12,1% — в Москве; 3,1% — в Обнинске; 9,4% — в других городах Калужской области. Места проживания выпускников за пределами Калужской области — Подольск, Протвино, Наро-Фоминск Московской области, п. Видяево Мурманской области, Нововоронеж, Орел, Оренбург, Рязань, Тюмень, Санкт-Петербург, Сургут, Смоленск, Тула, пос. Беринговский Чукотской АО и др.

Сведения об обучении на факультете и оценка полученного образования

Среди участников опроса:

28,8% — обучались по специализации психология управления;

21,9% — по экономической психологии;

20,7% — по психологии здоровья;

19,8% — по юридической психологии;

3,9% — по психологии образования;

1,3% — по промышленной психологии;

2,1% — обучались по двум специализациям одновременно (3 выпускников — по специализациям «юридическая психология» + «психология образования», 1 — «психология образования» + «психология управления» и 1 — «психология образования» + «промышленная психология»).

Использование шкал семантического дифференциала для оценки полученного психологического образования показало следующее. Высокие оценки выпускников преобладают по шкалам «неинтересное — интересное», «некомфортное — комфортное», «пассивное — активное», «бесполезное — полезное». Так, 83,1% выпускников оценили психологическое образование как интересное, 78,5% — как комфортное, 76,3% — как активное, 75,8% — как полезное. По данным шкалам низкие оценки выставлены не более чем 3,8% от числа опрошенных.

Несколько ниже оценки полученного образования по шкалам «непрактичное — практичное», «бесперспективное — дающее перспективу», «ограничивающее — открывающее возможности». В частности, по шкале «ограничи-

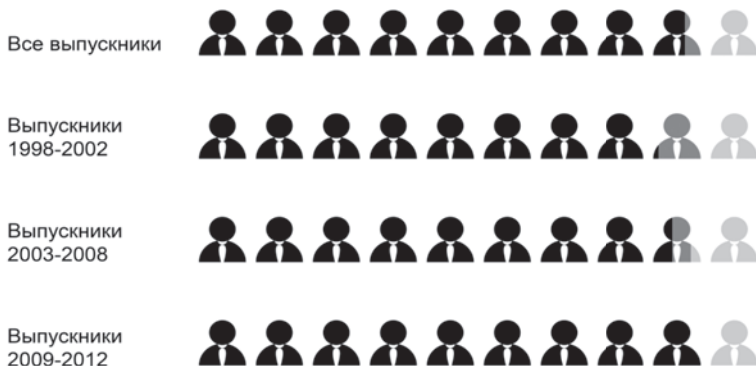

Рис. 3. Распределение ответов выпускников на вопрос: «Если бы Вы могли вернуться в прошлое в ситуацию выбора профессии, приняли бы решение о получении психологического образования?»

вающее — открывающее возможности» 68,5% опрошенных выпускников поставили высокие оценки, 31,0% — средние. По шкале «бесперспективное — перспективное» высокие оценки выставили 59,4% участников опроса, средние — 36,2%. По шкале «непрактичное — практичное» высокие оценки выявлены в ответах чуть более половины опрошенных (54,3%), средние оценки — у 40,9% выпускников.

По шкале «легкое — трудное» средние оценки полученного психологического образования преобладают в ответах 64,6% опрошенных выпускников. Как трудное полученное образование оценили 20,7%, как легкое — 13,3%.

В анкету были включены два взаимосвязанных вопроса «Разделяете ли Вы гуманистические ценности?» и «Считаете ли Вы, что под влиянием психологического образования у Вас образовались гуманистические ценности?». Подавляющее большинство выпускников дали положительные ответы («да» и

«скорее да») на первый из двух вопросов; 93,5% опрошенных подтвердили, что разделяют гуманистические ценности. Несколько менее однозначными были ответы на вопрос о влиянии психологического образования на формирование гуманистических ценностей — чуть более 3/4 опрошенных согласны с данным утверждением (76,2%), 14,3% — затруднились ответить, 9,5% участвовавших в опросе выразили несогласие с утверждением.

Полученные результаты мы объясняем тем, что выпускники, затруднившиеся ответить на вопрос, а также некоторые не согласные с позицией о том, что гуманистические ценности формируются под влиянием психологического образования, считают, что существует другая причинно-следственная связь — выбор психологического образования уже является следствием сформированных на более ранних этапах развития личности гуманистических ценностей.

На вопрос «Если бы Вы могли вернуться в прошлое в ситуацию выбора профессии, приняли бы решение о получении психологического образования?», включенный в анкету для получения дополнительной информации об удовлетворенности выпускников полученным образованием, 87,6% — дали положительный ответ (включая ответы «да, однозначно» и «скорее да»), 8,6% — выразили отрицательное мнение, 3,8% — затруднились ответить.

Причем среди выпускников первых пяти выпусков положительный ответ дали 82,5% опрошенных, отрицательное мнение выразили 7,5%. Среди опрошенных выпускников 2003–2007 гг. положительный ответ по этому вопросу дали 84,8%, отрицательный — 11,6%. Выпускники последних пяти выпусков оказались еще более лояльными полученному образованию, среди них 93,7% указали на готовность повторить осуществленный выбор психологического образования.

Отвечая на вопрос «Если бы Вы вернулись в прошлое в ситуацию выбора профессии, приняли бы Вы решение о поступлении именно на факультет психологии КГПУ\КГУ?», 3/4 (75,9%) участвовавших в опросе выпускников заявили о готовности повторить свой выбор; 14,3% — затруднились ответить и 9,8% — отказались бы повторить выбор.

Вопрос о наиболее запоминающихся событиях студенческой жизни по форме был открытым, вследствие чего позволил получить обширный материал для анализа. С помощью контент-анализа и сравнительного анализа полученного материала нами были выявлены как сходства, так и отличия в ответах выпускников факультета разных лет.

Общими в ответах выпускников разных лет являются такие референты, как «подготовка и сдача зачетов, экзаменов», «насыщенная учебная деятельность», «интересные тренинги», «интересные практикумы», «интересные лекции», «теплая атмосфера на факультете», «Студенческая весна», «Капустники», «Посвящение в студенты», «экскурсии по экологии», научные конференции, «общегитие», «психологические олимпиады школьников» и т. д.

Различия в ответах выпускников разных лет отражают особенности обучения в определенные периоды. Так, специфический референт «Обучение в Обнинске» встречается в ответах выпускников, получавших образование в течение первых лет работы факультета. В ответах студентов первых десяти выпусков самую высокую частотность имеют референты «Белинка» (Областная научная библиотека имени В.Г. Белинского), «Карповка» (сквер имени Карпова, расположенный напротив учебного корпуса). В то же время в ответах выпускников последних пяти лет «Белинка» не упоминается, что обусловлено тотальным переходом в последние годы к использованию Интернет-ресурсов, в связи с чем резко сократилась посещаемость студентами Областной библиотеки. Нет среди ответов выпускников последних лет и упоминаний о «Карповке» в связи с переездом факультета в 2009 г. в новый учебный корпус, удаленно расположенный по отношению к излюбленному прежними потоками студентов месту неформального общения — сквера имени Карпова.

В то же время выпускники, обучавшиеся в течение последних десяти лет, среди наиболее запомнившихся собы-

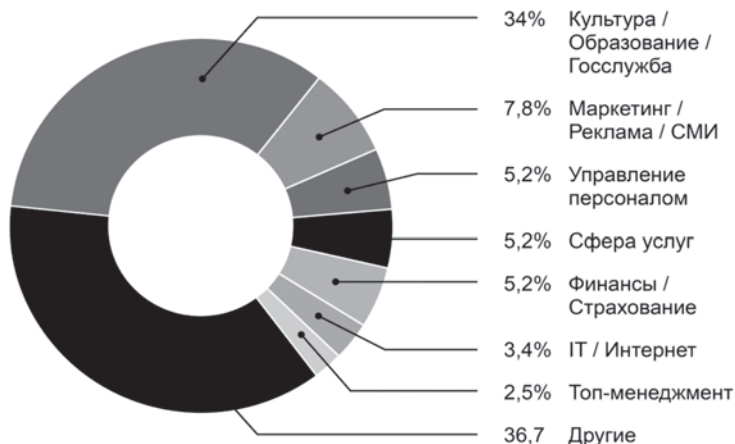

Рис. 4. Распределение выпускников по сфере профессиональной деятельности

тий особенно часто упоминают «Тренинг успешного студенчества», «ЛУС — Лагерь успешного студенчества», «ЗПШ», «ЛПШ» (зимние и летние психологические школы), проведение которых стало традицией факультета именно в данный период.

Профессиональная самореализация выпускников

Анализ полученных в Интернет-опросе результатов показал, что профессиональная деятельность выпускников разных лет осуществляется в разнообразных сферах. Наиболее частым является указание на сферу культуры/образования/государственной службы — в ответах 34% опрошенных. 7,8% указали на деятельность в сфере маркетинга и рекламы; по 5,2% выпускников назвали сферы управления персоналом, услуг, а также финансы и страхование; 3,4% — IT/Интернет-услуги, 2,5% — топ-менеджмент и др.

Анализ должностных позиций, согласно данным опроса, показывает, что 43,9% участвовавших в опросе выпускников занимают должностные позиции, непосредственно связанные с полученным психологическим образованием: психологи, педагоги-психологи, старшие психологи, психолог воинской части военно-морского флота, медицинский психолог, эксперты-психологи-криминалисты, специалисты кадровых служб организаций, специалисты по отбору и обучению, развитию персонала, HR-менеджеры, преподаватели психологии в вузах и ссузах и т. д. Среди выпускников есть советник Президента РФ по вопросам миграционной политики, Советник Губернатора Одесской области (Украина), несколько человек являются руководителями (в том числе генеральными директорами) компаний.

44,4% опрошенных после окончания университета получили дополни-

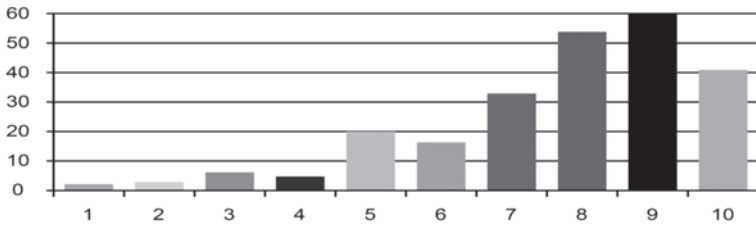

Рис. 5. Удовлетворенность выпускников факультета работой в настоящее время: 1 — минимальная удовлетворенность, 10 — максимальная удовлетворенность

тельное образование в разных формах и по разным направлениям. В частности, завершили обучение по программе «Клиническая психология» — 10 человек, по «управлению персоналом» — 18 человек, юридическое образование получили — 5 человек, обучались по программе «финансовый менеджмент» — 4 человека, работе на полиграфе — 2 человека, прошли переподготовку по программе «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и бизнес-английский — по 4 человека. Среди участвовавших в Интернет-опросе — 3 выпускника имеют ученые степени кандидата психологических наук, 2 — филологических наук, 1 — юридических наук, 2 — степень МВА, 4 — в настоящее время обучаются в аспирантуре.

Удовлетворенность работой измерялась по 10-балльной шкале и представлена на рисунке 5.

Приведенная к трехуровневой градации шкала удовлетворенности (с уровнями — низкий, средний, высокий) имеет следующее распределение: практически 2/3 (65,8%) опрошенных констатировали высокий уровень удовлетворенности работой в настоящее время, менее 1/3 (30,8%) — средний уровень, 3,4% опрошенных выпускни-

ков выразили низкую удовлетворенность работой (рис. 6).

Обращает внимание тот факт, что выявлены статистически значимые различия в оценке удовлетворенности своей работой в настоящее время в зависимости от года окончания университета. Среди выпускников первых пяти выпусков факультета (1998–2002 гг.) те, кто высоко оценил удовлетворенность своей работой, составляют более 3/4 выборки (77,5%). Среди выпускников 2003–2007 гг. высокий уровень удовлетворенности работой отмечен у 65% участников опроса. В выборке завершивших обучение в последние пять лет (2008–2012 гг.) выпускники с высоким уровнем удовлетворенности работой на момент опроса составили 60,7%.

Подобные различия, вероятно, следует объяснить тем, что для более значительных карьерных и профессиональных достижений выпускников, которые дают основания для их более высокой удовлетворенности, требуется более продолжительное время после окончания вуза. У тех выпускников, кто совсем недавно завершил обучение в вузе, времени на значительные достижения было недостаточно, достигнутое

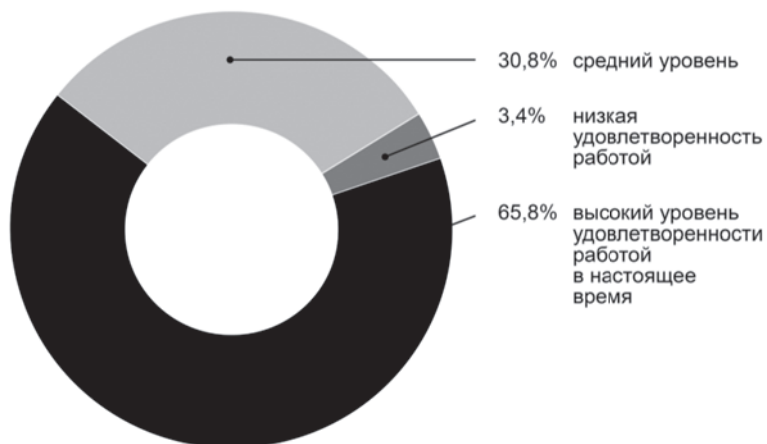

Рис. 6. Удовлетворенность работой в настоящее время, приведенная к трехуровневой шкале

не в полной мере отвечает притязаниям выпускников, что и получило отражение в несколько менее высоких оценках удовлетворенности работой.

Итак, Интернет-опрос позволил получить сведения о профессиональной самореализации $1/4$ от числа выпускников факультета психологии Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского за годы его существования. Большинство опрошенных выпускников выражают удовлетворенность полученным на факультете психологическим образованием, которое обеспечило им возможность трудоустройства и самореализации не только непосредственно в сфере психологической деятельности, но и во многих других областях, прежде всего связанных с работой с людьми. Выпускники высоко оценили полученное образование по шкалам «интересное», «комфортное», «активное», «полезное». Вспоминая наиболее значительные события в студенческой жизни, бывшие выпускни-

ки отметили разные стороны образовательного процесса: насыщенную учебную деятельность, интересные тренинги, практикумы, лекции, теплую атмосферу на факультете, научные конференции, творческие мероприятия, психологические олимпиады школьников, которые на протяжении многих лет проводятся на факультете при активном участии его студентов.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что сложившаяся на факультете психологии Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского система профессиональной подготовки, наработанные традиции и опыт, являются основанием для дальнейшего развития и качественной подготовки выпускников в изменяющихся условиях российского общества с учетом запросов Калужского региона.

Литература

1. Жаворонкова А.В. Бизнес-образование для сотрудников (польза от получения степени MBA и проблемы) // Управление персоналом. — 2005. — № 2. — С. 49–52.

2. Ильчук С.Б. Востребованность выпускника на рынке труда как индикатор эффективной деятельности современного вуза // Журн. социол. и соц. антропологии. — 2008. — Т. 11. — № 1. — С. 191–200.

3. Лунева М.Н. Взаимодействие субъектов рынка труда и субъектов рынка образовательных услуг // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2012. — Т. 166. — С. 571–577.

4. Работодатели и система высшего образования (по данным Левада-центра) // Вопр. образования. — 2013. — Т. 1. — С. 174–182.

5. Черемискина Е.В. Инновационный подход к определению рейтинга вуза // Инновации в непрерывной образовании. — 2012. — № 5. — С. 66–71.

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛИГРАФА КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Р. С. Иванов

Аннотация: в статье автор рассматривает криминалистические исследования с применением полиграфа как системную меру предупреждения, выявления и пресечения экстремизма. Публикуемая работа представляет практический интерес для полиграфологов, занимающихся кадровой работой, оказывающих содействие в расследованиях или служебных разбирательствах, а также участвующих в судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: криминалистические исследования с применением полиграфа, противодействие экстремизму, криминалистическая профилактика, выявление и пресечение экстремистской деятельности.

Summary: in article the author considers criminalistic researches in which polygraph detectors are used as a system way of prevention, revelation and suppression of extremism. The published work is of practical interest to polygraph examiners who are engaged in personnel management, assist in investigations or of- fice examinations, and also participate in forensic-expert activity.

Keywords: criminalistic polygraph researches, counteraction to extremism, criminalistic preventive measures, revelation and suppression of extremist activity.

Распространение экстремизма в Российской Федерации является одним из факторов, угрожающих национальной безопасности и целостности государства. Экстремизм играет роль

одного из главных элементов разрушения основ конституционного строя. К сожалению, проявления экстремизма все еще могут восприниматься гражданами как вполне допустимый инструмент политического воздействия.

В настоящее время проявления экстремизма ощущаются практически во всех сферах общественной жизни: политике, межнациональных и межконфессиональных отношениях, культуре. Экстремизм носит многогранный характер, а потому выступает дестабилизирующим фактором в жизни государства и общества. Кроме того, экстремизм находится в тесном соотношении с терроризмом. Необходимо согласиться с мнением С.Б. Целиковского, что терроризм выступает как предельное проявление экстремизма [9, с. 124].

Понятие экстремистской деятельности (экстремизма) подробно определено в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4]. С.Н. Фрединский понимает под экстремизмом «социальное системное явление, в рамках которого объединенные на основе общих политических, идеологических, национальных, религиозных, расовых, социальных, экологических, экономических взглядов и убеждений представители последних совершают, движимые экстремистскими побуждениями, противоправные действия, направленные на насильственное распространение таких взглядов и искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых ими» [5].

Нередко экстремизм рассматривается в свете политической деятельности. В 2003 г. Парламентская ассамблея Совета Европы дала определение понятию «экстремизм» — «это такая форма политической деятельности, которая, прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии».

Традиционно противодействие экстремизму осуществляется по основным направлениям: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций и физических лиц.

Нередки случаи, когда экстремистский мотив совершения преступления устанавливается только после задержания виновного и тщательного расследования всех обстоятельств совершения преступления. В этом заключается основная опасность экстремистских проявлений. Иногда обычная бытовая драка в местах отдыха может привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до массовых беспорядков на межэтнической или межконфессиональной почве. Таким образом, в современных условиях определенную трудность в выявлении преступлений экстремистского характера вызывает то обстоятельство, что субъективная сторона данного преступления характеризуется не только виной в виде прямого умысла, но и дополнительными признаками — специальными мотивами, уяснение которых является предметом доказывания

при расследовании и судебном рассмотрении дел об экстремизме. Законом о противодействии экстремизму обозначен перечень этих мотивов: это идеологическая, политическая, расовая, национальная или религиозная ненависть либо вражда, а равно мотивы ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы [1].

Общие сведения о криминалистических исследованиях с применением полиграфа

Рост экстремистских настроений, наблюдающийся в последние годы в нашей стране, требует от общества, правоохранительных органов и спецслужб постоянного расширения и совершенствования методов и средств, применяемых при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности.

Одним из новых направлений в этой области является внедрение криминалистических исследований с применением полиграфа (КИПП) в правоприменительную практику федеральных ведомств России.

Интересно, что впервые в новейшей истории нашей страны в 1991 г. полиграф был применен в расследовании преступления именно экстремистского характера, в ходе следствия по уголовному делу об убийстве священника Александра Меня [8, с. 48].

1 марта 1993 г. в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (1992) применение полиграфа было легализовано Министерством юстиции РФ на территории страны [2, с. 13].

Часто полиграфы, применяемые при производстве КИПП, неверно именуют детекторами лжи. Необходимо подчеркнуть, что называть полиграф детектором лжи принципиально неверно — никакую ложь или правду сам полиграф не выявляет. Однако этот прибор, осуществляя регистрацию физиологических реакций, в совокупности с методикой обращения к психике человека и логическими правилами оценки регистрируемых реакций, которыми владеет полиграфолог, обеспечивает реализацию психофизиологического метода «детекции лжи» [3, с. 305].

Полиграф — это медико-биологический прибор, предназначенный для одновременной регистрации дыхания, активности сердечно-сосудистой системы, электрического сопротивления кожи человека, его речи и двигательной активности. На субъективно значимые стимулы организм человека проявляет индивидуальные изменения физиологических реакций по принципу «стимул-реакция» (S-R) — универсальному определению для явлений, гипотетических механизмов и общих теорий, основывающихся на отношении между стимулом и связанной с ним реакцией. Чем выше для исследуемого лица значимость стимула, тем более выраженные физиологические реакции регистрирует полиграф.

В ходе производства КИПП на компьютерном полиграфе специальное программное обеспечение осуществляет запись полиграммы — графического отображения динамики физиологических процессов человека в ответ на предъявляемые ему стимулы.

С целью выявления субъективной значимости для человека каких-либо

вопросов и определения причинно-следственной связи между ними и реакциями, возникающими в ответ на их появление, эти вопросы (или иные стимулы) формулируют специальным образом и по определенной организационно-логической структуре группируют в наборы, именуемые вопросниками или тестами. Каждый вопросник предъявляется исследуемому лицу 3–6 раз. Из тестов формируется вся программа тестирования на полиграфе. Этот этап является творческой частью подготовки к тестированию и требует от полиграфолога хороших знаний теории и технологии КИПП.

После предъявления вопросника специалист анализирует его полиграммы. По выраженности и устойчивости индивидуальных физиологических реакций, их соотношению внутри теста, свидетельствующему о субъективной значимости каждого стимула для исследуемого, полиграфолог приходит к суждению о том, что зарегистрированные реакции связаны с тем, что у человека имеется/отсутствует в памяти информация об интересующем событии в прошлом.

По оценке отечественных и зарубежных специалистов достоверность результатов, полученных в результате применения КИПП, проводимых опытными полиграфологами, является весьма высокой и составляет не менее 90% [7, с. 38].

Исследование на полиграфе проводится исключительно на добровольной основе. Данный принцип является основополагающим. Он определяется не только морально-этическими причинами и необходимостью соблюдения прав и свобод человека, но и технологией криминалистических исследований с при-

менением полиграфа. Согласно установленным в мировой практике правилам, полиграфолог информирует человека, что последний в любой момент может прервать тестирование и отказаться от дальнейшего участия в этой процедуре.

Традиционно КИПП применяют для решения двух видов задач:

1. С целью криминалистической профилактики правонарушений в интересах отбора и расстановки кадров (ОРК). Это так называемые скрининговые задачи (от англ. screen — просеивать, проверять на благонадежность).

2. С целью получения информации в ходе различного рода расследований (служебных разбирательств, оперативно-розыскной деятельности, экспертных исследований).

Профилактика экстремистской деятельности

Противодействие экстремистской деятельности заключается в принятии профилактических мер, направленных на предупреждение экстремизма, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности.

Традиционно важную роль в профилактике правонарушений экстремистского характера играет применение полиграфа в интересах ОРК. Известно, что деяния противоправного характера или совершенные преступления накладывают отпечаток на человека и формируют определенный стереотип его поведения, который в ряде случаев прямо указывает, какое поведение при таких же или сходных условиях можно ожидать от этого человека в будущем [3, с. 315].

При оформлении человека на работу отделы кадров и службы безопасности организаций отмечают, что многие факты из жизни практически любого кандидата, связанные с экстремистской деятельностью, не могут быть вскрыты ни путем опроса его бывших работодателей, ни проверками по учетам, ни во время проводимого собеседования: бывший работодатель в лучшем случае может рассказать о работавшем у него служащем лишь то, что было замечено за ним во время работы, но он ничего не сможет сказать о негативных поступках своего бывшего сотрудника, если последний не был в них уличен; органы охраны правопорядка не могут сказать, что конкретный человек не совершил действий экстремистского характера: их заключение «по учетам не проходит» означает лишь, что тот не был задержан на месте преступления и не привлекался к уголовной ответственности за экстремизм; и наконец, каким бы длительным ни было собеседование с глазу на глаз, представителю службы безопасности никогда не удастся выяснить компрометирующие кандидата факты биографии, если последний умело их скрывает. Единственный человек, кто знает о кандидате все, — это он сам [6, с. 6–7].

Опыт показывает, что КИПП в целях криминалистической профилактики правонарушений, в том числе экстремистского характера, в зависимости от конкретных условий и требований работодателя следует применять в трех ситуациях:

1. При изучении кандидатов в ходе найма на работу.

2. При периодических (плановых) проверках работающего персонала.

3. При выборочных (внеплановых) проверках работающего персонала.

Применение КИПП в целях отбора и расстановки кадров получило значительное распространение в правоохранительных органах и спецслужбах России, и признается вполне обоснованным, не вызывает возражений в обществе и воспринимается с пониманием кандидатами на службу.

Однако помимо силовых структур, общество располагает обширной инфраструктурой своего жизнеобеспечения, отдельные отрасли которой связаны с эксплуатацией опасных производств, особо важных или режимных объектов: атомные электростанции, гидроэлектростанции, теплоэлектроцентрали, аэропорты, железнодорожные вокзалы и т. п. Понятно, что нарушение нормального функционирования таких отраслей создает угрозу безопасности государства и благополучию широких слоев населения. В связи с этим работающий в этих отраслях персонал требует не меньшей строгости отбора и контроля, чем в правоохранительных органах.

В ходе скринингового КИПП можно успешно выявлять у исследуемых лиц скрываемые в прошлом действия экстремистского характера:

1. Действия в прошлом с целью насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации.

2. Публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность.

3. Деятельность, связанная с возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

4. Пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности

человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

5. Действия, нарушающие права, свободы и законные интересы человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

6. Пропаганда и публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций.

7. Публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения.

8. Финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

9. Практика применения КИПП в целях ОРК подтвердила эффективность выявления в прошлом исследуемых лиц действий, связанных с экстремизмом.

Расследование правонарушений экстремистского характера

За прошедшие годы криминалистические исследования с применением полиграфа уверенно вошли в арсенал средств борьбы с преступностью. Ана-

лиз опыта применения полиграфа при расследовании преступлений экстремистского характера с позиции криминалистической практики позволил выявить три группы ситуаций, при которых производство КИПП в условиях проведения оперативно-розыскной деятельности является наиболее целесообразным:

1) у органа оперативно-розыскной деятельности, следствия или дознания отсутствует возможность получения необходимой для расследования преступления информации, минуя конкретно-го человека;

2) получение необходимой информации возможно традиционными криминалистическими или оперативно-розыскными методами, но для этого требуются значительные материальные затраты;

3) получение необходимой информации возможно традиционными криминалистическими или оперативно-розыскными методами, но для этого требуются значительные временные затраты.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности по выявлению, предупреждению и пресечению экстремистской деятельности проведение криминалистических исследований с применением полиграфа позволяет:

1. Получать от исследуемого лица фактические данные об обстоятельствах расследуемого преступления, которые имеют значение для своевременного проведения оперативно-розыскных мероприятий или существенно расширять доказательную базу.

2. Конкретизировать действия исследуемых лиц или устранить в ходе расследования противоречия.

3. Обнаружить неизвестную органу оперативно-розыскной деятельности информацию о преступлениях, совершенных исследуемым лицом.

4. Воспользоваться полученными в ходе КИПП результатами и продемонстрировать исследуемому лицу обнаружение скрываемой им информации и тем самым побудить данное лицо к даче признательных показаний [3, с. 313].

Эффективность применения полиграфа в оперативно-розыскной деятельности побуждала криминалистов к поиску путей использования результатов КИПП в следственной деятельности в процессуальных условиях, и за прошедшее время был накоплен значительный опыт такого использования. При этом приобщение результатов исследования к материалам уголовных дел происходит различными путями. В одних случаях следователь дает органу дознания поручение на проведение КИПП в форме оперативно-розыскного мероприятия «опрос с использованием полиграфа» (ОИП) и полученные результаты приобщает к делу в виде выписок из справки по ОИП. В других случаях сначала к материалам уголовного дела приобщается справка полиграфолога, а затем проводится его допрос о результатах ОИП и научно-прикладных основах анализа зарегистрированных психофизиологических данных. Может быть также допрошено исследуемое лицо с предъявлением результатов КИПП.

Придавая результатам ОИП статус «иных документов», в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, следователи в дальнейшем используют их в качестве доказательств, что в последующем находит

отражение в обвинительных заключениях по уголовным делам экстремистской направленности.

В 2001 г. экспертами государственного судебно-экспертного учреждения Института криминалистики ФСБ России по инициативе военной прокуратуры впервые в стране КИПП было проведено в форме судебно-психологической экспертизы с применением полиграфа (СПфЭ). В 2008 г. Ю.И. Холодный выразил мнение, что исследование с применением полиграфа в форме судебно-психологической экспертизы является наиболее перспективным для процессуальной практики [3, с. 314]. Этот прогноз оказался верным: к концу 2013 г. в различных регионах России уже проведены сотни СПфЭ. Результаты многих из них были признаны доказательствами судами различных инстанций.

Однако следует признать, что применение полиграфа лишь одна из мер, позволяющих повысить эффективность мероприятий по выявлению, предупреждению и пресечению экстремистских действий на территории России. Существенным условием борьбы с экстремистскими тенденциями в обществе является создание единой общегосударственной политики противодействия экстремизму, которая позволит скоординировать действия российского общества. В связи с этим чрезвычайно важно развивать идеологию толерантности, межнационального согласия, поиска национальной идеи, консолидирующей наше общество, объединяющей все народы многонационального Рос-

сийского государства, бережного и уважительного отношения к культуре каждого народа.

Важнейшим инструментом противодействия экстремизму в молодежной среде выступает патриотическое воспитание, которое прививает уважение к государству и всем гражданам страны.

Литература

1. *Гаврилова Т.В.* Актуальные проблемы выявления экстремистских преступлений на современном этапе // Сайт Северо-Кавказского агентства детекции лжи. — URL: <http://polygraph-na-donu.ru/article/52-ekstremizm.html> (дата обращения: 02.09.2013).
2. *Иванов Р.С.* Организационно-методические основы судебно-психологической экспертизы с применением полиграфа // Юрид. психология. — 2013. — № 2. — С. 13–19.
3. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова М.: Закон и право, 2008.
4. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.
5. *Фридинский С.Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 42 с.
6. *Холодный Ю.И.* Правовые аспекты применения полиграфа при работе с кадрами // Политика. Власть. Безопасность. Бизнес. — 2005. — № 72. — С. 6–13.
7. *Холодный Ю.И.* Прикладные возможности проверок на полиграфе // Полиграф в России 1993–2008: ретроспектив. сб. науч. ст., посвященный 15-летию применения полиграфа в РФ. — М.: Изд-во МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2008. — С. 36–40.
8. *Холодный Ю.И.* Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. — М., 2000.
9. *Целиковский С.Б.* О психологических и идеологических предпосылках радикализма, экстремизма, терроризма // Научные ведомости БелГУ. — Сер. Гуманитарные науки. — 2009. — № 14. — Вып. 4/1. — С. 123–129.

ТИПОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СТИЛЕЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ В РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

А.В. Демьяненко

Аннотация: обоснована проблема стилей семейного воспитания; раскрыты психологические особенности стилей, динамики воспитания подростков в семье. Выявлены стили воспитания детей подросткового возраста в иранских семьях. Среди основных: авторитарный, демократический, либеральный и попустительский.

Ключевые слова: подростковый возраст, семейное воспитание, стиль семейного воспитания, типология стилей семейного воспитания, тегеранская, ширазская психологические школы, кросс-культурное исследование.

Summary: has been grounded the problem of the family upbringing styles, opened their psychological specifics and the dynamic of the teenager treatment inside the family system. Has been revealed iranian family upbringing styles. Among main of them are: authoritarian, democratic, liberal and connivance.

Keywords: teen age, family upbringing, family upbringing style, tehran and shiraz psychological schools, cross-cultural research.

Исследование психологических особенностей семейного воспитания подростков в Республике Иран актуализировало проблему стилей семейного воспитания, которые являются определяющими для развития и результативности воспитательного процесса личности в подростковом возрасте. Этим обусловлена и цель статьи — выявление и обо-

снование ведущих стилей воспитания в иранских семьях.

Отметим, что проблема родительского воспитания издавна разрабатывалась представителями известных мировых психолого-педагогических направлений, в частности, бихевиористского (А. Бандура, Б.Ф. Скиннер, Дж. Уотсон и др.), гуманистического (Ш. Бюллер, А. Маслоу, Р. Мэй, Г. Олпорт, К. Роджерс, В. Франкл и др.), психоаналитического (А. Адлер, Э. Берн, Д. Боулби, Ф. Дольто, М. Эйнсворт, Э. Эриксон, Э. Фрейд, Э. Фромм, В. Шутц и др.).

Среди украинских и российских исследователей этой проблематики можно выделить таких ученых, как А. Личко, С. Соловейчик (модели ложного семейного воспитания), Э. Эйдемиллер (проблемы внутрисемейного общения), И. Дубровина (отклонения в семейном воспитании), И. Бех, М. Боришевский, В. Вишневский, О. Кононко (особенности влияния внутрисемейных взаимоотношений на формирование и развитие детской личности), Т. Алексеенко, О. Доукина, Т. Кравченко, В. Постовий, О. Хромова и др. (воспитательные возможности семей различных типов, особенности способов предупреждения и преодоления негативных проявлений в отношениях родителей и детей).

В разнообразии авторских подходов первое место занимает личность ребенка, влияния, которые она испытывает, ее внутренние переживания. В других случаях в центре внимания исследовате-

лей — один из родителей, его ведущая роль и трудности во взаимодействии с ребенком. В частности, в психоаналитических и бихевиористских теориях ребенок представляется скорее объектом родительских усилий, существом, которое подлежит социализации, дисциплинированию, адаптации к жизни в обществе. Гуманистический подход предполагает помощь родителей в индивидуальном становлении ребенка, что отражается в стремлении родителей к эмоциональной близости, пониманию, чуткости в отношениях с детьми. Воспитание рассматривается как взаимодействие, совместная деятельность по изменению обстоятельств жизни, собственной личности, а следовательно, личности другого человека. С этих позиций только уважительный, доверчивый, но одновременно и требующий ответственности, стиль семейного воспитания может привести к оптимальному формированию личности ребенка.

В основном типология стилей семейного воспитания формируется в традициях двух подходов — клинического и аналитического. Первый базируется на клиническом наблюдении. В рамках клинического подхода известная типология принадлежит С. Броуди (1956). Она включает в себя 4 типа материнского отношения: 1) органическое приспособление матери к потребностям ребенка; 2) сознательное и часто неуспешное приспособление к потребностям ребенка; 3) отсутствие большого интереса к ребенку; 4) непоследовательное отношение. Последний тип, по мнению С. Броуди, вреден для ребенка, поскольку непредсказуемость материнских реакций лишает ребенка стабильности и провоцирует у него повышенную тревожность

[3]. В рамках аналитического подхода, где стили воспитания исследуются с помощью тестов и опросников, наиболее известными являются работы таких зарубежных авторов, как E.S. Shaefer, R.A. Bell (1958), A. Roc, M. Siegelman (1969). Ими созданы опросники по исследованию родительского отношения. Например, опросник PARI, авторы которого (E.S. Shaefer и R.A. Bell) выделили два фактора, определяющих структуру родительского отношения: *эмоциональный* (принятие — эмоциональное пренебрежение) и *поведенческий* (автономия — контроль) [5].

По мнению И.М. Марковской, большинство авторов выделяют следующие параметры взаимодействия родителей с ребенком: автономия — контроль (Р.А. Белл, С. Броуди, Е. Маккоби, Е.С. Шефер, В. Шутц); пренебрежение — принятие (А.Я. Варга, А.И. Захаров, Д.И. Исаев, В.А. Петровский, М.В. Полевая, А. Рос, М. Сигельман); требовательность (О. Коннер, Э. Маккоби, П. Слатер); уровень эмоциональной близости, привязанности (Дж. Боулби, Г.Т. Хоментаскас, В. Шутц); строгость (Э. Маккоби, П. Слатер); непосредственность — последовательность (С. Броуди, Е. Маккоби, В.-Х. Севелл) [4].

Иранские психологи, определяя стили отношений родителей и детей, традиционно опираются на четыре основных: авторитарный, демократический, либеральный и попустительский. В то же время представитель психологической школы ширазского университета (Иран, г. Шираз) А. Махмуди отмечает, что родители в семье не всегда практикуют одинаковый стиль воспитания. Отец, как правило, более жесткий и авторитарный, по сравнению с матерью,

поэтому отец и мать могут взаимно дополнять, а могут и подрывать воспитательный авторитет друг друга.

Авторитарный тип воспитания — это тип, в рамках которого предлагаемая воспитательная система претендует на роль последней истины. В таком типе воспитания доминирует требование, а принуждение выступает основным путем передачи социального опыта детям. Степень принуждения определяется тем, насколько ребенку предоставляется право выбирать семейные ценности, нормы поведения, правила общения, ценности религии. В деятельности родителей доминирует стремление общей опеки, безошибочности, всезнания [10]. По мнению С. Нассери, авторитарный стиль характеризуется высокой централизацией руководства, доминированием единоначалия. В этом случае отец единолично принимает и отменяет решения, большинство вопросов по проблемам обучения и воспитания ребенка решает лично. Предпочтительные методы управления деятельностью детей — приказы, отдаваемые в жесткой и мягкой форме; в последнем случае в виде просьбы, которую нельзя не выполнить. Авторитарный отец всегда очень строго контролирует поведение детей и отличается особой требовательностью к четкости выполнения указаний. Инициатива детей не поощряется или воспринимается в строго определенных пределах [11].

В целом в исследованиях тегеранской психологической школы (А.-Р. Барзигяр, С. Нассери) отмечается, что дети авторитарных родителей закрытые и робкие, совсем или почти не стремятся к независимости. Обычно они мрачные, неприветливые и раздражительные.

В подростковом возрасте эти дети, особенно мальчики, могут чрезвычайно бурно реагировать на запреты и наказания, в атмосфере которых они росли, выражая протест через проявление непослушания и агрессию. Девочки же чаще остаются пассивными, зависимыми.

Авторитарный стиль (в этом утверждении иранские психологи не являются оригинальными) вызывает отчуждение от родителей, чувство незначительности и нежелательности в семье. Родительские требования, кажущиеся обоснованными, вызывают либо протест и агрессию, либо апатию и пассивность. В то же время чрезмерная терпимость родителей порождает у подростка ощущение ненужности и мешает формированию у него ответственной зависимости. Пассивные, незаинтересованные родители также не могут быть предметом подражания и идентификации, а другие влияния — школа, сверстники, СМИ — не заполняют этот пробел, что лишает ребенка надлежащего руководства и ориентации в сложном и меняющемся мире. Вследствие ослабления родительского начала, как и его гипертрофии, порождается личность со слабым «Я». Обе эти крайности нарушают процесс социализации, затрудняя переход детей от родительской опеки к независимости и установление дружеских отношений со сверстниками.

Демократический стиль, как считают иранские исследователи М. Борджали и М. Самади, может на практике реализоваться в системе следующих метафор: «равный среди равных» и «первый среди равных». Первый вариант — это стиль отношений между родителями и детьми, в рамках которого отец или мать в основном выполняют необходимые обязанно-

сти по координации действий ребенка в организации ее учебной деятельности, самообразования, досуга и т. д., учитывая интересы ребенка и его собственное мнение, согласовывая с ним на правах «взрослого» все вопросы и проблемы. Вторая позиция реализуется в отношениях между родителями и подростком, в которых доминирует высокая культура содеятельности, большое доверие к ребенку и уверенность в правильности его суждений, действий и поступков. В этом случае родители признают право ребенка на автономию и свою задачу видят в координации его самостоятельных действий, оказании помощи в случае личного обращения подростка с соответствующей просьбой [9].

Т. Пир (представительница зарубежного течения иранской психологии) констатирует, что лучшие отношения подростков с родителями складываются обычно тогда, когда родители придерживаются демократического стиля воспитания. Этот стиль в наибольшей степени способствует воспитанию самостоятельности, активности, инициативы и социальной ответственности. Поведение ребенка направляется в этом случае твердо, последовательно и вместе с тем гибко и рационально: родитель (мать) всегда объясняет мотивы своих требований и поощряет их обсуждение подростком; власть используется лишь в случае необходимости; в ребенке ценится как послушание, так и независимость, родители устанавливают правила и твердо внедряют их в жизнь, прислушиваясь к мнению ребенка, но исходя не только из его желаний. Было выявлено, что дети демократических родителей адаптированы лучше. По сравнению с другими детьми, они более увере-

ны в себе, полностью себя контролируют и социально компетентны. Со временем у них развивается высокая самооценка, а в школе они учатся гораздо лучше, чем дети, воспитанные родителями с другими стилями воспитательного поведения [12].

В отличие от официальной иранской психологии, где главные исследования направлены на изучение возможностей и преимуществ демократического стиля воспитания и общения в семье, в центре большинства украинских и российских психологических научных изысканий находятся типы родительских отношений, вызывающие нарушения и отклонения в нормальном развитии личности подростка. Так, В.И. Гарбузов и его соавторы выделяют три типа неправильного воспитания:

тип А — «неприятие»: 1) чрезмерная требовательность, жесткая регламентация и контроль, подавление врожденного типа реагирования с императивным навязыванием единственно возможного типа поведения ребенка; 2) недостаточность контроля на почве равнодушного попустительства. Считается, что такой тип поведения обусловлен рядом факторов — нежелательным ребенком по полу, его рождением в неблагоприятное время или в период конфликта между родителями. Неприятие может обуславливаться недооценкой психофизических данных ребенка или наличием реальных недостатков;

тип Б — «гиперсоциализация» на почве тревожности родителей по поводу ребенка и других членов семьи, социального статуса ребенка среди сверстников, особенно его успехов в учебе. Подобное воспитание приводит к чрезмерной защите и гиперсоциальности с ран-

ним многопрофильным обучением ребенка, а также ранним информационным перегрузкам;

тип В — «эгоцентрическое воспитание» наблюдается в семьях с низким уровнем ответственности, когда ребенку, часто единственному и долгожданному, навязываются представления о его собственной ценности для окружающих: «кумир», «единственный», «маленький», «смысл жизни». При этом нередко интересы окружающих приносятся в жертву ребенку [1].

Определенные параметры стилей семейного воспитания определяет А.И. Захаров: интенсивность эмоционального контакта родителей в отношении детей — гиперопека, опека, принятие, непринятие; параметр контроля — разрешительный, ситуативный, ограничительный; последовательность — непоследовательность; тревожность — равнодушие. Модификации сочетаний этих параметров соотносятся автором с различными видами неврозов у детей [2].

Одной из наиболее употребляемых считается типология Э.Г. Эйдемиллера. В ее основе лежат различные отклонения от воспитания и причины, их обуславливающие. Устойчивые сочетания этих черт воспитания, по мнению автора, представляют тип негармоничного семейного воспитания, в частности: 1) попустительская гиперпротекция — подросток в центре внимания семьи, стремящейся максимально полно удовлетворить его потребности; 2) доминирующая гиперпротекция — подросток в центре внимания родителей, отдающих ему много времени и сил, одновременно лишая его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты; 3)

эмоциональное отторжение — игнорирование потребностей подростка, нередко жестокое отношение к нему, в крайнем случае — воспитание по типу «золушки»; 4) повышенная моральная ответственность — в воспитании сочетаются повышенные моральные требования к подростку с невниманием и недостаточной заботой со стороны родителей; 5) жестокое обращение — родители не стремятся удовлетворить потребности ребенка, но при этом практикуют жестокие наказания за малейшие провинности; 6) гипопротекция — подросток существует сам по себе, родители не интересуются им и не контролируют его действия. Представленная типология учитывает особенности характера родителей и их личностные проблемы, решаемые ими за счет ребенка. Следовательно, к основным психологическим причинам отклонений в семейном воспитании относятся: расширение сферы родительских чувств; предпочтение детских качеств подростка; воспитательная неуверенность родителей; фобия потери ребенка; неразвитость родительских чувств; проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; вынесение конфликта супругов в сферу воспитания; смена установок родителя по отношению к ребенку в зависимости от его пола [6–8].

Тегеранская психологическая школа (Иран, Тегеранский университет) основу понимания взаимоотношений подростков с родителями видит в изучении возрастного изменения механизма отношений «родители — дети» и связанных с этим представлений ребенка о матери и отце. В глазах ребенка они выступают в нескольких ипостасях: как источник эмоционального тепла и поддерж-

ки, без чего ребенок чувствует себя незащищенным и беспомощным; как власть, директивная инстанция, распорядитель благ, наказаний и поощрений; как образец, пример для подражания, воплощение мудрости и личностных человеческих качеств; как старшие друзья, которым можно доверять. Соотношение этих функций и психологическая значимость каждой из них с возрастом меняется. Как отмечает Р. Резаи, в основе эмоциональной привязанности ребенка к родителям первоначально находится зависимость от них. Мать в этом отношении, конечно, кажется детям ближе, чем отец. По мере роста самостоятельности, особенно в переходном возрасте, эта зависимость начинает тяготить ребенка. И вовсе плохо, когда ему не хватает родительской любви [13]. Речь здесь идет о попустительском стиле родительского поведения, как отмечает М. Самади, он обычно свидетельствует об отсутствии всяческих отношений: отстраненность и отчужденность членов семейного союза, полное безразличие к делам и чувствам другого. Худший вариант, когда попустительство сопровождается открытой неприязнью родителей, тогда ребенка ничто не удерживает от проявления разрушительных импульсов. Исследования несовершеннолетних правонарушителей показывают, что во многих случаях эти дети воспитывались в семьях, где попустительство сочеталось с враждебностью [14]. Однако есть и вполне достоверные данные о том, что избыток эмоционального тепла тоже вреден как для мальчиков, так и для девочек. Это осложняет формирование внутренней автономии подростка и порождает устойчивую потребность в опеке, зависимость как черту характера.

Либеральный стиль воспитания (невмешательство) характеризуется отсутствием активного участия родителей в управлении процессом обучения и воспитания подростка. Большинство детей, даже важные дела и проблемы, решают без их активного участия и руководства. Для выполнения любой работы таким родителям нередко приходится уговаривать своих детей. Они решают в основном те вопросы, которые незрелают сами по себе, а деятельность, поведение ребенка контролируют от случая к случаю. Детям предоставляется избыток свободы при незначительном руководстве родителей, не устанавливаются никакие ограничения. В целом такие отец и мать отличаются низкой требовательностью и слабой ответственностью за результаты воспитания. Хотя подобное поведение родителей противоположно гипертрофированным запретительным тенденциям, оно не обязательно приводит к противоположным результатам: дети либеральных родителей тоже могут быть непослушными и агрессивными. К тому же они склонны потакать своим слабостям, импульсивны и часто не умеют вести себя среди людей. Только в редких случаях они становятся активными, решительными и творческими людьми.

Итак, иранские психологи определяют по восходящей четыре основных стиля родительского воспитания: авторитарный, демократический, либеральный и попустительский. В целом, как считают представители тегеранской и ширазской психологических школ (А.-Р. Барзигяр М. Борджали, Р. Резаи, М. Самади), ни один из приведенных стилей не может проявляться в чистом виде. Кроме того, применение только демократи-

ческого стиля не всегда бывает эффективным. В каждой семье, в зависимости от ситуации и обстоятельств, могут применяться различные стили воспитания. При этом многолетняя практика формирует индивидуальный стиль воспитания, который характеризуется относительной стабильностью и имеет незначительную динамику.

Литература

1. *Гарбузов В.И.* Воспитание ребенка. — М.; СПб.: АСТ; Дельта, 1997. — 432 с.
2. *Захаров А.И.* Происхождение детских неврозов и психотерапия / А.И. Захаров. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 448 с.
3. *Кошлань И.Г.* Психологические особенности эмоциональности подростков и стили семейного воспитания: дис. ... канд. психол. наук. — Одесса, 2005. — 245 с.
4. *Марковская И.М.* Тренинг взаимодействия родителей с детьми. — СПб.: Речь, 2002. — 150 с.
5. *Рогов Е.И.* Настольная книга практического психолога: учеб. пособие: в 2 кн. — М.: ВЛАДОС, 2001. — Кн. 1. — 384 с.
6. *Эйдемиллер Э.Г.* Методы семейной диагностики и психотерапии: метод. пособие. — М.: Фолиум, 1996. — 63 с.
7. *Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия: учеб. пособие для врачей и психологов. — СПб.: Речь, 2003. — 336 с.
8. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. — СПб.: Питер, 2000. — 656 с.
9. *Borjali M.* World's best father. — Tehran: Tehran University Press, 2007. — 321 с.
10. *Mahmoodi A.* Family treatment and interaction styles. — Shiraz: Shiraz University, 2007. — 205 p.
11. *Nasseri S.* Iranian family and psychological analysis. — Tehran: Psychological literature center, 2009. — 195 p.
12. *Pir T.* Mixed culture families comperative analysis. — NY: New York psychology publishment, 2010. — 97 p.
13. *Rezaei R.* Teenager while growing inside the family system. — Tehran: Tehran University Press, 2007. — 55 p.
14. *Sammadi M., Borjali M.* Abnormal family upbringing: psychological help and treatment // Shiraz University Psychological Journal. — 2011. — № 7. — С. 83–97.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СЛУЖЕНИЯ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Н. Е. Шафажинская

Аннотация: традиционная культура воина-защитника нашла свое отражение и воплотилась в подвигах казачества в наиболее сложные периоды российской истории. Образцы государственной и военно-патриотической деятельности российского казачества должны быть представлены в системе его непрерывного образования и общей гуманитарной подготовки.

Ключевые слова: российское казачество, непрерывное образование, государственная деятельность, военно-патриотическая деятельность, воинская культура, культура казачества, духовное развитие, служение.

Summary: traditional culture of the soldier defender I found the reflection and it was embodied in feats the Cossacks during the most difficult periods of the stories. Samples of the state and voyenno-patriotic activity the Russian Cossacks have to be presented in system of its continuous education and the general humanitarian preparation.

Keywords: Russian Cossacks, continuous education, state activity, military patriotic activity, military culture, culture of the Cossacks, spiritual development, service.

Непрерывное образование российского казачества, в соответствии с основными положениями принятой Концепции, рассматривается как инструмент социально-экономического, государственно-политического и духов-

ного развития территорий с компактным проживанием казачества и собственно казачьих сообществ [8]. Кроме того, система непрерывного образования казачьих учебных заведений, включающих казачий компонент. В связи с этим целесообразно кратко коснуться содержания феномена казачества. Существует, как известно, ряд определений понятия «казачество», в котором отражены этнокультурные, социально-психологические и государственно-политические аспекты этого сложного явления. В целом, обобщая ряд подходов, можно охарактеризовать казачество как сложившуюся за длительный период своего исторического развития общность людей, отличающуюся самобытной традиционной культурой и комплексом неповторимых этнопсихологических, социокультурных особенностей.

В процессе эволюции традиционной культуры казачества формировались качества, которые принято считать отличительными чертами казака и которые в значительной мере сохранили свою жизнеспособность в настоящее время, — это развитое чувство личного достоинства, индивидуальной свободы, глубокой ответственности за судьбу Отечества, своего войска, станицы, семьи; трудолюбие и хозяйственность, владение воинскими навыками, дисциплина, любовь к родной земле, уважение к старшим, почитание обычаев и заветов предков.

Анализируя феномен российского казачества, важно помнить, что прежде всего это *военное сословие*, состоящее из представителей населения ряда российских местностей, пользовавшихся особыми правами и преимуществами на условиях обязательной и общей воинской повинности. Таким образом, казачество представляет собой традиционно военное полупривилегированное сословие, благодаря которому осуществлялась эффективная защита границ государства. Несмотря на сложные и противоречивые трансформации в социальной направленности и действиях казачества в ранние периоды его истории, данные аргументы позволяют охарактеризовать сложившуюся на протяжении веков своеобразную воинскую культуру российского казачества как *традиционную культуру воина-защитника*. В современной России казачество, учитывая его ярко выраженное государственное начало, становится значимой и признанной силой, направленной на решение общественных интересов не только местного, но и общегражданского, государственного значения.

В Стратегии развития российского казачества до 2020 г. акцентируется положение о том, что «стратегической целью государства является развитие российского казачества и усиление его роли в решении государственных задач» [11, с. 4]. Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул: «Особо хочу сказать о казачестве. Сегодня к этому сословию себя относят миллионы наших сограждан. Исторически казаки находились на службе у Российского государства, защищали его границы, участвовали в боевых походах Русской Армии. После революции 1917 года каза-

чество было подвергнуто жесточайшим репрессиям, по сути — геноциду. Однако казачество выжило, сохранив свою культуру и традиции. И задача государства — всячески помогать казакам, привлекать их к несению военной службы и военно-патриотическому воспитанию молодежи» [9].

Государство поддерживает стремление казаков возродить исконный уклад жизни, самобытные, исторически сложившиеся культурные традиции и духовные ценности, информация о которых — как следствие данной политики — должна, по нашему убеждению, стать полноправным учебно-воспитательным компонентом образовательной системы российского казачества всех уровней, включая высшую школу. С целью обоснования и аргументации данного утверждения считаем необходимым привлечение фактологического материала, иллюстрирующего изложенное. В качестве актуальной проблематики одного из образовательных модулей выступает изучение аспектов, отражающих представленность казачества и его вклад в развитие государственной, военно-политической и патриотической культуры нашей страны в новейшую эпоху.

Великая Отечественная война 1941 г., как известно, стала одним из всемирно значимых событий XX столетия. В этот тяжелейший период для Советского Союза казачество, по верному определению атамана «Союза казаков России» П.Ф. Задорожного, «забыло прошлые обиды (это и расказачивание, это и раскулачивание, это и поражение до 1936 г. в правах), и вместе со всем советским народом поднялось на защиту своей Родины» [7]. Свой ве-

сомый вклад в приближение Победы, совместно с другими видами и родами войск, внесли знаменитые *кавалерийские войска*, основу которых составляло казачество. Будучи участниками крупнейших воинских операций, с честью сражались до окончания войны 4-й Кубанский, 5-й Донской добровольческие казачьи корпуса; 9-я пластунская краснознаменная Краснодарская дивизия, десятки стрелковых и кавалерийских дивизий, сформированных в начале войны из казаков Дона, Кубани, Терек-ка, Ставрополя, Оренбуржья, Урала, Семиречья, Забайкалья и Дальнего Востока. Атаман П.Ф. Задорожный отмечает, что еще в самом начале войны на Дону, Кубани, Ставрополье развернулось массовое движение за создание в станицах добровольческих казачьих сотен. Повсеместно в казачьих районах страны шла запись добровольцев в кавалерийские части Красной Армии. Сталинградский обком ВКП(б) 11 июля 1941 г. принял постановление об образовании в сводном народном ополчении Донской казачьей кавалерийской дивизии. Такая дивизия была сформирована из добровольцев 21-го района Сталинградской области и получила наименование 15-й Донской казачьей кавалерийской дивизии, которую возглавил в те годы полковник С.И. Горшков (в 1944 г. генерал-лейтенант).

Сергей Ильич Горшков (1902–1993) — видный советский военачальник — родился на хуторе Ольшанка станицы Урюпинской Хопёрского округа области войска Донского в семье донского казака. Военное образование он получил на кавалерийских курсах (1921), в кавалерийской школе, а также в штабном отделе кавалерийских курсов усовер-

шенствования комсостава (1933) и на высших академических курсах при Военной академии РККА имени К.Е. Ворошилова (1946).

С началом Великой Отечественной войны дивизия под командованием С.И. Горшкова участвовала в приграничном сражении и обороне Киева, где Сергей Ильич был тяжело ранен. В ноябре 1941 г. он был назначен командиром 15-й казачьей кавалерийской дивизии СКВО. В июле 1942 г. эта дивизия была включена в состав Северо-Кавказского фронта, затем Черноморской группы войск Закавказского фронта и участвовала в Битве за Кавказ. За успешное выполнение заданий командования и героизм личного состава она была преобразована в 11-ю гвардейскую дивизию.

В боевой характеристике от 1 декабря 1943 г. подчеркивалось: «Гвардии генерал-майор Горшков Сергей Ильич в боях проявил себя грамотным, смелым, решительным, настойчивым и вел полки в бой, преодолевая сопротивление превосходящих сил противника... Дивизия под его командованием была преобразована в гвардейскую и награждена орденом Красного Знамени» [2]. Можно утверждать, что преемственность иконной, традиционной государственно-патриотической культуры казачества оказала влияние на выполнение воинского долга С.И. Горшковым и методы его руководства.

В октябре 1943 г. 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус принял участие в освобождении Левобережной Украины. Корпус в составе конно-механизированной группы под командованием С.И. Горшкова участвовал в Ясско-Кишинёвской, Дебреценской и Будапештской наступатель-

ных операциях, в освобождении городов Тыргу-Фрумос, Роман, Бакэу, Дебрецен, Ньиредьхаза, Мишколец. За отличие при освобождении Будапешта корпусу было присвоено почетное наименование «Будапештский». В Венской наступательной операции 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус освободил города Надьканижа, Ново (в конном строю), Фридберг и Фишбах.

И после окончания войны С.И. Горшков продолжал командовать корпусом, а с марта 1946 г. учился на Высших академических курсах при Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова. Находясь в отставке (с ноября 1946 г.), прославленный военачальник жил в городе Ростове-на-Дону и вел большую военно-патриотическую работу: возглавлял научное общество СКВО, был депутатом горсовета. В 1979 г. он был удостоен звания почетного гражданина города [3]. Знаменательным фактом в судьбе героя является то, что в рассказе К.С. Симонова «Сын Аксиньи Ивановны» прототипом полковника Вершкова послужил донской казак С.И. Горшков. Характеризуя военно-патриотическое служение казачества, отметим, что в Московской битве принимали участие 33 кавалерийские казачьи дивизии, а в ноябре 1941 г. в битве под Москвой родилась первая конная гвардия.

Наиболее значимым аспектом обсуждаемой темы, безусловно, является влияние личностного фактора в описываемых событиях и подвигах. Именно через личность, индивидуальное проявление человека в процессе его деятельности, служения, систему поступков мы имеем возможность проникнуть в сущность мотивации, системы ценностей и

смыслов того или иного субъекта. Особенно актуальными и показательными эти рассуждения представляются при оценке индивидуальных действий личности в экстремальных условиях, когда человек находится в состоянии сложнейшего экзистенциального выбора, цена которого — жизнь, честь, достоинство, судьба Отечества, родных, близких.

В связи с этим затронем тему героической и ставшей уже легендарной судьбы генерал-лейтенанта, сибирского казака **Дмитрия Михайловича Карбышева** (1880–1945), зверски замученного в фашистском концлагере, но морально не побежденного.

Представитель казачьего рода, выходец из дворян, Д.М. Карбышев, родился в Российской империи, городе Омске. В 1911 г. он с отличием окончил Николаевскую военно-инженерную академию и по распределению в чине штабс-капитана был направлен в Брест-Литовск на должность командира минной роты, где принимал участие в строительстве фортов Брестской крепости. Дмитрий Михайлович, представитель высокой воинской культуры и образованности, участвовал в Первой мировой войне с первого ее дня. Ему довелось воевать в Карпатах в составе 8-й армии знаменитого генерала А.А. Брусилова (Юго-Западный фронт), где он был дивизионным инженером 78-й и 69-й пехотных дивизий, затем начальником инженерной службы 22-го финляндского стрелкового корпуса. В начале 1915 г. Карбышев участвовал в штурме крепости Перемышль. За храбрость и отвагу он был награжден орденом Святой Анны и произведен в подполковники; в 1916 г. стал участником знаменитого Брусиловского прорыва.

В начале июня 1941 г. Дмитрий Михайлович был командирован в Западный Особый военный округ. Великая Отечественная война застала его в штабе 3-й армии в Гродно. В августе 1941 г. при попытке выйти из окружения генерал Карбышев был тяжело контужен в бою в районе Днепра, в Могилёвской области Белоруссии, и в бессознательном состоянии захвачен в плен [4]. Дмитрий Карбышев содержался в нескольких немецких концентрационных лагерях: Замосць, Хаммельбург, Флоссенбург, Майданек, Аушвиц, Заксенхаузен и Маутхаузен. Известно, что неоднократно от администрации лагерей он получал предложения о сотрудничестве, на которые как человек высочайшей чести и достоинства отвечал отказом. Надо сказать, что и в заключении генерал Карбышев был одним из активных руководителей лагерного движения сопротивления. Однако в ночь на 18 февраля 1945 г. в концлагере Маутхаузен (Австрия) он и около 500 других заключенных погибли после зверских пыток, а их тела были сожжены в печах концлагеря. Генерал Д.М. Карбышев стал символом несгибаемой воли и стойкости.

Дмитрий Михайлович Карбышев являлся высокообразованным военным специалистом, генерал-лейтенантом инженерных войск, профессором Военной академии Генерального штаба, доктором военных наук, профессором. За подвиг в Великой Отечественной войне он был удостоен звания Героя Советского Союза [10].

В контексте учебно-воспитательного процесса, включающего в себя материал о видных представителях военно-патриотической и государственно-политической культуры казачества,

считаем важным сделать акцент на личностных достижениях героев. Так, в плеяду героев войны и послевоенного периода, выдающихся деятелей военно-политической и государственной культуры из казачьих родов по праву входит и **Арсений Григорьевич Головки** (1906–1962) — выдающийся советский флотоводец, адмирал (1944), бессленный командующий Северным морским флотом во время Великой Отечественной войны.

Адмирал А.Г. Головки родился в станице Прохладная в семье казака — ветфельдшера и крестьянки Терской области, выходец из казаков Терского казачьего войска. С 1922 г. он учился на рабфаке в Ростове-на-Дону, а в 1925 г. приехал в Москву, чтобы поступать в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, но по комсомольскому набору был призван на флот. Образование Арсений Григорьевич получил в Военно-морском училище имени Фрунзе (1928), на специальных курсах комсостава (1931) и в Военно-морской академии (1938). В 1927 г. он был принят в ВКП(б).

Будущий адмирал прошел все этапы военно-морской подготовки: с 1928 г. он — вахтенный командир эсминца «Фрунзе» Морских Сил Черного моря; с 1929 г. — штурман группы канонерских лодок Каспийской флотилии; с мая 1931 г. — дивизионный минер эскадренных миноносцев на Балтийском флоте; с 1932 г. — флагманский минер бригады траления и заграждения; с января 1933 г. — начальник штаба отряда торпедных катеров особого назначения, затем командир бригады торпедных катеров Тихоокеанского флота. В 1936 г. А.Г. Головки поступил в Военно-морскую

академию, учеба в которой была на время прервана его участием в качестве добровольца в Гражданской войне в Испании, где он находился в должности советника командира военно-морской базы в порту Картахены. После возвращения Арсений Григорьевич продолжил и успешно завершил учебу в академии.

В течение 1938 г. он командовал дивизионом эсминцев Северного флота и был начальником штаба Северного флота, командующим Каспийской флотилией, а с июля 1939 г. — являлся командующим Краснознамённой Амурской флотилией.

Наиболее сложный период его деятельности — это командование Северным флотом с июля 1940 г. по апрель 1946 г. Следует подчеркнуть, что Арсений Григорьевич Головкин бесценно командовал Северным флотом на протяжении всей Великой Отечественной войны. Под его руководством флот участвовал в обороне Мурманска и Советского Заполярья в целом, обеспечении проводки северных морских конвоев союзников и внутренних конвоев, борьбе на коммуникациях германских войск у Северной Норвегии, Петсамо-Киркинесской наступательной операции.

И после окончания Великой Отечественной войны адмирал Головкин оставался верен своему воинскому и государственному долгу: с апреля 1946 г. — он заместитель начальника, а с февраля 1947 г. — начальник Главного штаба ВМФ — заместитель Главнокомандующего Военно-Морским флотом СССР. С марта 1950 г. — начальник Морского Генерального штаба и первый заместитель военно-морского министра. С июня 1952 г. — А.Г. Головкин назначен командующим Балтийским флотом; в ноябре

1956 г. он становится первым заместителем главкома ВМФ. Депутат Верховных Советов РСФСР и СССР.

Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, высоко оценивая личностные и профессиональные качества А.Г. Головкина, отмечал, что «он был одним из наиболее образованных военачальников нашего Военно-Морского Флота и пользовался большим авторитетом. Успешные действия флота на Севере — лучшая аттестация для командующего...» [12].

Всего за время войны силы флота уничтожили 68 и повредили 28 кораблей и транспортов общим тоннажем свыше 1 млн тонн и 1308 самолетов противника. За умелое руководство силами флота в годы войны и за добросовестную службу адмирал А.Г. Головкин был удостоен высших флотоводческих наград: награжден четырьмя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова I степени, орденом Нахимова I степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Называя высокие заслуги представителя казачества А.Г. Головкина перед Отечеством, следует обратить внимание и на иные грани творческого диапазона этого выдающегося деятеля. Арсений Григорьевич был знатоком и ценителем культуры, театрального искусства и литературы, что отчасти не удивительно: его супруга — одна из знаменитых актрис МХАТ имени А.П. Чехова Кира Николаевна Головкина, сыгравшая, в частности, графиню Ростову в экранизации романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Известно, что адмирал Головкин в период службы на флоте помогал организовывать деятельность театральной труппы,

способствовал работе писателей, помог проявить талант одному из своих матросов (Л. Кербелю), заказав серию скульптурных портретов героев — моряков и летчиков. В настоящее время Л. Кербель является известнейшим российским скульптором.

Отмечая незаурядные личностные качества А.Г. Головки, укажем на то, что, проявляя морскую отвагу и высочайшее профессиональное умение в тяжелых условиях военных походов в ходе Великой Отечественной войны, флотоводец находил в себе силы в короткие минуты отдыха вести дневник, записи из которого, отличающиеся очевидным литературным талантом автора, легли в основу его мемуаров «Вместе с флотом» (выпущенных Воениздатом в 1960, 1979 гг. и переизданных в 1984 г.) [5].

А.Г. Головка умер после тяжелой болезни 17 мая 1962 г. Он похоронен на Новодевичьем кладбище. Знаменательно, что памятник на могиле выдающегося адмирала выполнен его бывшим матросом — Л. Кербелем.

Образцы военно-патриотической культуры представителей казачества воплотились и в сфере оружейного искусства, в частности, в деятельности одного из известнейших мастеров **Федора Васильевича Токарева**. Имеются противоречивые сведения о дне и месте его рождения: по одним данным он родился 2 (14) июня 1871 г. в станице Егорлыкской, ныне Ростовской области [1]; по другим источникам — 22 июня 1871 г. в станице Мечетинской, Донской области. Федор Васильевич окончил казачье юнкерское училище в 1900 г. и с 1891 г. работал оружейным мастером в казачьем полку в Радивилове на Волыни, а с 1900 г. — заведующим ору-

жием. Затем он поступил на курсы при офицерской стрелковой школе в Ораниенбауме, где и начал в 1908 г. конструкторскую карьеру. Несколько лет Токарев трудился на Сестрорецком оружейном заводе, продолжая совершенствовать модель винтовки и работая над новыми образцами автоматической винтовки собственной конструкции [6]. Автоматическая винтовка Токарева наравне с другими конструкторами была признана и прошла комиссионные и полевые испытания. В 1912 г. он представил совершенно новый образец винтовки, значительно улучшенный, над которым работал до 1914 г., до момента мобилизации.

В действующей армии Токарев находился около полутора лет, командовал сотней в 29-м Донском казачьем полку и получил 5 боевых наград за отличие в делах против неприятеля. В 1915 г. его вновь зачислили в штат Сестрорецкого завода, как «отличного техника и конструктора оружия».

Незаурядный талант мастера-оружейника Ф.В. Токарева во всю силу проявился в начале 1920-х годов. С 1921 г. он связал свою судьбу с Тульским оружейным заводом, а в 1924 г. на вооружение Красной Армии был принят ручной пулемет Максима, модернизированный по системе Токарева (МТ — Максим–Токарев). В 1926 г. новатор Ф.В. Токарев представил новый вариант пулемета Максима для применения в авиации, заменивший пулемет Виккерс. В 1927 г. мастер разработал первый отечественный пистолет-пулемет под револьверный патрон (Пистолет-пулемет Токарева образца 1927 г.).

Федор Васильевич нередко выходил победителем открытых конкурсов на лучшие образцы оружия. В 1930 г. на воо-

ружение армии поступил разработанный им самозарядный пистолет ТТ. Токаревым были также разработаны самозарядная винтовка образца 1938 г. (СВТ-38) и самозарядная винтовка СВТ-40, использовавшиеся в период Великой Отечественной войны.

Конструкторский талант Федора Васильевича проявился и на мирном поприще: 1948 г. им был сконструирован оригинальный фотоаппарат для панорамной съемки ФТ-1, выпущенный в небольшом количестве в 1948–1949 гг. на Красногорском механическом заводе. После существенной переработки заводскими конструкторами фотоаппарат Токарева под названием ФТ-2 выпускался с 1958 по 1965 год.

За выдающиеся заслуги в конструкторской деятельности Токареву было присвоено звание Героя Социалистического Труда (1940), он стал лауреатом Сталинской премии. Награжден орденом Ленина, орденом Суворова 2 степени, орденом Отечественной войны 1 степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалями. Четвертый орден Ленина Ф.В. Токарев получил к своему 95-летию в знак высочайшей оценки его трудового вклада.

В заключение краткого обзора темы, лишь в малой степени освещающего роль представителей казачества в развитии государственной, военно-политической и патриотической культуры России, расставим акценты: исконная, традиционная культура воина-защитника нашла свое отражение и воплотилась в подвигах казачества в наиболее сложные периоды российской истории, особенно в годы Ве-

ликой Отечественной войны. Образцы героического служения казачества могут и должны быть включены в учебно-воспитательные модули системы непрерывного образования российского казачества, а также гуманитарную, этнокультурную и этнопсихологическую подготовку профессионального образования с интегрированным казачьим компонентом на всех уровнях, включая высшую школу. Осуществление данного проекта, с нашей точки зрения, необходимо в целях достижения объективности в оценке культурно-исторической роли российского казачества, а также для формирования позитивного образа современного казачества, учитывающего его несомненный вклад в служение гражданскому обществу и его защиту.

Литература

1. *Болотин Д.* Выдающийся советский оружейник. — М.: Воен. вестн., 1971.
2. Великая Отечественная: Комдивы: воен. биограф. слов. — М.: Кучково поле, 2011. — Т. 1. — 736 с.
3. Великая Отечественная: Комкоры: воен. биограф. слов. / под общ. ред. М.Г. Вожакина. — М.; Жуковский: Кучково поле, 2006. — Т. 1. — 672 с.
4. Герои Советского Союза: краткий биограф. слов. — М.: Воениздат, 1987. — Т. 1.
5. *Головкин А.Г.* Вместе с Флотом. — М., 1984.
6. *Гусаров А.Ю.* Ораниенбаум. Три века истории. — СПб., 2011.
7. *Задорожный П.Ф.* О положении дел в казачестве России и ближнего Зарубежья: доклад Совету атаманов Союза казаков России Воронежская область. — Россошь, 2011.
8. Концепция непрерывного образования российского казачества. — М.: МГУТУ имени К.Г. Разумовского, 2012.
9. *Путин В.В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Рос. газ. — 2012. — 20 февр.
10. *Решин Е.Г.* Генерал Карбышев. — 4-е изд., испр. — М., 1987.
11. Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года. — М., 2012.
12. Центральный Военно-Морской Портал [Электронный ресурс]. — URL: <http://flot.com/history/personalities/golovko.htm>.

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ФОРУМ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ИСПРАВЛЕНИЕ»

Уважаемые коллеги!

В Академии ФСИН России **5–6 декабря 2013 года** состоится **Первый Российский международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»**.

Данное мероприятие, впервые проводимое в Российской Федерации, призвано стать фундаментом международной диалоговой площадки по обсуждению актуальных вопросов исполнения уголовных наказаний и выработке эффективных путей их решения на основе современного мирового пенитенциарного опыта, объединяющей усилия ведущих российских и зарубежных специалистов в данной области.

Высокий статус форума подтверждается широким кругом его участников, в числе которых представители Федерального Собрания Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Общественной палаты Российской Федерации, Минюста России, ФСИН России, образовательных и научных учреждений ФСИН России, МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Минобрнауки России, представители зарубежных пенитенциарных служб и образовательных учреждений, общественных организаций, а также известные ученые-пенитенциаристы России и иностранных государств.

В рамках первого дня работы форума состоится пленарное заседание по направлениям: пенитенциарная система в современном обществе: состоя-

ние, проблемы и перспективы; исполнение наказаний, связанных с изоляцией от общества и обеспечение международных стандартов обращения с заключенными; исполнение наказаний без изоляции от общества, участие общественности в деятельности пенитенциарных учреждений; подготовка персонала пенитенциарных учреждений, работа с осужденными.

Во второй день работы Форума обсуждение вопросов состоится в рамках следующих дискуссионных площадок:

Преступность и система наказаний в современных условиях развития общества (Международная научно-практическая конференция).

Уголовно-процессуальные аспекты деятельности уголовно-исполнительной системы (Международная научно-практическая конференция).

Психологическая и воспитательная работа в УИС (Международная научно-практическая конференция).

Актуальные вопросы совершенствования организации режима и охраны в следственных изоляторах и исправительных учреждениях на современном этапе (круглый стол).

Теория и практика осуществления оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной работе (круглый стол).

Трудовая адаптация осужденных: проблемы, состояние и перспективы развития (круглый стол).

Информационные технологии в УИС в условиях модернизации (круглый стол).

Совершенствование кадрового обеспечения деятельности УИС (круглый стол).

Ресурсное обеспечение учреждений УИС в современных условиях (круглый стол).

Актуальные вопросы учетно-аналитической, финансовой и контрольно-ревизионной деятельности подразделений УИС (научно-практический семинар-дискуссия).

Формирование и укрепление позитивного имиджа службы в уголовно-исполнительной системе (дискуссионный клуб).

До начала работы форума планируется издание сборника материалов. В связи с его своевременной подготовкой тексты статей объемом до 5 страниц необходимо направлять в адрес организационного комитета форума по электронной почте: academ-05@mail.ru. Дополнительная информация о проведении форума размещена на интернет-сайте Академии ФСИН России: apu.fsin.su.

Контактная информация:

– (4912) 93-82-59; 28-96-11 — Рыжов Роман Сергеевич, заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе;

– (4912) 93-82-78 — Рахмаев Эдуард Саидович, начальник научного центра Академии ФСИН России;

– (4912) 93-82-62 — Аверкин Сергей Дмитриевич, начальник организационно-научного отдела Академии ФСИН России.

ПЕРВЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС ПО ТРАНСАКЦИОННОМУ АНАЛИЗУ

Кафедра психиатрии Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (заведующий — доктор медицинских наук, профессор ТСТА (Р) Д.И. Шустов) приглашает принять участие в работе **Первого национального конгресса по транзакционному анализу** с рабочим названием «**БИОГРАФИИ И СЦЕНАРИИ**», который состоится **16–18 мая 2014 года** в г. Рязани.

Организаторами конференции являются российские ассоциации РАТА, СОТА, КАТА и Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова. Работа конференции пройдет в аудиториях РязГМУ по адресу: г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9.

По материалам конгресса будет издан сборник научных трудов. Публика-

ция является **бесплатной**. Статьи или тезисы выступлений принимаются **до 1 марта 2014 г.** по электронному адресу: ilyafdtv@rambler.ru (Федотов Илья Андреевич).

Оргкомитет конгресса просит коллег определиться с *формой участия* (короткое сообщение — 15 минут, выступление — 30 минут, мастер-класс — 1 час 15 минут) и проинформировать о ней заранее по электронному адресу: dmitri_shustov@mail.ru.

По организационным вопросам, вопросам размещения и бронирования гостиниц, пожалуйста, обращайтесь к Новикову Сергею Андреевичу по электронному адресу: novikovsa@inbox.ru.

Подробную информацию о программе конгресса можно получить в оргкомитете: dmitri_shustov@mail.ru.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ СТРУКТУР ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. С. Душкин

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы реализации компетентностного подхода в кадровой политике полицейских структур зарубежных стран. Раскрывается специфика отбора, аттестации, расстановки кадров и обучения в полиции Германии, Франции.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, компетентностный подход в управлении личным составом органов внутренних дел, зарубежный опыт, ассесмент-центр, сотрудник полиции.

Summary: the article discusses the implementation of competence-based approach in personnel police agencies in foreign countries. Specification of screening, assessment, placement and training of the police in Germany and France is exposed.

Keywords: professional competences, competence-based approach in the management of the personnel of the agencies of Internal Affairs, foreign experience, assessment center, a police officer.

Задача реализации компетентностного подхода в системе управления личным составом органов внутренних дел в последнее время становится все более актуальной. Данная идея востребована и развивается во многих зарубежных полицейских структурах [7]. Разумеется, в каждой стране существует своя уникальная система отбора, расстановки и подготовки соответствующих специалистов для полиции, сло-

жившаяся под воздействием территориальных, исторических, политических, социально-экономических факторов и особенностей национальных правовых систем [11, с.17]. Проблемы деятельности полиции зарубежных государств рассматривались в трудах российских ученых А.С. Батышева, В.В. Бобырева, В.В. Бойченко, Е.О. Бондаря, А.В. Быкова, Д.В. Васильева, А.В. Губанова, С.А. Дербичевой, Г.П. Ермоловича, М.Ю. Ефремова, И.Ф. Колонтаевской, Р.В. Кулешова, А.В. Мелехина, О.Б. Мороза, А.Р. Попченко, В.П. Сальникова, В.А. Сергеевнина, М.В. Чеишвили, Д.Д. Шалагина, С.Н. Шишкарева, И.Ч. Шушкевича и зарубежных авторов К. Димовне, К. Палмер, Б. Прайс, Е. Битнера, А. Брайдана и др.

В системе правоохранительных органов зарубежных стран полиция считается основной структурой, обеспечивающей общественную безопасность и поддержание правопорядка.

Компетентностный подход, как основа кадрового менеджмента в полицейских структурах, имеет ряд преимуществ. Во-первых, компетентностный подход сочетает в себе интеллектуальную, ценностную составляющие оперативно-служебной деятельности. Во-вторых, в идеологии компетентностного подхода заложена концептуальная основа специфики содержания этой деятельности, формируемая «от результата, стандарта на выходе». В-третьих, компетентностный подход в управлении обладает инте-

гративной природой, поскольку включает в себя группы однородных или схожих умений и знаний, относящихся к разнообразной служебной деятельности в рамках подразделения полиции.

Компетентностный подход предполагает оценку сотрудников полиции через сравнение результативности, качества и сложности осуществленного труда с эталонными характеристиками в данной деятельности (должности). Поэтому определенный набор таких компетенций может достаточно точно описать трудовое поведение, которое требуется для успешной работы в данной должности или подгруппе сходных должностей [8].

За рубежом полиция каждой страны устанавливает свои собственные стандарты, имеющие отношение к местным социальным потребностям и условиям.

Цель кадровой политики полицейских структур зарубежных стран — рекрутирование и отбор на службу достойных кандидатов, отвечающих не только моральным, но и специальным требованиям, обладающих компетенциями необходимыми для выполнения ими полицейских функций.

В последние годы полициями зарубежных стран все большее внимание уделяется поиску новых способов формирования контингента полицейских органов. В развитых демократических государствах действует тщательно продуманная и хорошо отлаженная процедура рекрутирования (привлечения кандидатов на службу) и селекции. Рекрутирование и селекция при этом являются двумя фазами единого процесса отбора в полицию, либо в полицейское образовательное учреждение. М.В. Щелкунова отмечает, что рекрутирование — про-

цесс привлечения кандидатов, отвечающих определенным, выработанным в данной национальной или региональной полицейской системе требованиям [12, с. 518]. В широком смысле профессиональный психологический отбор начинается с момента подачи заявления до окончания испытательного срока, который в ряде стран включает в себя и обучение. Большое значение в процессе профессионального психологического отбора имеют теоретические и практические подходы к наличию профессиональных компетенций у кандидата на службу в полицию.

Особенностями профессионального психологического отбора и расстановки кадров в полицейские структуры Германии, Франции, являются: высокий конкурс на вакантные места, комплексное изучение различных свойств и качеств претендентов, четкая последовательность на этапах продвижения по службе (отбор граждан при поступлении на обучение и службу, отбор сотрудников для дальнейшего обучения и перемещения на должности, требующие более высокой квалификации, отбор кандидатов, претендующих на руководящие должности. Кроме того, принимаемые на службу в эти структуры лица, прежде чем занять любую, даже самую низкую должность, обязаны пройти подготовку в одном из специальных ведомственных учебных заведений. В этих государствах чрезвычайно большое внимание уделяется созданию высокого имиджа правоохранительных органов в обществе [9].

При анализе западноевропейского опыта работы с кадрами полиции особое внимание обращает на себя практика отбора, аттестации и подготовки сотрудников полиции в Германии. Многие спе-

циалисты считают ее наиболее эффективной и результативной в Европе [2,3].

Полиция в Германии децентрализована. Каждая из 16 федеральных земель имеет свою полицию и свою систему ее подготовки. Рассмотрим подробно реализацию компетентностного подхода на примере особенностей прохождения службы в полиции Федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия, организации обучения и профессиональной подготовки служащих немецкой полиции [5].

Основными задачами территориальных органов полиции являются организация раскрытия преступлений, борьба с преступностью; обеспечение безопасности дорожного движения; обеспечение общественного порядка и общественной безопасности; административная и лицензионно-разрешительная работа.

Набор в полицию происходит 1 раз в год 1 сентября. Для приема на работу в полицию необходимо наличие гражданства Германии, и в отдельных случаях Евросоюза, среднего образования и определенных физических данных. При отборе абитуриенты проходят тест на употребление наркотиков, запрещено наличие видимых из-под форменной одежды татуировок. В зависимости от места жительства кандидату предлагается обратиться в одно из территориальных управлений полиции. Первоначальная проверка кандидата происходит там.

Аттестация используется в полиции земли Северный Рейн-Вестфалия в качестве инструмента анализа возможностей сотрудников полиции. В полиции земли Северный Рейн-Вестфалия проходят службу полицейские служащие и правительственные служащие (гражданские). При этом и те и другие могут

быть в подчинении друг у друга. Есть еще вольнонаемные сотрудники, которые аттестацию не проходят.

Аттестацию проходят полицейские служащие и правительственные служащие, за исключением сотрудников аппарата МВД и тех, кому осталось до выхода на пенсию 6 и менее лет. Аттестация проводится раз в 3 года одновременно для всего личного состава. Внеочередные аттестации проводятся в исключительных случаях при переводах госслужащего высшего состава. Аттестационная комиссия полиции земли Северный Рейн-Вестфалия, как таковая, отсутствует, формализованный бланк аттестации заполняет непосредственный начальник, утверждает аттестацию начальник управления, мнения других руководителей носят рекомендательный характер и при утверждении аттестации могут учитываться или не учитываться [7].

В земельном ведомстве по профессиональной подготовке, повышению квалификации и кадрам полиции земли Северный Рейн-Вестфалия (СРВ) ведется список должностей высшего состава полиции для последующего назначения на высвобождаемые должности (по результатам аттестации). Высший состав полиции (тарифная сетка А-13) составляет 1,5% общей численности полиции или около 700 человек [6].

Целью аттестации является перемещение по службе сотрудника полиции, в первую очередь, на вышестоящую должность. Она является основным инструментом измерения эффективности работы сотрудника полиции.

Главная задача аттестации определить рейтинг сотрудника, установить очередность назначения на вышестоящие должности.

Регламент аттестации разрабатывается Министерством внутренних и коммунальных дел Федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия и представляет собой свод нормативов для проведения аттестации.

Порядок проведения аттестации определяется в зависимости от тарифной сетки. Средний состав полиции проходит аттестацию в территориальных подразделениях. Для полицейских аттестацию подписывает руководитель служебной группы (подразделения), утверждает начальник управления. Все участники аттестации подписывают аттестацию, с указанием согласны они с ней или не согласны. Решение принимается начальником вне зависимости от всех, но с учетом мнений участников.

Высшее звено проходит аттестацию в Земельном ведомстве по профессиональной подготовке, повышению квалификации и кадрам полиции. Аттестацию представляет начальник управления, утверждает начальник ведомства.

Итоговую оценку по аттестации дает руководитель управления. По итогам аттестации выставляется оценка по 5-балльной системе (1 балл — плохо, 5 баллов — очень хорошо). При этом он может выставить оценку в 5 баллов не более 10 % личного состава и оценку в 4 балла не более 20 % сотрудников. При снижении оценки необходимо мотивировать свое решение. Оценка дается каждому, но в сравнении с другими кандидатами. При одинаковых оценках кандидатов учитывается предыдущая аттестация (до 3-х последних аттестаций), при равенстве оцениваются результаты выпускных экзаменов в институте, учитывается стаж работы, срок ожидания повышения; при равен-

стве показателей отдается предпочтение женщине [7].

Аттестация вручается каждому сотруднику под подпись, и они вправе внести в неё рекомендации. Сотрудник может не согласиться с выводами аттестации и подать жалобу в административный суд.

Психологическое обеспечение работы с кадрами в полиции земли Северный Рейн-Вестфалия осуществляется сотрудниками центральных (административных) отделов ведомств, районных управлений полиции, в основном имеющими психологическую подготовку в рамках повышения квалификации. Психологи, имеющие базовую академическую профессиональную подготовку, работают в 3-м отделе (отдел руководства, менеджмента и права) Земельного ведомства по профессиональной подготовке, повышению квалификации и кадрам полиции и в центральном отделе полицейского президиума г. Кельна. Они осуществляют индивидуальную консультативную помощь сотрудникам по личным и профессиональным вопросам, принимают участие в проведении профессиональной психологической подготовки персонала, разрабатывают и внедряют концепцию развития личного состава полиции (анализируют возможности персонала в полиции земли Северный Рейн-Вестфалия, разрабатывают профессиональные профили при решении задач расстановки кадров, менеджмента здоровья). Психологической службы как отдельной структуры в полиции земли Северный Рейн-Вестфалия нет.

Анализ возможностей персонала. В полиции земли Северный Рейн-Вестфалия выделено около 120 долж-

ностей, среди которых 80 должностей описаны и на них составлены профессиональные профили (психограммы) для проведения аттестации сотрудников на разряды тарифной сетки и конкурсных отборов. При описании профилей выделены различные компетенции (личностные, социальные, методические, педагогические, управленческие, к выполнению конкретных задач и т.д.), наличие которых обеспечивает успешность служебной деятельности сотрудника на той или иной должности [7]. Компетенции оцениваются экспертами (непосредственный руководитель, вышестоящий руководитель) на основе анализа результатов профессиональной деятельности, в ходе бесед, наблюдений, а также в ходе комиссионной работы в рамках ассесмент-центров и по результатам психологического тестирования. Работа ассесмент-центров предполагает изучение личности сотрудника на основе анализа презентации им своих возможностей и способностей, ответов сотрудника на заданные комиссией вопросы (в том числе ситуационные проблемные вопросы) и поведения в ролевых играх. Анализ возможностей персонала определяет путь карьерного развития сотрудника либо по вертикали (управленческая карьера), либо по горизонтали (карьера по специальности) [6].

Анализ управленческого потенциала сотрудников. Метод разработан в 3-ем отделе (отдел руководства, менеджмента и права) Земельного ведомства по профессиональной подготовке, повышению квалификации и кадрам полиции СРВ для отбора на руководящие должности, но нормативно еще не введен в действие. Предполагаются 2 формы анализа потенциалов: сегментарная (на со-

ответствие личности профилю управленческой деятельности того или иного разряда тарифной сетки) и абсолютная (пригодность личности к управленческой деятельности). В первом случае оцениваются управленческие компетенции, во втором 4 группы профессионально важных способностей руководителя:

- способности, связанные с инициативой и творчеством;
- способности, связанные с обучаемостью;
- способности, связанные с претворением в жизнь идей, решений;
- способности, связанные с мотивацией управления.

Анализ управленческого потенциала сотрудников предполагает изучение биографического пути личности, оценку его личностных ресурсов в настоящем и прогноз развития личности на будущее. Методы оценки управленческого потенциала сотрудников — экспертное оценивание, личные беседы, психологическое тестирование, ассесмент-центр.

М.В. Пряхина отмечает, что концепция развития личного состава в полицейском президиуме г. Кёльн земли Северный Рейн-Вестфалия ориентирована на работу как с каждым отдельным сотрудником, так и с коллективами и организацией в целом. Направления реализации концепции: развитие персонала, менеджмент здоровья, занятия спортом [6].

Развитие персонала предполагает сопровождение конкурсных отборов, аттестации, переводов по службе, продвижений по службе и других кадровых действий на основе анализа потенциала личности. Так, например, алгоритм анализа потенциала руководителей среднего звена предполагает несколько ступе-

ней. На первой ступени у сотрудников, подавших заявления на должности руководителей среднего звена, диагностируется профессиональная пригодность к управленческой деятельности соответствующего уровня управления, на основе результатов теста «Управленческие ситуации» и оценки компетенций по профилю должности.

На второй ступени анализа управленческого потенциала сотрудники проходят ассессмент-центр.

Третья ступень — фаза поддержки, которая осуществляется в течение 1 года. В этот период разрабатывается индивидуальный план развития сотрудника, проводятся занятия по проблемам управления, тренинги управленческих навыков и личностных качеств, встречи с опытными руководителями, дни рефлексии (отражения), анализ экспертами результатов практической деятельности на руководящих должностях. По результатам успешной работы за этот год сотруднику присваивается управленческая функция (уровень управления), и он может аттестоваться по данному уровню.

Менеджмент здоровья ориентирован на проблему профилактики старения кадров полиции и включает в себя следующие направления работы: координация занятий по служебному спорту; анализ причин заболеваемости сотрудников; проведение опросов сотрудников на предмет изучения факторов организационного стресса; сопровождение сотрудников, находящихся долгое время на больничном листе; подготовка докладов по состоянию здоровья и возрастной структуре сотрудников. Эти направления работы выполняют сотрудники 321 центрального отдела полицейского президиума г. Кёльн [5].

В других землях Германии также активно применяется комплексный метод оценки персонала полиции — ассессмент-центр. Г.А. Литвинова отмечает, что в последние 10 лет именно этот метод используется в полиции Баварии для отбора кандидатов на высшие руководящие должности [4]. В полиции земли это руководители крупных подразделений, таких как полицейские президиумы, полицейские инспекции, отраслевые управления полиции, руководители служб или специальных отрядов полиции. Ежегодно в Институт повышения квалификации полиции Баварии приглашаются для прохождения ассессмент-центра руководители, которые формально соответствуют всем необходимым требованиям для участия в отборе. Ассессмент-центр продолжается 2 дня, с его помощью отбирают тех кандидатов, которые во-первых, имеют желание руководить и во-вторых, имеют потенциал для эффективного управления крупными подразделениями полиции. Параметры, по которым наблюдатели оценивают кандидатов, разработаны практиками и психологами, ассессмент-центр построен так, что демонстрация нетипичных для руководителей паттернов поведения представляется невозможным.

В своей структуре ассессмент-центр опирается на ряд принципов [4]:

1. Принцип ориентации на требования. Оценка профессиональной пригодности проводится после тщательного анализа требований к должности руководителя полиции и постоянного изучения актуального положения в полиции Земли, проблем и слабых мест в руководстве персоналом.

2. Принцип ориентации на поведение. В протоколах ассесмент-центр регистрируются наблюдаемые факты поведения участника, а не оценочные термины, обозначающие его способности.

3. Принцип имитации. В ассесмент-центр поведение наблюдается и оценивается в ситуациях, имитирующих те, которые в реальной деятельности определяют эффективность достижения целей должностной позиции.

4. Принцип открытости. Все заинтересованные стороны (участники, наблюдатели, разработчики) должны быть полностью проинформированы об основных целях, процедуре и значении метода.

5. Принцип индивидуальности. По окончании ассесмент-центр каждому участнику предоставляется максимально конкретная обратная связь, с ориентацией на его собственное поведение.

6. Системный принцип. Ассесмент-центр без включения в общую систему обучения и оценки персонала полиции, не может соответствовать своим изначальным целям. Поэтому все задания ассесмент-центр согласованы с принципами предварительного отбора абитуриентов для обучения в Академии управления полиции Германии (г. Мюнстер), а также с проведением последующих тренинговых мероприятий для руководящего состава полиции Баварии. Концепция ассесмент-центр в полиции построена таким образом, что содержательная сторона постоянно изменяется, однако общая структура проведения сохраняется: ролевые игры; интервью для прессы перед камерой; саморефлексия (умение объективно оценить свои сильные и слабые стороны); заключительное собеседование с кандидатом.

Г.А. Литвинова отмечает, что из 13 составляющих социальной компетенции руководителя (по разработанной в полиции Баварии профессиограмме) оцениваются следующие: навыки управления персоналом; навыки управления конфликтом; эмоциональная стабильность и стрессоустойчивость; коммуникативные способности; навыки саморефлексии [4]. К упражнениям предъявляются следующие требования: упражнения подбираются на основе анализа деятельности руководителя; не требуют специальных знаний, чтобы не создавать особые преимущества для участников, владеющих ими; поведение, релевантное используемым показателям, должно наблюдаться в течение одного упражнения несколько раз; имеется более чем одно упражнение, в котором наблюдаются и оцениваются одни и те же показатели; упражнения стандартизованы настолько, чтобы проявления поведения участников можно было сопоставить и оценить; упражнения должны несколько раз предварительно апробироваться на представителях соответствующей целевой группы сотрудников. В состав команды наблюдателей входят как представители высшего руководящего состава полиции, так и психологи. Именно это позволяет достичь наибольшей точности диагностики претендентов. Мы согласны с Г.А. Литвиновой в том, что проведение ассесмент-центра имеет очевидные преимущества для полиции Баварии. Это, прежде всего, большая точность при принятии кадровых решений, систематический мониторинг имеющегося кадрового потенциала. Кроме того, решения, связанные с персоналом, становятся «прозрачными», что ведет к улучшению социально-

психологического климата в подразделениях полиции.

В отличие от Германии, в другом западноевропейском государстве — Франции, система отбора, расстановки, подготовки полицейских кадров носит централизованный характер [10].

Фактором, способствовавшим выработке масштабной политики полицейского образования, стала реформа «близкой полиции» 1998–2002 г. Во Франции концепт «близкая полиция» или, «территориальная полиция» («*police de la proximité*») появился в 1980-е гг. XX века как конкретизация триады «территориализация, партнерство, ясность» [1]. «Близкая полиция» понималась как общественная служба, оказывающая населению услуги в сфере обеспечения порядка, спокойствия жителей, а не как орган, ориентированный только на борьбу с преступностью [14]. Поэтому в ее деятельности превентивный аспект превалировал над репрессивным, отвечая в этом запросам жителей.

На сегодняшний день французская полиция состоит из двух основных централизованных институтов — Национальной полиции и жандармерии. Они в целом, обладают схожими полномочиями. Существует также местная муниципальная полиция, занимающаяся охраной общественного порядка в небольших городах.

На службу в полицию принимают граждане Франции в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие среднее образование, хорошее здоровье и направление, утвержденное префектом. Перед тем как занять какую-либо должность в полиции, поступающий на службу обязан пройти подготовку в одном из полицейских учебных заведений. Франция

одной из первых в Европе приступила к созданию полицейских учебных заведений, тем не менее, важность развития системы подготовки кадров полиции, по признанию специалистов, была осознана достаточно поздно [13]. Поступление в полицейские учебные заведения предполагает основательный конкурсный отбор. Начальная подготовка рядовых полицейских является наиболее отлаженным звеном в системе профессиональной подготовки МВД Франции. Она длится 12 месяцев. В течение четырех месяцев слушатели получают базовые знания, необходимые полицейскому для несения патрульно-постовой службы. После этого обучаемые направляются на стажировку в полицейские подразделения, где под руководством опытного наставника, знакомятся с практикой работы. По результатам работы руководитель стажировки выставляет подопечному оценку. По окончании месяца стажер вновь возвращается в учебное заведение, где в течение недели совместно с преподавателями подводит итоги, выясняет возникшие проблемы в несении службы. Затем на протяжении трех недель ему даются дополнительные знания, и он вновь на месяц направляется на стажировку в полицейское подразделение, где уже самостоятельно выполняет несложные обязанности.

В рамках реформы важнейшим этапом стало выявление должностных компетенций выпускника специального учебного заведения, а именно Высшей национальной полицейской школы Франции (ENSP). Данное учебное заведение осуществляет первоначальную подготовку комиссаров полиции. Работа по выявлению компетенций была начата в 2003 году, в 2005 году был составлен

ориентировочный перечень должностных компетенций, затем была создана специальная экспертная комиссия, которая классифицировала и ранжировала компетенции [15].

Основными направлениями деятельности национальной полиции и Высшей национальной полицейской школы Франции стала формализация компетенций, социально ожидаемых от комиссара полиции. Проведенный анализ служебной деятельности комиссаров полиции сделал ставку на сочетании теоретического образования и практики, оптимизации процесса первоначального образования комиссаров полиции, а именно на актуализацию целей обучения и профессионализацию, диагностику профессиональных компетенций. Понятие компетенций неразрывно связано с деятельностью, достижениями, результатами.

Таким образом, были названы восемь главных компетенций, которые соответствуют основным направлениям деятельности [1]:

1. Руководство управлением общественной безопасности департамента: позиция — компетенция, социально ожидаемая от комиссара полиции, ответственного за направление общественной безопасности Департамента. Поставленная задача: обеспечивать эффективную непрерывность действий в управлении общественной безопасности Департамента, снизить уровень преступности, поддержание законности и порядка на территории.

Компетенция 1: обеспечивать организационные условия для оптимальной работы общественной безопасности Департамента, сокращение уровня преступности, путем суммирования че-

ловеческих, материально-технических и финансовых ресурсов на прилегающей территории.

Компетенция 2: контролировать деятельность направления общественной безопасности Департамента, принятие решений, обеспечивающих и необходимых для регулирования и эффективной деятельности.

2. Руководство службами территориальной безопасности или городской полицией, обеспечивающими охрану общественного порядка и безопасность дорожного движения: позиция — компетенция, социально ожидаемая от комиссара полиции, ответственного за службу и подтверждающего миссию городской полиции, обеспечивающего охрану общественного порядка и безопасность дорожного движения. Поставленная задача: максимальное функционирование и единство службы общественного порядка и службы безопасности дорожного движения, обеспечивать непрерывные и скоординированные действия по предупреждению, профилактике и обеспечивать наказание преступников.

Компетенция 1: оптимизировать функциональную сплоченность службы общественной безопасности на прилегающей территории, предотвращать, предупреждать нарушения, контролировать дорожное движение.

Компетенция 2: руководить службой общественной безопасности, повышать эффективность деятельности, регулировать процесс и оценивать результативность.

3. Обеспечение организации работы следственных подразделений в системе общественной безопасности департамента: позиция — компетенция, социально ожидаемая от комиссара полиции,

ответственного за службу судебных расследований в общественной безопасности Департамента. Поставленная задача: организация эффективной синергии ресурсов, обеспечивать оптимальные скоординированные действия по оказанию услуг судебного расследования в системе общественной безопасности.

Компетенция 1: организовывать ставку в действенном слиянии средств, обуславливая оптимальное развертывание деятельности службы судебных расследований в общественной безопасности Департамента, увеличивать количество идентификаций и запросов на лиц, совершивших преступления и правонарушения.

Компетенция 2: оптимизировать эффективность продукции службы судебных расследований, проводить анализ преступности, оценивать технический процесс расследований, обеспечивать гарантии, отвечающих нормам юридического судопроизводства.

4. Обеспечение организации расследования преступлений судебной полицией: позиция — компетенция, социально ожидаемая от комиссара полиции, ответственного за службу судебных расследований в Уголовной полиции. Поставленная задача: обеспечение качества процедур, установленных Департаментом полиции в пределах своей юридической ответственности, максимальное повышение эффективности процесса расследования.

Компетенция 1: гарантировать качество судебного судопроизводства службой Уголовной полиции, оптимизировать эффективность процесса расследования.

Компетенция 2: координировать деятельность службы Уголовной полиции,

отвечать за регулирование продуктов расследования, оценивать действенную мобилизацию профессиональных компетенций, контролировать формализацию судопроизводства.

5. Руководство службами общей информации: позиция — компетенция, социально ожидаемая от комиссара полиции, ответственного за службу общей информацией. Поставленная задача: обеспечение информацией гражданских властей, оптимизация работы и организация службы общих сведений.

Компетенция 1: удовлетворить информационные потребности органов государственной власти, оптимизировать организацию производства службы общей информацией.

Компетенция 2: оценивать функциональность сервисной организации справочной информацией для обеспечения непрерывного производства и адаптации информации за счет оптимизации ресурсов и профессиональных компетенций.

6. Обеспечение руководства подразделениями территориального надзора: позиция — компетенция, социально ожидаемая от комиссара полиции, ответственного за подразделение территориального надзора.

Поставленная задача: обеспечивать качество информации, подготовленной бригадой территориального надзора, для оптимальной поддержки решения властей и правительства, что способствует предотвращению актов, угрожающих национальной безопасности.

Компетенция 1: оптимизировать процесс производства по стратегическому расследованию в подразделении территориального надзора, оценивать организационные и оперативные запро-

сы на полученную информацию от центрального аппарата.

Компетенция 2: оценивать производство деятельности бригады территориального надзора, руководить и контролировать процесс расследования.

7. Руководство пограничной полицией: позиция — компетенция, социально ожидаемая от комиссара полиции, ответственного за направление пограничной полицией. Поставленная задача: повышение эффективности борьбы с нелегальной иммиграцией в префектуре области, удаление нелегалов в результате институциональных, административных и судебных действий полиции.

Компетенция 1: повышение эффективности борьбы с нелегальной иммиграцией, определить стратегические направления в борьбе с нелегальной иммиграцией, создать необходимые условия для организационного партнерства и для достижения высоких результатов пограничной полицией.

Компетенция 2: координировать действия пограничной полиции и управления по железнодорожному транспорту по регулированию вопросов с нелегальной миграцией.

8. Руководство Республиканскими отрядами безопасности: позиция — компетенция, социально ожидаемая от комиссара полиции, ответственного за Республиканские отряды безопасности. Поставленная задача: обеспечение деятельности Республиканских отрядов безопасности для поддержания общественного порядка, предотвращение, пресечение, гарантия наказания за преступления, а также контроль дорожного движения.

Компетенция 1: оптимизировать функциональность служб Республи-

канских отрядов безопасности, организовать работу по материально-техническому развертыванию.

Компетенция 2: обеспечивать непрерывное производство, адаптировать деятельность компании, регламентирующую правила работы, управлять процессом, оценивать результаты.

Об объективности компетентностного подхода и расстановки кадров на местах по профилю должностей свидетельствуют результаты анкетирования выпускников Высшей национальной школы полиции, результаты анкетирования комиссаров полиции через год после окончания школы, результаты анкетирования руководителей этих комиссаров полиции после года работы, высокие показатели деятельности комиссаров полиции [1].

Таким образом, в рамках реформирования МВД Франции, а также системы полицейского образования и подготовки комиссаров полиции в Высшей национальной полицейской школе Франции был внедрен компетентностный подход.

Проведенный анализ опыта полицейских структур зарубежных стран в реализации компетентностного подхода в кадровой политике, в отдельных случаях следует считать полезным для системы МВД России. Его заимствование не должно быть слепым копированием и предполагает тщательный анализ возможности его использования с нашей стороны с учетом политического, исторического и других факторов развития нашего государства. Такой опыт может быть связан с внедрением более высоких требований к системе отбора, расстановки кадров, подготовки сотрудников за счет повышения образования, внедрения ряда высокотехнологичных

проверок и контроля, организации логичного и понятного для каждого сотрудника полиции структуры кадрового менеджмента.

Литература

1. *Андреева И.А.* Развитие системы профессиональной подготовки сотрудников полиции во Франции (1980-е – 2000-е гг.) // *Право и образование.* – 2010. – № 9. – С. 82–92.

2. *Антонов И.П.* Полиция в механизме государства: на материале Федеративной Республики Германия: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 261 с.

3. *Быков А.В.* Теоретические и прикладные проблемы функционирования национальных полицейских систем: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 371 с.

4. *Литвинова Г.А.* Применение психодиагностического метода Ассессмент-Центр в полиции Баварии // *Коченовские чтения «Психология и право в современной России».* – М.: МГППУ, 2010. С. 212–214.

5. Отчет о служебной командировке делегации МВД России в г. Зельм (Германия) в период с 13 по 19 февраля 2011 г. – URL: <http://www.ufali.ru/institute/news/detail>. (дата обращения: 29.08.2013).

6. *Пряхина М.В.* Личностно-ориентированные технологии в работе с кадрами полиции земли Северный Рейн-Вестфалия // *Вестник СПбУ МВД России.* – 2011. – № 2 (50). – С. 244–246.

7. *Пряхина, М.В., Душкин, А.С., Мартиросова, Н.В.* Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России на основе ком-

петентностного подхода: монография. – СПб.: Изд-во СПбУ МВД России, 2012. – 136 с.

8. *Сафуанов Ф.С.* Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // *Прикладная юридическая психология.* – 2011. – № 1. С. 8–18

9. *Шушкевич И.Ч.* Подготовка сотрудников правоохранительных органов в странах Западной Европы: система, методика, организация // *Вестник СПбУ МВД России.* – 1999. – № 3. – С. 143–146.

10. *Шушкевич И.Ч.* Профессиональная подготовка полицейских в Европейских странах. – СПб., 1997. – С. 44–50.

11. *Шушкевич И.Ч.* Система подготовки кадров для правоохранительных органов зарубежных стран (теоретический и организационно-правовой аспекты). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998. – 25 с.

12. *Щелкунова М.В.* Профессиональный отбор на службу в полицию // *Энциклопедия юридической психологии* / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 518.

13. *Antonmattei P.* La formation des policiers // *Pouvoirs.* 2002. № 3 (102). p. 57–69. – URL: <http://www.cairn.info/revue-pouvoirs-2002-3-page-57.htm> (дата обращения: 11.08.2013).

14. *Bolle P.-H.* La police de proximité: notion, institution, action // *Eguzkilore.* – 1998. – № 12. P. 172

15. *Heyraud Ch. et Rossion A.* Référentiel de compétences socialement attendues d'un commissaire de police Chantal. Ecole nationale supérieure de la Police. 2006. [URL: <http://www.ensp.interieur.gouv.fr/content/.../TexteReferentieCompetences.pdf> (дата обращения: 23.08.2013).

ПОЗДРАВЛЯЕМ С 65-ЛЕТИЕМ ДОКТОРА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА БОГДАНОВА!

Поздравляем с 65-летием известного ученого, заслуженного деятеля науки, доктора психологических наук, профессора **Богданова Евгения Николаевича**. Евгений Николаевич родился 1 октября 1948 года. За свою научную деятельность издал более 200 публикаций, 20 учебников и учебных пособий, подготовил 12 докторов наук и 40 кандидатов наук. В настоящее время Евгений Николаевич является проректором по учебно-методической и научной работе НОУ ВПО «Высшая школа психологии».

Редколлегия журнала «Прикладная юридическая психология» желает Евгению Николаевичу крепкого здоровья, долгих лет жизни и высоких достижений в научной и педагогической деятельности.

ЖИЗНЬ НА СТЫКЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (К 60-ЛЕТИЮ ОЛЕГА ВИКТОРОВИЧА СТАРКОВА)

Н. И. Махиборода

Об **Олеге Викторовиче Старкове** можно долго говорить, можно говорить о его многогранности, таланте, трудолюбии, можно говорить, что долго шло его становление, но становление состоялось, и не в масштабах своего Отечества, а в масштабах мирового сообщества, можно говорить о его многих человеческих недостатках, которые в сложных условиях преобразуются в его достоинства, можно говорить о том, что он долго искал свою любовь, но каждая женщина, находившаяся с ним рядом, может подтвердить, что он способен на большую настоящую любовь, и прежде всего об этом может говорить его жена Ольга, с которой они вот уже 17 лет делят и радости, и горести, и победы, и поражения, а главное, что он никогда не оставлял в беде своих друзей, об этом может сказать каждый его друг.

Старков Олег Викторович, доктор юридических наук, профессор, полковник внутренней службы в отставке, соучредитель и вице-президент (почетный) Российской криминологической ассоциации; главный редактор журнала ВАК России «Российский криминологический взгляд».

Родился в селе Подбельск Самарской (Куйбышевской) области 26 ноября 1952 г., в 1970 г. с отличием закончил школу. В 1975 г. с отличием закончил гуманитарный факультет Куйбышевского (Самарского) государственного университета по специальности правоведение; работал адвокатом в Куйбы-

шевской областной коллегии адвокатов (с 1975 по 1978 год), военным следователем в военной прокуратуре Львовского гарнизона во время прохождения службы в Вооруженных Силах (в 1976 г.); трудился в Рязанской высшей школе МВД СССР (ныне Академии ФСИН России) в должностях от старшего преподавателя до профессора и начальника кафедры (с 1982 по 2001 год); в 1988 г. участвовал в охране общественного порядка в Нагорно-Карабахской автономной области. В 2001–2007 гг. состоял в должности профессора Кубанского государственного университета. В дальнейшем или по основному месту работы, или по совместительству: профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств, Северо-Кавказского государственного технического университета, Московского государственного открытого университета, Российской таможенной академии, Международного славянского института; ведущий научный сотрудник Академии бюджета и казначейства Минфина России, главный научный сотрудник Российской правовой академии Минюста России; профессор Московского государственного университета технологий и управления. Приглашается для чтения лекций за рубежом, в частности, в ноябре 2008 г. читал лекции для cadетов Латвийского полицейского колледжа, докторантов Рижского университета Страдия, студентов Балтийского международного университета; в 2000 г. —

в Казахском национальном университете имени Аль-Фараби и в Казахском национальном педагогическом университете (Алматы, Казахстан); в 2011 г. — в Евро-Азиатском национальном университете имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан). В 2011 г. участвовал в заседании Конституционного совета Казахстана и Комитета по законодательству Меджлиса Казахстана.

В процессе обучения в очной аспирантуре МГУ имени М.В. Ломоносова (1978–1981 гг.) в 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Роль криминогенной ситуации в бытовых насильственных преступлениях» (научный руководитель Н.Ф. Кузнецова); в 1998 г. в Научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ защитил докторскую диссертацию на тему: «Криминологические проблемы исполнения уголовного наказания» (научный консультант Э.Ф. Побегайло), в 2000 г. присвоено ученое звание «профессор».

Велика и область его научных исследований: бытовые насильственные преступления; причинный механизм преступного поведения и преступности, правонарушаемости и правонарушающего поведения; методология криминологии и теории права; предупреждение преступлений и правонарушений; криминоустимиология; криминосексология; религиозное и конфессиональное право; религиозное и конфессиональное право; религиозное и конфессиональное право; религиозное и конфессиональное право; религиозное и конфессиональное право. Имеет собственную научную школу по криминологии (2 защищенные кандидатские диссертации, готовится докторская, 3 монографии), криминотеологии (1 защищенная кандидатская диссертация, 3 монографии), криминовиолентологии

(1 защищенная кандидатская диссертация, 6 книг, 1 монография).

Олег Викторович является автором более 150 научных и учебно-методических трудов, изданных на русском, китайском, латышском, английском, немецком и других языках, из них — свыше 40 книг в виде монографий (11), учебников (17), учебных и учебно-методических пособий (21), в том числе 9 одноавторных книг, 13 книг с одним или двумя соавторами: «О причинах бытовых преступлений» (Омск, 1974); «Уголовная статистика и криминология» (Рязань, 1991); «Бытовые насильственные преступления» (Рязань, 1992); «Криминальная психология» (Рязань, 1995) (в соавт.); «Введение в криминологию» (Уфа, 1997); «Основы криминологии» (Уфа, 1997); «Краткий словарь по криминологии» (Рязань, 1998); «Криминология» (Пекин, на кит. яз., под ред. А.И. Долговой, 2000); «Криминология» (М., 2004); «Криминология: религиозная преступность» (СПб., 2004) (в соавт.); «Предупреждение преступлений» (М., 2005); «Теория государства и права» (М., 2005, 2007) (в соавт.); «Юриспруденция. Введение в специальность» (М., 2005) (в соавт.); «Религиоведение для юристов» (СПб., 2007) (в соавт.); «Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Гл. II» (СПб., 2007) (в соавт.); «Криминология» (Алматы, 2008) (в соавт.); «Криминология» (М., 2010); «Правоведение» (Ростов н/Д, 2011) (в соавт.); «Теория государства и права» (М., 2012) (в соавт.); «Криминовиолентология» (М., 2012) (в соавт.); «Криминология. Общая, Особенная и Специальная части» (СПб., 2012).

Кроме юриспруденции (научные специальности: 12.00.08; 12.00.01),

его работы обогатили и психолого-педагогическую науку.

Олег Викторович впервые в мире открыл факторы несовместимости мужчин и женщин, а также мужчин на основе исследования убийц и выживших потерпевших путем попарного сравнения; разработал методику вхождения в криминогенные ситуации сотрудников правоохранительных органов и разрешения их изнутри в групповой профилактике; автор системы программы по криминальной психологии; обосновал необходимость изучения в русле криминологии, а не только теории управления преступ-

ности сотрудников правоохранительных органов; установил критерии и показатели эффективности всех уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера на основе изучения преступности при их исполнении; предложил систему общесоциальной, микросредовой, групповой и индивидуальной профилактики бытовых преступлений, неформальных молодежных объединений, массовых и религиозных преступлений; в теории права выделил религиозное и профессиональное право, а в структуре правоотношений предложил выделять еще методы и стадии.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor.

Deputy editor:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor.

Deputy editor:

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor.

Executive secretary:

Ye. A. Schelkushkina, PhD in psychology.

Associate editors:

S. K. Bondyreva, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

A. Ya. Grishko, doctor of legal sciences, professor.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Molostvov, PhD in psychology.

N. N. Nechaev, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor.

V. M. Pozdniakov, doctor of psychological sciences, professor.

N. A. Polyinin, PhD in psychology.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor.

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor.

НАШИ АВТОРЫ

БОЛДЫРЕВ

Анатолий Валентинович — начальник учебного центра УФСИН России по Оренбургской области (miriskaz@yandex.ru).

ГАВРИНА

Елена Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры общей психологии Академии ФСИН России (gavrina_elena@mail.ru).

ГОЛОВИНА

Галина Михайловна — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института психологии РАН (gala-galarina@mail.ru).

ДАТИЙ

Алексей Васильевич — доктор медицинских наук, профессор Рязанского государственного медицинского университета им. академика И.П.Павлова (4590056av@mail.ru).

ДЕМЬЯНЕНКО

Алла Владимировна — аспирантка Национального педагогического университета им. М. Драгоманова, Украина, г. Киев (natdemyanenko@mail.ru).

ДУШКИН

Антон Сергеевич — кандидат психологических наук, заместитель начальника кафедры педагогики и социальной психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (dushkin-ac@mail.ru).

ИВАНОВ

Роман Станиславович — преподаватель кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ФГАОУ ВПО «Южный

федеральный университет», эксперт-полиграфолог, руководитель Северо-Кавказского агентства детекции лжи (skadl@bk.ru).

КАЛИНОВА

Ирина Леонидовна — начальник психологической лаборатории ФБУ ИК-5 УФСИН России по Московской области (irinakalinova72@yandex.ru).

КРАСНОЩЕЧЕНКО

Ирина Петровна — доктор психологических наук, доцент, декан факультета психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (kviip@yandex.ru).

КРЫМОВ

Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент, начальник Академии ФСИН России (apu-fsin@mail.ru).

КУПЦОВ

Иван Иванович — профессор, кандидат психологических наук, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (Obshajapsihologia@yandex.ru).

МАХИБОРОДА

Николай Иванович — кандидат педагогических наук, доцент, Российская академия правосудия (nik-makhiboroda@yandex.ru).

ПЕСТРИКОВ

Денис Викторович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (pdw@yandex.ru).

ПИВОВАРОВА

Татьяна Васильевна — адъюнкт кафедры общей психологии Академии ФСИН России (Tanyabeer@yandex.ru).

ПОПОВ

Виктор Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (apu-fsin@mail.ru).

САВЧЕНКО

Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, ректор Высшей школы психологии, (tatka_sav56@mail.ru).

СЕНИК

Ирина Владимировна — психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-1 УФСИН России по Рязанской области (irinasenik1990@mail.ru).

СОЧИВКО

Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

ТАРАМАКИН

Роман Борисович — старший преподаватель кафедры общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, руководитель отдела SMM компании SocialDealer Rus (kviip@yandex.ru).

ЧУБИЧ

Виталий Эдуардович — соискатель Академии ФСИН России (Obshajapsihologia@yandex.ru).

ШАФАЖИНСКАЯ

Наталья Евгеньевна — доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедр «Прикладная психология», «Педагогика и психология» Института социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского. Педагог-психолог высшей категории (shafazhinskaya@mail.ru).

OUR AUTHORS

BOLDYREV A. V. — Head of Russian Federal Penitentiary Service training center in the Orenburg region (miriskaz@yandex.ru).

GAVRINA E. E. — Ph.D., Associate Professor, Head of Department of General Psychology of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (gavrina_ele-na@mail.ru).

GOLOVINA G. M. — Ph.D., Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Psychology RAS (gala-galarina@mail.ru).

DATY A. V. — MD, professor of Rязan State Medical University I.P. Pavlov (4590056av@mail.ru).

DEMIANENKO A. V. — postgraduate of the National Pedagogical University named Dragomanov, Kiev (natdemyanenko@mail.ru).

DUSHKIN A. S. — Ph.D., deputy chief of the Department of Pedagogy and Social Psychology University of St. Petersburg Russian Ministry of Internal Affairs (dushkin-ac@mail.ru).

IVANOV R. S. — the Head of the North Caucasus agency of lie detection, a teacher of Legal Psychology and Military Psychology Chair of Psychology Faculty of

Southern Federal University, a polygraph examiner (skadl@bk.ru).

KALINOVA I. L. — head of the psychological laboratory FBU IK-5 FPS Russia for the Moscow Region (irinakalinova72@yandex.ru).

KRASNOSHECHSHENKO I. P. — doctor of psychology sciences, head of Psychology department of the Kaluga Tsiolkovsky State University (kviip@yandex.ru).

KRYMOV A. A. — chief of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor (apufsin@mail.ru).

KUPTSOV I. I. — Professor, Ph.D., Professor, Department of General Psychology of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (Obshajapsihologia@yandex.ru).

MAHIBORODA N. I. — PhD, Associate Professor, Russian Academy of Justice (nik-makhboroda@yandex.ru).

PESTRIKOV D. V. — Ph.D., senior lecturer in legal psychology and pedagogy of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (pdw@yandex.ru).

PIVOVAROVA T. V. — Associate Chair of General Psychology of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (Tanyabeer@yandex.ru).

POPOV V. V. — in Law, Associate Professor, Honored lawyer of the Russian Federation (apu-fsin@mail.ru).

SAVCHENKO T. N. — Ph.D., Rector of the Higher School of Psychology (tatka_sav56@mail.ru).

SENIK I. V. — psychologist psychology laboratory PKU IR-1 FPS Russia in the Ryazan region (irinassenik1990@mail.ru).

SOCHIVKO D. V. — Doctor of Psychology, Professor, Department of General Psychology of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (sochivo@mail.ru).

TARAMAKIN R. B. — Senior Lecturer, Department of General and Legal Psychology Kaluga Tsiolkovsky State University, Head of SMM SocialDealer Rus (kviip@yandex.ru).

CHUBICH V. E. — applicant Academy FPS Russia (Obshajapsihologia@yandex.ru).

SHAFAZHINSKAYA N. E. — Doctor of Cultural Studies, Ph.D., associate professor, professor of «Applied Psychology», «Pedagogy and Psychology» of the Institute of Social and Humanitarian Technologies of Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovsky. Educational psychologist of the highest category (shafazhinskaya@mail.ru).

The methodology and theory of legal psychology

- Theoretical and methodological analysis of the socio-legal and socio-psychological functions educational center in the prevention of recidivism minors and youth age.
Krymov A.A., Popov V. V. 8
- Rational ways to improve the juvenile offenders.
Kuptsov I.I., Pivovarova T. V. 26
- Psychodynamics gestalt overt and covert aggression in the structure of personal growth. **Sochivko D. V.** 35
- Adaptation techniques in the study of subjective quality of life of people working in shifts. **Golovina G.M., Savchenko T.N.** 41

Applied and experimental research

- Aggression in the behavior of law enforcement officers.
Gavrina E. E. 51
- Psychodynamics of life satisfaction and feelings of happiness.
Sochivko D. V., Chubich V. E. 59
- Characteristics of women sentenced to imprisonment (based on the special census 2009). **Daty A. V.** 68
- Diagnosis professional destruction personality: psychosemantic approach.
Boldyrev A. V. 75
- Comparative analysis of interpersonal communication women convicted if they situationally and the killer disease in the context of their decision medical and psychological assistance. **Kalinova I.L.** 82

Psychopractices

- The possibility of using emotionally-shaped psychotherapy in working with inmates in prisons. **Pestrikov D. V. , Senik I. V.** 89
- Professional self-actualization psychology graduates and their retrospective assessment of educational attainment (based on an online survey conducted in KSU Tsiolkovsky). **Krasnoschechenko I.P., Taramakin R.B.** 96

To help the manager

- Application of a polygraph detector as a way of counteraction to extremism.
Ivanov R. S. 107

To help the researcher-practitioner

- Typology of psychological styles of family education of teenagers in Republic of Iran.
Demianenko A. V. 114

Legal psychology and religion

- Psychological and pedagogical aspects of patriotic service of Russian Cossacks.
Shafazhinskaya N.E. 121

Academic life

The first Russian international penitentiary forum «Crime, punishment, correction».

129

First National Congress on transactional analysis.

131

Dura lex sed lex

Competence approach in personnel police agencies of foreign countries.

Dushkin A. S.

132

Our celebrations

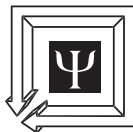
Congratulations on professor Yevgeniy Bogdanov's 65-th anniversary!

144

Life at the intersection of legal and psycho-pedagogy (on the 60th anniversary of Oleg Starkov). **Mahiboroda N. I.**

145

Министерство образования и науки Российской Федерации
**Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский психолого-социальный институт»
(НОУ ВПО «МПСИ»)**

Лицензия на право образовательной деятельности
Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
Серия А №268558 от 07.06.2007. Регистрационный №8919
Свидетельство о государственной аккредитации Серия АА
№000705 от 07.06.2007. Регистрационный №0683

Год основания МПСИ— 1995.

Обучение в Московском психолого-социальном институте даст Вам **классическое высшее образование** по специальностям:

- Государственное и муниципальное управление
- Дошкольная педагогика и психология
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Прикладная информатика в экономике
- Психология
- Социальная работа
- Социально-культурный сервис и туризм
- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур
- Управление персоналом
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

Формы обучения— очная, очно-заочная (вечерняя), заочная (в том числе группы выходного дня).

Результаты ЕГЭ засчитываются на все формы обучения.

Второе высшее образование.

Сокращенные сроки обучения имеющим среднее профессиональное образование соответствующего профиля.

Обучение в институте платное.

Студентам очного отделения на время обучения предоставляется отсрочка от службы в Вооруженных силах РФ.

Иногородние студенты заочной формы обучения на время сдачи экзаменов обеспечиваются общежитием.

По окончании обучения выдается Государственный диплом.

На базе 11 классов работают подготовительные курсы.

Аспирантура: обучение по специальностям: «Педагогика», «Психология», «Экономика и управление», «Юриспруденция».

Обучение в аспирантуре— платное.

При МПСИ работает **диссертационный совет К 521.027.01** по защите кандидатских диссертаций по специальностям 19.00.01— Педагогическая психология; 13.00.01— Общая педагогика, История педагогики и образования.

Адрес института: 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, дом 9а

Проезд: метро «Шаболовская», далее трамв. 26 до ост. «3-я Рощинская улица»

Приемная комиссия: тел. (495) 232-10-70; 958-19-00

Подготовительные курсы: тел. (495) 958-19-00

Управление по работе с филиалами: тел. (495) 954-31-62

Аспирантура: (495) 958-19-00 доб. 129

http: www.mpsinst.ru, E-mail: mpsi@col.ru

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья — 8–12 страниц, обзор, рецензия, информация — не более 5 страниц, иные материалы — по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. Статья должна содержать аннотацию (2–3 предложения); ключевые слова, а также перевод названия статьи, Ф.И.О. автора (полностью), сведения об авторе на английском языке.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т. д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т. е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий) — место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы и страница [10, С. 125].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1
Редакция журнала «Прикладная юридическая психология»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов

только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — В. С. Маланин

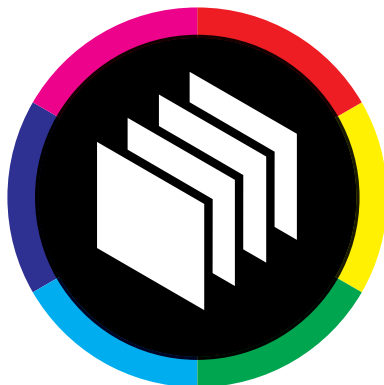
Верстка — В. М. Орехов

Фотограф журнала — Пётр Морозов

Подписано в печать 04.10.2013. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 9,75

Тираж 1500 экз. Заказ № 1231

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

(4912) 21-44-21, 38-27-43, 21-35-14. Россия, 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

- > печать 5+0 или 4+1
- > лакирувальная секция
- > комбинированная сушка

новые технические возможности
обеспечат нашим заказчикам
дополнительные выгоды